

РАБОТНИЦА

№ 2. 1974

Издательство «ПРАВДА»

Тираспольская швейная

— 85 КВАРТАЛОВ ПОДРЯД УДЕРЖИВАЕТ ПЕРВЕНСТВО В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОРЕВНОВАНИИ ШВЕЙНИКОВ СТРАНЫ;

— ДОБИЛАСЬ САМОЙ ВЫСОКОЙ В ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА;

— ВСЮ ПРОДУКЦИЮ ВЫПУСКАЕТ ТОЛЬКО ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ, А 31 ИЗДЕЛИЕ — СО ЗНАКОМ КАЧЕСТВА;

— ЗА МИНУВШИЙ ГОД СШИЛА ИЗДЕЛИЙ НА 72 700 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ, А ПОЛУЧИЛА ТОЛЬКО ТРИ РЕКЛАМАЦИИ;

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ РАБОЧИЙ УЧИТСЯ;

КАЖДЫЙ ЧЕТВЕРТЫЙ ЗА МИНУВШИЙ ГОД ПОВЫСИЛ СВОЮ КВАЛИФИКАЦИЮ.

Рассказ о делах и людях тираспольской швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ читайте на 3—8-й страницах этого номера.

Выполнение и перевыполнение плана 1974 года будет иметь определяющее значение не только для успешного завершения этой пятилетки, но и явится важным шагом к созданию прочной основы для дальнейшего роста экономического потенциала и повышения материального благосостояния и культурного уровня народа в будущем пятилетии.

Центральный Комитет КПСС обращается ко всей партии, ко всему советскому народу с призывом в 1974 году умножить трудовые усилия в борьбе за успешное претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС, еще шире развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение плановых заданий под лозунгом — **дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами.**

Центральный Комитет КПСС уверен, что наши советские женщины, снискавшие своим самоотверженным трудом и повседневной заботой о воспитании детей высокую общественную признательность, внесут весомый вклад в общенародную борьбу за успешное выполнение планов четвертого года пятилетки.

Впереди много дел — сложных и ответственных. Ленинская партия глубоко верит в великую творческую энергию нашего народа, который способен преодолеть любые трудности на пути к цели. А цели у нас благородные и гуманные — процветание Родины, благополучие и счастье всех советских людей.

Наши новые социальные и экономические достижения будут иметь огромное интернациональное значение, еще более увеличивать притягательную силу социализма, способствовать дальнейшему росту международного авторитета Страны Советов.

**ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КПСС К ПАРТИИ, К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ**

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ!

М. ИВАННИКОВА,

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР

Мария Сергеевна Иванникова, ткачиха Московской фабрики имени М. В. Фрунзе, хорошо известна стране. Почин «За экономию сырья и материалов» только на ее родном предприятии поддержали 1248 человек. Она лично обучила своим методам работы 14 молодых ткачих.

План трех лет пятилетки Мария Сергеевна Иванникова выполнила еще 10 октября прошлого года.

В своем Обращении к партии, к советскому народу Центральный Комитет КПСС призывает сосредоточить особое внимание в социалистическом соревновании на ускорении роста производительности труда, повышении эффективности общественного производства. Об этом размышляет Мария Сергеевна.

Я прочла Обращение по дороге на фабрику. Приходилось вам видеть московский автобус или вагон метро? Он весь пестрит газетами, книжками, журналами. Приметила я: москвичи Обращение читали обстоятельно, задерживаясь на цифрах. И, наверное, у каждого было такое же ощущение, как и у меня. Обращение Центрального Комитета к партии и ко всему народу — это ведь и разговор лично с каждым. Вот этот парень сейчас встанет к станку или сядет в кабину самосвала, эта немолодая женщина, может быть, наденет медицинский халат или займет свое место за прилавком. И в деловой напряженности сегодняшнего дня земляки мои невольно вновь и вновь будут соразмерять свою работу с задачами бригады, завода, стройки, учреждения да и всей нашей огромной страны. С задачами на год семьдесят четвертый, который войдет в летопись пятилетки как определяющий.

Да, все мы знаем, что нынешний год с достаточной ясностью определит степень нашего успеха в девятой пятилетке.

Определит он и нашу способность, наше умение, наконец, нашу волю держать высокий темп, взятый в году решающем. Положительные итоги ушедшего года — главный политический итог работы нашей партии, сказал Леонид Ильич Брежнев. Это значит, что каждый из нас делает политику на своем рабочем месте.

«Если мы будем работать завтра лучше чем сегодня, — сказано в Обращении, — то наши планы будут не только выполнены, но и перевыполнены». Никто не может сказать, что это просто, потому что и показатели года минувшего — показатели во многих отношениях выдающиеся. Но ведь достигли-то мы их коллективным умом и коллективным трудом партии и народа!

Разве сегодняшний большой наш хлеб — подарок доброй погоды? Поле наше такое: с одного краю — дождик что надо и вовремя, а на другом — солнце все лето жарит.

Есть в нашем рекордном караване особенность, которая, можно сказать, профессионально близка работнику и сельскому и промышленному. Особенность эта — резко подымавшаяся урожайности. Как сталевар-умелец снимает с квадратного метра пода печи больше и больше металла, как прядильщица или ткачиха заставляет машину выдавать все больше мотков пряжи, рулонов полотна, так и мастер в поле думает не только о том, чтобы распахать да засеять лишний клин, а надеется больше на свой опыт, на технику, на науку. Да и слово, которое все это обозначает, понятно и близко рабочему и колхознику. Интенсификация! Только интенсивное развитие всего нашего народного хозяйства позволит последовательно выполнять главную экономическую задачу девятой пятилетки — обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа.

Справедливо замечено в Обращении: мы, советские люди, сами чувствуем, как меняются к лучшему условия труда и жизни. Растет зарплата, все больше на прилавках добротных товаров. Все чаще новоселье. Все ли мы понимаем ясно, что только от наших трудовых усилий, от нашей инициативы и деловой сметки зависит уровень жизни — сегодняшней и завтрашней?

Возможность показать себя настоящим хозяином, возможность экономить сырье и материалы есть всюду, сказал на недавней сессии Верховного Совета СССР сталевар подмосковного завода «Электросталь» депутат В. Д. Постников. Всегда приятно слушать человека, чьи рассуждения отвечают твоим мыслям! Я знаю, что Постников сам умеет и любит считать. Каждый килограмм сэкономленного сырья, каждый сэкономленный киловатт-час энергии. Не потому ли «Электросталь», где работают такие сталевары, еще в прошлом году вышла на уровень контрольных цифр года 74-го. Не потому ли в своем встречном плане металлургии со всей ответственностью записали: объем производства, производительность труда, заданные на последний год пятилетки, получить уже нынче. Такая тянется ниточка от киловатт-часа к встречному плану тысяч и тысяч: обогнать пятилетку на целый год.

Словно вижу своих товарищей по фабрике, для которых режим экономии — это каждый метр сэкономленной нити, повседневный, дотошный поиск резервов, который обернулся за два года и одиннадцать месяцев экономией в один миллион сто девяносто тысяч рублей. Мы, текстильщики, ясно видим всю важность экономии сырья в хлопчатобумажной промышленности, где его стоимость достигает 80 процентов стоимости продукции.

Возможность показать себя настоящим хозяином я понимаю и как заботу о росте производительности труда, о том, чтобы как можно больше получить от оборудования. За три года пятилетки производительность труда на фабрике выросла на 24,2 процента. Нормы перевыполняют все коммунисты фабрики. Нынче многие ткачихи и прядильщицы начали соревноваться за снижение себестоимости продукции на каждом рабочем месте.

Скажу о себе. Думаю закончить годовое задание к 1 декабря. Выполнять технически обоснованные нормы на 110,2 процента. Всю продукцию сдавать только первым сортом. Дать сверх плана 8 тысяч метров ткани. Сэкономить 60 килограммов сырья, которого хватит еще на 300 метров ткани. Передать свой опыт четырем молодым ткачихам.

В планах мы опираемся на технический прогресс. По своей фабрике вижу, как планомерно и эффективно перевооружается производство на современной основе. Фабрика переходит на безверетенное прядение. Пневматические станки устанавливают у ткачей. И хоть освоение новой техники всегда нелегко — мы видим все ее преимущества.

Верю я, что по всей стране горячо откликнутся рабочие люди на призыв Центрального Комитета — еще упорнее соревноваться за досрочное выполнение плановых заданий. Соревноваться по-деловому, под лозунгом, который точно и четко определяет наши задачи: дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал
Основан 8 марта 1914 года

ФЕВРАЛЬ 1974 • МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Из новых стихов

Раим ФАРХАДИ

Как заклинанье,
Как ворожба:
«Сгори,
Исчезни,
Растай, вражда!
Вражда народов,
Вражда племен,
Как день ненастный,
Как страшный сон».

Угрюмо шепчет
Седа мать:
«Всех потеряла.
Кого отдать?
Два сына было,
Как два крыла.
И я летала,
Их берегла.
Два сына в битве
С врагом легли
Вдали от дома.
В чужой дали...»

Ей отвечает
Младая мать:
«Враг не посмеет
Детей топтать.
А будет битва —
В чаду,
В аду
Сын уничтожит,
Убьет вражду!»
Одно старанье,
Одна судьба.
Как заклинанье,
Как ворожба:
«Сгори, исчезни,
Растай, вражда.
Вражда народов,
Вражда племен,
Как день ненастный,
Как страшный сон...»

Не растеряться
И так опять
Все повторять бы
И повторять:

СГОРИ, ИСЧЕЗНИ,
РАСТАЙ, ВРАЖДА.
УЙДИ БЕССЛЕДНО.
СГИНЬ НАВСЕГДА!

ФЕВРАЛЬАПРЕЛЬ

Месяц был февральапрель.
Звонко тенькала капель.
Таял снег. Текли ручьи.
Мы, наверно, не учили,
Что еще стоял февраль —
Пересмешник, старый
враль.
Нам же чудился апрель...
Лепет почек. Птичья трель.

Грели ласково лучи.
Но разумные грачи
Там, за тридевять земель,
Эту раннюю капель
Не могли принять всерьез:
Ночью вновь трещал

мороз.
Рано прилетать пока.
Надо, чтоб наверняка.
Ладно строить. Гнезда

вить.
В срок влюбляться
и любить.

Ну, а мы среди зимы
Брали у зимы взаймы.
Не хватило нам тепла...
Стала улица бела.
Заморозило ручьи.
Домовитые грачи
Там, на юге, в дальний путь
Собирались. Ну и пусть!
Закружила нас метель.
Кончился февральапрель.
Снег блестел на мостовой.
Голос твой и голос мой
Все звучал из тишины,
Все звучал из тишины,
Все звучал из тишины:
— До свиданья! До весны...

КОВЕР ИЗ ЧУСТА

В этом
И суть искусства —
Жизнью дышать самой!
Вот он —
Ковер из Чуста,
Работы тонкой,
Ручной.
Три полосы,
Три цвета
Радостны и чисты.
Вижу долину.
Лето.
Поле. Его цветы.
Это
Гроздь винограда,
Круглый крепкий гранат.
Говор воды.
Прохлада.
Свежих трав аромат.
Буйство внезапных ливней,
Зноя палящий след...

Красный,
Зеленый, синий —
Дорог мне каждый цвет!
Виткан ковер руками,
А на ковре — заря.
Будто идет дехканин,
Нам красоту
Даря!
Три полосы, три цвета
Стелются по стене...
Вижу долину. Лето.
Думаю о Фергане!

ЭТА ФАБРИКА...

Начиналась она в разоренном войной Тирасполе, в 1944 году. Тогда в двухэтажный деревянный дом пришли двенадцать женщин со своими швейными машинками. Сегодня Тираспольская швейная фабрика — современнейшее предприятие, где около 6 тысяч работников — богатейшая копилка коллективного опыта. И целого журнала не хватило бы для подробного рассказа обо всех сторонах жизни ее коллектива. Нам хотелось бы, чтобы эти страницы дали понять главное: в основе всех успехов тираспольских швейников лежит творческий поиск всего коллектива и уважение к человеку, к его труду. Об этом и сказала на отчетно-выборном партийном собрании фабрики ее директор Валентина Сергеевна Соловьева: «Творческий человек — наш золотой фонд, будущее нашего производства».

За каждый сантиметр

Первый свой шаг к успеху коллектив фабрики сделал 25 лет тому назад. Счастливая идея — рациональный раскрой ткани — родилась в те времена, о которых ветераны фабрики вспоминают так: «Какие же мы были убыточные! Одни убытки, а не производство!»

Объясняя, как возникла идея рационального раскроя, один из авторов ее, Михаил Юрьевич Сендык, начальник экспериментального цеха, рассказал:

— В швейном деле сегодняшний труд много дешевле, чем прошлый, вложенный в создание ткани. Чтобы сшить сорочку, мы тратим двадцать минут. А чтобы создать ткань для нее? Пашут землю, хлопок выращивают, превращают его в нить,

ткнут... А еще краситель нужен, отделка. Экономия прошлого труда — наш главный хлеб.

Идея, казалось, лежала на поверхности: так располагать на ткани детали кроя разных размеров и ростов, чтобы минимум отходов уходил в лоскут. Однако на деле не так это просто. Проблемами рационального кроя занимаются целые институты, НИИ легкой промышленности. И все-таки именно здесь, на тираспольской фабрике, удалось разработать наиболее рациональный способ раскроя. Имениником был не только М. Ю. Сендык. К тому времени на фабрике сложился сильный коллектив специалистов, командиров производства: Анна Дмитриевна Кривцова (ныне главный диспетчер), Софья Ильинична Чауская (главный инженер), Тамара Егоровна Сугак (зам. начальника закройного цеха) и Валентина Сергеевна Соловьева (директор). Сила их заключалась в том, что были они единомышленниками, одинаково верили, что «на нас может поднять только научное ведение хозяйства, разработка экономиче-

Валентина Сергеевна Соловьева, директор фабрики.

Когда верстался этот номер, газеты сообщили о присвоении В. С. Соловьевой звания Героя Социалистического Труда.

ских мер, создающих всеобщую заинтересованность в успехе, и привлечение каждого члена коллектива, каждого рабочего к творческому участию в общем деле.

Продукция фабрики, кажется, меньше всего соотносится со словом «творчество». Не электронные приборы, не самолеты и не автомобили, а просто мужские сорочки, хлопчатобумажные женские и детские платья, одежда для сельских детишек.

И все же здесь над ровным куском ткани задумывалась каждая работница. И в раскройном цехе и в экспериментальном появились «Книги предложений»: пришла тебе в голову счастливая мысль — как, где можно еще сэкономить ткань — запиши свое предложение в книгу. Сразу же было найдено и поощрение. Экономисты рассчитали размеры возможной выплаты за экономии каждых десяти сантиметров кроя: за хлопчатобумажные ткани — 25 копеек, за шелк — 35, за шерсть — 45. Многие работницы стали получать по 25—30 рублей прибавки к своей зарплате.

Качеством можно управлять

Старая-старая мудрость, кстати, портными же и выведенная из собственной практики, гласит: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Каждая переделка готовой вещи — это растрата прошлого труда. Брак неисправимый — еще более крупная растрата. Это для одного портного. А растрата в условиях массового производства? Не говоря уж об испорченном настроении тысяч и тысяч людей, которые купили плохо сделанную одежду. Впрочем, сейчас ее просто не покупают. Плохие вещи мертвы.

В хорошем и отличном качестве изделий экономится труд и прошлый и нынешний. Поиск тираспольских швейников в этом

Деловой разговор. Главный технолог Александра Филипповна Захарова, работница закройного цеха Мария Табурца и главный инженер Софья Ильинична Чауская.

направлении с самого начала возглавила Александра Филипповна Захарова, главный технолог. Пришла она на фабрику в 1948 году. Тогда совсем молоденькая, только что из техникума, она принесла с собой глубочайшее уважение к науке и негасимую жажду узнавать, учиться. Это ее усилиями саратовский бездефектный метод был применен в швейном производстве. Применены были взаимоконтроль на рабочих местах, сдача изделий с первого предъявления, более прогрессивная оплата труда — повременно-премиальная, что прямо поставило заработок швеи в зависимость от качества ее работы и ее квалификации. Это помогло фабрике за четыре года снизить брак с 30 процентов до 2—3.

Но на этих 2—3 процентах остановились. Год, второй — все тот же процент. Всесторонний анализ работы производства — от рождения модели до ее воплощения в цехах — показал: на рабочем месте проблема качества решена. Ведь не швея виновата, что пришлось упростить карман (машина не брала задуманную декоративную строчку), что ткань оказалась не той расцветки, что подходящих пуговиц не нашлось на складе. Модель еще и не поступала в работу, а ее низкое качество было predetermined. Вывод напрашивался: качеством нужно управлять.

Александра Филипповна подняла на ноги весь отдел техинформации: «Давайте ищите, что пишут о качестве и у нас и за границей!»

Две научно-технические конференции, подготовленные Александрой Филипповной, одна — об управлении качеством в автомобильной промышленности Японии и на нашем тольяттинском ВАЗе и вторая — о применении этой системы в швейном производстве, положили начало новому делу, увлекшему весь коллектив. Был создан отдел управления качеством. Сюда вошли люди из административно-управленческого аппарата, которым и прежде приходилось заниматься проблемами брака, переделок, стандартизации.

Рассказывает Тамара Севастьяновна Богатая, заместитель начальника отдела управления качеством:

— Встреча будущего изделия с производством происходит на самой ранней стадии. Художники-модельеры из республиканского Дома моделей привозят к нам сначала только эскизы моделей. И группа подготовки производства — представители производственных цехов, которым предстоит выполнять эти модели, смотрят, каждый со своей точки зрения, что устраивает в этой модели, что следует учесть художнику, а что может предпринять фабрика, чтобы вещь была выполнена хорошо. После этого художник дорабатывает эскиз и привозит на фабрику, на ее художественный совет, уже готовую модель. Мы добились, что большой художественный совет при Министерстве легкой промышленности республики может утвердить модель только после фабричного совета.

В экспериментальном цехе готовят лекала, потом портной и технолог этого же цеха вместе с технологами закройного и пошивочного прорабатывают бунвально каждый шов, определяют, какие понадобятся приспособления для облегчения и автоматизации отдельных операций. В швейном цехе смотрят, каким новым приемам, продиктованным моделью, нужно обучить работников. И если, например, опытный портной из экспериментального цеха найдет, что заданные приемы труда не самые рациональные, вещь не будет запущена в работу. Только абсолютная готовность всех звеньев производства открывает путь новой модели.

И вот результат: все 140 моделей, предложенных фабрике в прошлом году Домом моделей, были выполнены без отклонений от замысла художника.

Подготовкой производства к запуску новой модели занимается секция проектирования качества. А всего секций в отделе — четыре. Секция стандартизации и унификации разрабатывает планы работ по стандартизации изделий, следит за неукоснитель-

ным выполнением требований стандартов. Секция контроля качества следит за вещью в процессе производства. А экономическая секция изучает спрос населения: держит связи с базами, магазинами. Давно ли юноши и подростки стали мечтать о приталенных, облегающих фигуру сорочках, о сорочках типа косоворотки, с воротником «стойкой» и втачным поясом? А у нас эти новинки уже на потоке. Работа с поставщиками тканей — тоже функция экономической секции. Качество сорочки или платья начинается с ткани, это понятно всем. Наш инженер экономической секции — непременный участник оптовых ярмарок. Без его разрешения договор на покупку ткани не состоится.

В нашей картотеке поставщиков — сведения о любой партии ткани, полученной от них: когда получили, какой вид брака обнаружили, сколько метров выростили или перелили в более низкий сорт. Все, что обнаружит наша лаборатория испытания тканей, непременно фиксируется. Так что мы отлично знаем своих поставщиков. Вот «Трехгорка». Отсюда ткани получаем хорошие, здесь люди надежные, не подведут. А на Камышинский хлопчатобумажный комбинат трудно надеяться. От Горьковской фабрики получали столько некачественной ткани, что пришлось от нее вовсе отказаться. Доказали с помощью картотеки, что просто невозможно с ними работать.

Шлем мы поставщикам и благодарности. Если ткань лучше стала, сообщаем немедленно. А когда изделие получает Знак качества, пишем обязательно, мол, это из вашей ткани, делим успех с вами. Но все-таки очень еще трудно с тканями. Ведь даже в ГОСТах что то недодумано. С нас, швейников, требуют изделия только первого сорта. И это правильно. Текстильщикам же ГОСТ позволяет выпускать ткань даже и четвертым сортом. А как из ткани четвертого сорта шить изделие первого? Недаром у нас в раскройных цехах на удаление пороков в кусках уходит 15 процентов рабочего времени.

Однако мы делаем все возможное, чтобы избежать неожиданностей, простое по вине поставщиков. И главное, что нам в этом помогает, — опережающее планирование ассортимента моделей. План предстоящего года заранее разработан во всех деталях. Мы вперед знаем не только, что будем шить, но и что нужно для изготовления модели, вплоть до пуговиц.

На уровне рабочего места

Сегодня к тираспольцам едут учиться управлять качеством. Что ни день, здесь делегации с разных предприятий.

Рассказывая о своей работе, швейники настойчиво предупреждают: «Отдел управления качеством создать недолго. Но пользы будет немного, если нет опоры в цехах. Если проблема еще не решена на уровне рабочего места».

Секция контроля отдела управления качеством подобна прошлому ОТК. Только ОТК, который распределился по всей линии производственного потока равномерно.

...Валия Новоселова — резчица кроя закройно-подготовительного цеха. Профессия у нее, пожалуй, самая ответственная: подставлять под острый вертикальный нож пласт настила — несколько слоев ткани, с нанесенными контурами лекала (деталей выкройки). Чуть дрогнули руки резчицы, и нож сделал заусеницу на ткани. И тогда, считай, испорчены десятки комплектов кроя.

Валия работает очень чисто и споро: при высоком качестве план третьего года пятилетки выполнила за 8 месяцев — это одно из ее обязательств, взятых в соревновании с резчицей А. Г. Сатариной. Но если и у Валии случится не замеченный ею брак, его обнаружит работница на следующей операции — комплектовщица, которая разбирает скроенные детали, комплектуя их в целое изделие. Вместе с кроем она получает от Валии бланк контроля качества, в его графах указаны все виды дефектов, которые могут быть на Валиной операции. Заметив заусеницу, «зарез», как здесь говорят, комплектовщица отправляет деталь на переделку и ставит «палочку» в соответствующую графу. Подобранные комплекты она отправляет в швейные цеха тоже с бланком контроля — теперь уже по своей операции. В конце смены бланки показывают четкую картину: как работал каждый человек в бригаде.

«Соперницы» всегда готовы поделиться секретами мастерства: Валентина Новоселова (слева) и Анастасия Григорьевна Сатарина.

Рассказывает работница Валентина Новоселова:

— Самое главное теперь — не просто вернуть деталь на переделку, заметив брак, а исследовать причину его появления. Тут же, в бригаде. Одному мастеру это трудно сделать. Поэтому за качеством. В наше бюро, кроме бригадира Галины Гришечкиной, входят еще три работницы, в их числе и я. После смены мы разбираем все бланки. Отмеченные дефекты заносим в «Журнал учета переделок» против фамилии виновников брака. При этом мы видим, какой брак пошел гуше. Значит, надо проверить, в чем здесь дело. Бывает, девушка молодая, на фабрике недавно, боится не успеть, нервничает. Может, подучить ее надо, а может, нормировщика вызвать, чтобы уточнить время, которое она тратит на операцию. А может, и укладывается в норму, но почему-то ей кажется, что не успевает. Ее тогда просто убеждаем: «Работаешь правильно, все успеваешь. Не волнуйся». А иной раз механизация подводит. Механика зовем, наладчика.

Знаете, когда мы по журналу заполняем «Доску переделок» за месяц или «Диаграмму переделок» вывешиваем в цехе, тут не остается равнодушных. Каждый и за себя переживает и видит все «узкие места» бригады — над чем думать надо, что по-иному организовать.

Качество и оплата труда

Обобщение и анализ причин брака уже сами по себе дают толчок мышлению работников, выход их хозяйскому чувству ответственности. Развитию этого чувства помогает и новый принцип распределения заработка в бригаде.

Рассказывает Евгения Петровна Емельянова, главный экономист фабрики:

— Эта система оплаты труда — мы называем ее «волжской», так как позаимствована она у Волжского автозавода, — действительно позволяет распределить заработок в бригаде наиболее справедливо.

«Предъявляются к оплате» очень многие слагаемые работы, скажем, напряженность ее: за снижение затрат времени на каждую операцию против нормы начисляется премия, эта доплата к тарифу может достигать 40 процентов. Улучшение качества — работа без переделок — дает 15 процентов прибавки к тарифу. Учитывается, и очень точно, и квалификация работника: доплата зависит от того, сколько он знает смежных операций, других профессий.

Оплачивается дополнительно и деятельность тех членов бригады, которые помогают ей вести свое «хозяйство»: члены бригадного бюро контроля за качеством получают десять процентов тарифа. Конечно, если их работа эффективна, то есть качество не ниже определенного уровня.

Так что «волжская» система оплаты очень крепко связывает личные интересы отдельной работницы и потребности всего производства. Побуждает человека повышать свою квалификацию, учиться, поощряет его стремление активно вмешиваться в дела производства. Но есть неперемное условие для бригады: повысить производительность труда не меньше чем на 5 процентов по сравнению с плановой на текущий год.

Конечно, гибко совершенствовать оплату труда мы можем только потому, что наша лаборатория научного нормирования уже давно исследует, как с изменением технологии, оборудования, условий труда меняется расход времени на любую операцию. И вот результат: сейчас многие нормы у нас жестче, чем технически обоснованные нормы в отрасли. Тем не менее в нашем коллективе не бывает лишних переживаний по поводу «внезапных» пересмотров норм. Все перемены продуманы, осознаны, к ним пришли сообща.

Качество и производительность

Опыт фабрики убеждает: качество и количество изделий не антагонисты. Даже наоборот: высокому качеству изделий способствует и напряженный ритм работы, напряженный, но четкий, без неплановых «чер-

ных суббот», «прихваток» времени до или после смены. И непременно высокая производительность труда.

Производительность на фабрике растет постоянно, растет благодаря новой технике, технологии и хорошей организации дела.

Производительность по-тираспольски — это, например, новый стол для настилки ткани. Фабричные изобретатели предложили сделать его очень длинным — 40 метров. Одна неделя работы на нем обеспечивает кроем швейный поток на целых две недели. Кроме того, длина стола позволила механизировать настил ткани, чрезвычайно трудоемкую работу. Работа на таком столе помогает только одной бригаде экономить до 800 метров ткани в месяц.

В пошивочных цехах все время идут поиски: как избавить работницу от излишнего напряжения, как упростить операции. В этом и резерв повышения производительности труда. Очень простое приспособление — «кондуктор»: при обтачке он направляет полукруглую манжету под иглу по строгой кривой — строчка получается ровной, не сохнет, не дрогнет. Качество, безусловно, стало выше, а работнице нет нужды напрягать внимание, и скорость работы увеличилась.

В цехе № 4, где шьют сорочки для мальчиков, убрали конвейер. Особые тележки с зажимами — в зажиме пачка деталей — подвозят их к рабочему месту швеи. Швея работает спокойнее, чем на конвейере, пачка как бы обеспечивает ей индивидуальный режим труда. За первый год работы «пачками» цех повысил производительность на десять процентов. За 1974 год этот метод, окончательно освоенный и отлаженный, даст прирост производительности еще на десять процентов.

И мастерство

Высокая производительность труда при хорошем качестве, бесспорно, зависит и от мастерства работницы.

Тираспольцы продумали систему профессиональной подготовки работницы с первых же ее шагов на производстве. А подчас еще и раньше.

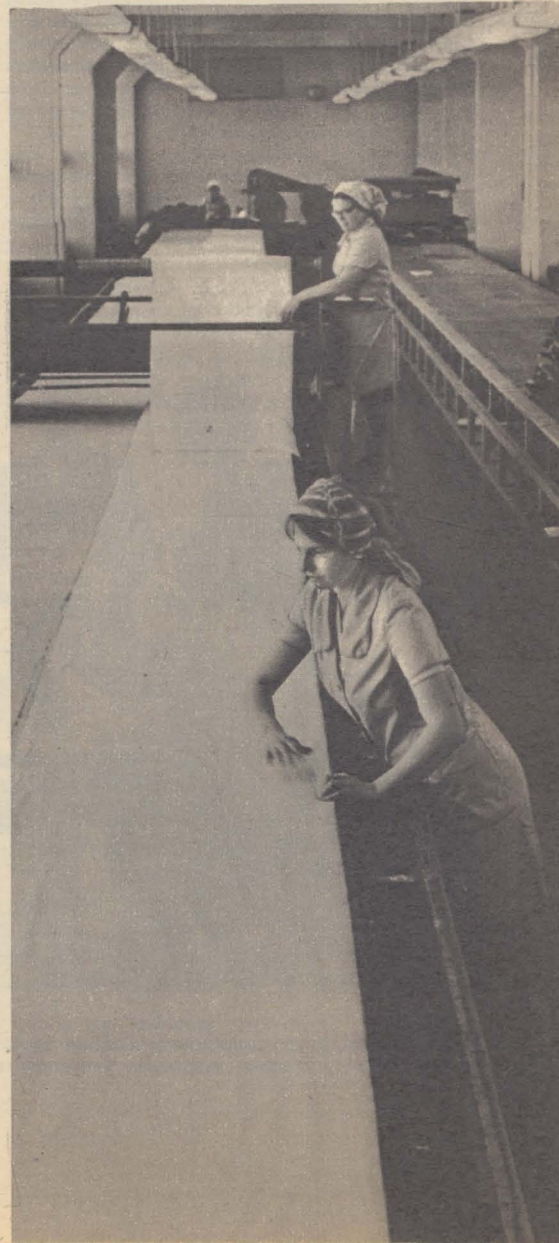
Ежегодно весной фабрика проводит «день открытых дверей» для выпускников школ города. День этот завершает долгую работу по профессиональной ориентации среди школьников. День праздничный и деловой. Ребята проходят по цехам, во Дворце культуры смотрят концерт самодеятельности. Каждый получает в подарок небольшую книжечку, которая знакомит с историей и нынешними делами фабрики. И еще «Приглашение на работу». В нем есть и это: «Принимая на работу подростка, не имеющего специальности, администрация берет на себя обязанность — помочь ему овладеть профессией, получить квалификацию».

Чтобы успех или неуспех новичка не был случайным, на фабрике его приглашают в кабинет профессиональной ориентации и профессионального отбора. Службой физиолога (физиолог и его группа в штате фабрики) созданы профессиограммы основных специальностей. Проверка на быстроту реакции, ее точность, на утомляемость; проверка зрения, слуха — и все это подсказывает, где работницу ждут большие успехи: на раскрое, за швейной машинкой или, допустим, на упаковке. Затем учеба. Здесь живет прекрасное правило: чтобы потом не переучивать, учить сразу лучшим приемам. А рабочая жизнь в бригаде сама подталкивает: «Учись! Знай сегодня больше, чем вчера! Больше операций освоишь —

Светлана Антонова — вожак комсомольско-молодежной бригады закройно-подготовительного цеха.

У длинного стола с механизированным настилом работница только выравнивает кромку ткани. Но и этим скоро займется особый механизм.

легче будет работать, выгоднее, почетнее». В кабинетах профтехобразования — множество обучающих стендов, приборы для программированного обучения, учебные фильмы о передовых методах и приемах труда. Постоянно действуют курсы повышения квалификации.

Честь труда, гордость мастерством, золотыми, умелыми руками воспитываются на фабрике и буднями работы и яркими праздниками — многочисленными конкурсами рабочего мастерства. Молодым, приходящим на фабрику впервые, есть у кого взять знания и умение трудиться, есть где набраться высокого рабочего достоинства, гордости за свою профессию. У них перспектива постоянного роста.

Рабочий человек. Как он растет...

Человек для производства — формула того мышления, которое названо на декабрьском Пленуме ЦК КПСС узкохозяйственным, не соответствующим нашим партийным принципам.

Производство для человека — прекрасная формула социалистического общественного развития. Итоговая, конечная формула цели. А на каждый день она звучит так: «Вся производственная работа для нас — воспитательная». Или так: «На все новшества, даже чисто технологические, экономические, смотрим, подходят ли они работающему человеку, обогащают ли его, берегут ли время и силы для его развития». Это дословно записано за Валентиной Сергеевной Соловьевой. На фабрике все воспитатели по должности и по долгу именно у директора учатся дару понимать человека, чувствовать направление его интересов и учитывать их в производственной и воспитательной работе.

Посмотрим внимательнее, каков он, работник фабрики. Человек, воспитанный именно на этом производстве. И воспитанный так, чтобы развивались его собствен-

ные внутренние задатки, сохранялась его индивидуальность.

Есть у Соловьевой житейское наблюдение. «Одни люди как люди, живые, ищущие и ошибающиеся. А другие... Ну вроде бы спят на ходу. Это от скуки — цели нет своей, нет движения».

На этой фабрике мы не встречали «спящих». Потому что здесь каждому задается большая энергия движения и роста.

...Люба Канаш, окончив вуз, получила специальность технолога швейного производства. Но случилось так, что направили ее на трикотажный комбинат.

— Хотя бы поставили меня там в швейный цех, а то бросили в трикотажный. Я и директору: «Не знаю ничего, не умею, ставьте работницей». Нет, говорит, извольте три законом положенных года специалистом отработать. Я в министерство. Плачу. Инспектор смотрит — крупная я, жалеть меня не хочется — и резко так мне говорит: плакать, мол, стыдно. И про долг укоряющие слова. Ну, здесь уж и я на дыбы. А делать вид, что специалист, и ничего не знать, говорю, не стыдно? Зарплату зря — не стыдно? А дело запороть, говорю, не стыдно? Тогда инспектор берет трубку — и в Тирасполь звонит, на 40-летия комсомола. «Пусть приедет, — слышу из трубки, — поговорим».

Приехала, сразу ведут и директору. Рассказываю, чувствую — слушает! После института первый человек меня так слушал. Даже сердце перевернулось. Ну, работницей не работницей, а место мастера участника Валентина Сергеевна мне предложила. Остальное, говорит, все от вас зависит, нужен нам завтра будет и технолог. Посмотрела мой диплом внимательно, он у меня с отличием. Работай, мол, как училась...

О новом мастере не забыли. Через три месяца Люба стала технологом пятого цеха, через год — заместителем начальника. У нее уже есть свои изобретения, усовершенствования технологического процесса. Кстати, именно в пятом цехе введена новая технология — агрегатно-групповой метод пошива. До тридцати лет Любе еще далеко, а руководитель она крепкий, творческий. Люба Канаш вообще из тех людей, которые рано становятся взрослыми. Вот эту профессиональную и гражданскую зре-

лость, требовательность к себе и к другим на фабрике и оценили.

О росте профессионального уровня всех работников мы уже рассказывали — это сегодня производственная необходимость. Но с той же настойчивостью на фабрике заботятся и об учебе общеобразовательной. Гармоничный, счастливый, творческий, способный понять общественные явления, в них участвовать, ими управлять человек — прекрасная цель социализма.

...Пятый цех — молодежный. Мы видели участок «малышей» — так зовут тех, кому нет восемнадцати. «Малыши» почти все учатся в вечерних школах, в техникумах. Видели молодежно-комсомольские бригады с названиями — «восьмой класс», «девятый». В такой бригаде-классе удобно распределять учебные дни, обмениваться заданиями, книгами, следить, кто как учится и посещает уроки. Подчас фабрику можно спутать с учебным заведением. Голос диктора часто объявляет по радио: «Сегодня проводится консультация по математике». Консультанты — свои инженеры и преподаватели школ, техникумов, вузов, пришедшие прямо в цеха. Еще деталь: те, кто учится в вечерней школе на отлично и хорошо, получают стипендию 15 рублей в месяц сверх зарплаты из фонда предприятия.

Лучшие работницы направляются на учебу в техникумы и вузы тоже со стипендией фабрики. Многие ее нынешние ведущие специалисты прошли этот путь. Галия Павлова, зам. начальника конструкторского бюро, руководитель группы АСУП, блестящий специалист своего дела, сейчас заочно кончает второй вуз, а в первый институт — Киевский технологический — пришла прямо из закройного цеха. Инженеров Валию Переяслову, Галию Рябову, Галию Балабанову тоже посылала в вуз фабрика.

Но инженерный уровень не последняя высота. Самое страшное для организатора производства — отстать от жизни. В уставе молодого специалиста (есть такой на фабрике) сказано: «Всегда учиться, дружить с библиотекой».

Пятница. День недели, который здесь зовется библиотечным. Каждый работник управления получает с утра книги по своим темам: те, что сам заказал, новые, подобранные отделом информации. И не ссылаясь на текущую и срочные дела — читать надо. Когда-то на фабрике появился термин «обязательная литература» — кстати, и этой «обязательной» читали все куда больше, чем требовалось, допустим, для переквалификации. Теперь в ходу другое выражение — «информационно-технический голод». Он, этот голод, очень велик, и он утоляется. В карточке главного технолога фабрики А. Ф. Захаровой значится 207 книг, прочитанных, просмотренных только в 1973 году. Александра Филипповна умеет находить золотые крупницы для фабрики и для себя. В карточке главного экономиста Е. П. Емельяновой — 143, в карточке Гали Павловой — 324 книги.

Естествен выход и на новый уровень. «Будем растить своих ученых», — говорит В. С. Соловьева. Темы 22 научных работ определены. На последней отчетной партийной конференции с гордостью называли тех, кто уже сдал кандидатский минимум.

Еще один штрих к тому, как решается проблема человеческого роста. Мы слушали лекцию фабричного искусствоведа... о живописи Древней Руси. Все затраты на образование в самом широком смысле слова сторичей окупаются. И на производстве — тоже. Грамотный, образованный, широко и творчески смотрящий на вещи работник — самый устойчивый и надежный доход, в этом на фабрике убедились.

Совет молодых специалистов. Сейчас он выполняет заказ заводского комитета ВЛКСМ. «НОТ в комсомольской работе» — так формулируется тема.

В любую свободную минуту можно и в обувную мастерскую заглянуть и что-то для дома купить в магазине полуфабрикатов — все это на территории фабрики.

Как он мыслит...

Перед началом отчетно-выборной партийной конференции коммунисты знакомились со стендами, выставленными в фойе не для парада и не для пассивной иллюстрации событий — для раздумий. Так сгруппированы были на них цифры: состав партийной организации по возрасту, по общеобразовательному уровню, по профессиям и должностям. Такие взятые факты: проблемы уже решенные и «узкие места». В том же плане «давайте подумаем» шел на конференции доклад, шли выступления. Медленнее, чем хотелось бы, внедряется новая техника — почему? Кто виноват? Все труднее отыскивать резервы повышения производительности труда — при совершенствовании производства они все больше уходят в глубины человеческой психологии, чаще приходится улучшать не машины, а человеческие отношения. Роль коммунистов в цехах возрастает. Как справляются они с этим на разных участках?

Для анализа всегда нужен материал — знание дела, факты. Здесь на фабрике все знают все. Трудности. Тяжело с жильем, на его строительство не запланированы средства до конца пятилетки. Предстоящие радости. Вот и на конференции директор рассказывала, какой станет фабрика через несколько лет: «Новые цеха, четырнадцатизэтажный административный корпус с профилакторием, с прекрасным холлом, где в холодные дни мужья будут ждать жен, а парни своих девушек. А вот там, рядом с быткомбинатом, — свой механический завод». Планы выносятся на обсуждение все с той же просьбой: подумайте, как сделать лучше.

Принято говорить: «просто работница», «просто швея». А к этим «просто» швеям то и дело обращаются на фабрике: «Выхо-

дите мыслью за рамки своего места, своего станка, своей операции, думайте по-государственному. Анализируйте — вам виднее, где «узкие места», предлагайте!»

Этот активный принцип участия дает возможность каждому увидеть дело коллектива в целом, понять и осознать так ясно, как можно осознать свое, выношенное в мыслях и в сердце. И когда в Киеве на Всесоюзном совещании ударников коммунистического труда бригадир, секретарь комитета комсомола закройного цеха Светлана Антонова делала доклад «Система управления качеством» (Система! Вся!), слушатели не зря потом хвалили не только доклад, но и то, как свободно, не боясь оторваться от контекста, выступала представительница Тирасполя.

Труднее всего поддаются анализу человеческие отношения. Но поддаются. Этот анализ был нужен тем, кто воспитывает коллектив, — активистам, общественникам, руководителям фабрики. Вот и появилась на фабрике Мария Максимовна Кашина, женщина со спокойными глазами и мягким голосом. Вузский педагог, она стала социологом. Лет семь назад социолог на производстве был явлением редким и не всем понятным. Это позже пришла помощь — курсы и специальные методики исследований, а тогда... Тогда попросила ее Соловьева: учите нас всех понимать людей, видеть внутренние мотивы их поступков.

Мария Максимовна точно определила острейшую «болеву» точку единого организма — коллектива. Она обосновалась в отделе кадров и вела долгие разговоры с теми, кто решил уходить с производства. И вот оказалось: большинство работников увольнялись по причинам отнюдь не объективным — «не поладила с бригадой», «поссорился с мастером». Подчас и конфликты пустяковые, а все-таки конфликты. Многие из них гасили тут же, и работница прямо из отдела кадров шла опять в цех. Но и о них Мария Максимовна говорила на производственных совещаниях, на партийных собраниях. Сначала удивлялись и даже обижались: «Зачем о ссорах, да мелких, с трибуны-то?» Потом все руководители, от главных специалистов до мастера, прошли школу служебного этикета. Беседы «Авторитет руководителя», «За ленинский стиль руководства», конференция «Мастер-воспитатель» не пропали даром...

Не сразу привыкли к социологическому анализу, а сегодня все понимают: человеческие отношения пора рассматривать во всех тонкостях и сложностях.

Не так давно Мария Максимовна закончила большую работу — анализ внутрибригадных отношений в двух коллективах. Два солидных тома. Выглядят как научные работы — здесь и социологические индексы, формулы и статистическая обработка. На титульном листе расписались все, кто прочел этот ученый труд как практическое руководство к действию. Подписей много — здесь и директор и мастера. Ведь речь идет о том, какие требования работники бригады предъявляют к руководителю и друг к другу, о том, что сплачивает коллектив, а что разъединяет, как создается тот самый психологический микроклимат, который определяет и личное настроение каждого и успех работы.

Хороший, дотошный анализ дела, который объемлет вчерашний и нынешний день, словно крылья мышлению, и оно может лететь, опережая события. Перспективность, устремленность в будущее... Директор В. С. Соловьева и работница закройного цеха Вали Новоселова говорили нам о... лазере. Да, да, лазере, который должен резать многослойный крой — сейчас это делают руки Вали Новоселовой. Пока ведется лишь разведка, но замыслом этим уже живут многие.

А как-то между делом главный инженер С. И. Чауская заметила: «Швейному производству пора расставаться с иглой, с ниткой, с машинкой. Принцип-то первобытный, тот, по которому рыбьей кожей скреплялись шкуры. Мы, швейники, уже привыкли, нам трудно отказаться, а инженеры со стороны вот-вот придумают что-то совсем иное».

Мечтать на фабрике тоже любят.

Как он живет...

Живет он, фабричный человек, удобно. Удобно — для кого, для чего? В том-то и дело, что жизнь работающего не делится на «для себя» и «для работы». И руководство и общественные организации — партийная, комсомольская, профсоюзная — поняли силу этой неделимости человеческой жизни.

Сейчас на фабрике вспоминают: «Сначала проблему улучшения качества продукции мы мыслили как систему организационно-технических мероприятий. Оказалось, мало: всю жизнь надо «ставить на качество».

Есть на фабрике движение, соревнование, лозунг которого формулируется так: «Беречь каждую минуту рабочего вре-

Коллектив Тираспольской ордена Трудового Красного Знамени швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ принял обязательство на 1974 год, определяющий год пятилетки:

● ПЛАН ГОДА ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДУКЦИИ ВЫПОЛНИТЬ К 26 ДЕКАБРЯ

● СШИТЬ СВЕРХ ПЛАНА 50 000 МУЖСКИХ СОРОЧЕК, 30 000 ПЛАТЬЕВ, 10 000 БРЮК

● СЭКОНОМИТЬ ЗА ГОД 40 000 МЕТРОВ ТКАНИ

мени, беречь каждую минуту работающего».

«Минуту рабочего времени» — это дело каждого — для производства, для коллектива. У машинки ли, на раскрое — чтобы без пустых разговоров и пустот в работе, снижающих производительность труда.

А «минуту работающего» — это дело всего коллектива — для каждого, для одного. Чтобы разумной организацией труда и отдыха, всей организацией быта высвободить часы для мысли, для книги, для театра и лекции, спорта и отдыха, для детей.

О чем рассказать? О тех уголках на фабрике, где отдыхают души? Цех по необходимости шумный (работают машины, станки), и ритм работы напряженный, а рядом — кусочек покоя, зовущий к расслаблению и отдыху, к любованию непритязательной красотой. Зимний сад или коридор — живая аллея, прыгают по веткам две милые белки, щелкают цветные популяйки, бесшумно и медленно плавают рыбки в аквариуме. Застыли черепахи на дне фонтана — того, что у ног прекрасной женщины — скульптуры из красного камня. Или лучше описать соларий? Пришел летний обеденный перерыв, и работницы спешат на крышу производственного корпуса: лежаки, скамеечки, бассейн, здесь же буфет. А можно рассказать о пансионате «Солнышко» на Черном море, где отдыхают семьями. О поликлинике с водолечебницей, равной которой нет в Тирасполе. О пяти отличных детских комбинатах (при нас вошел в строй шестой, и проблема — куда деть ребят — окончательно решилась).

Несколько лет назад социологом и физиологом фабрики в цехах были проведены исследования, показавшие: устают работницы больше всего... после выходного дня. Сказываются нагрузки по дому. Вот тогда и был составлен перспективный план бытового строительства, который почти осуществлен. Сейчас в фабричной столовой нет очередей, обед идет по скользящему графику. Свой кулинарный цех и магазин полуфабрикатов. Свой пункт химчистки и починки обуви. Своя парикмахерская, с маникюром, педикюром и косметическим кабинетом. Кстати — замечали? — ухоженные, подтянутые женщины, как правило, и работают красиво: мягко, спокойно и быстро.

Как он чувствует

Примерно за две недели до 8 Марта прошлого года директор фабрики В. С. Соловьева попросила своих заместителей:

— Считайте, что меня в кабинете нет, — производством занимайтесь сами. Партком поручил мне подготовить праздничный вечер. Это сейчас самое важное.

В том, что тот вечер оказался вехой в жизни коллектива, мы убедились даже спустя год: о нем вспоминали все — работницы, инженеры, молодые ребята и люди в годах. Вспоминали, как пригласили на сцену швею Татьяну Демьянову Коваль, которая в первом послевоенном году пришла на фабрику со своим «зингером». Поблагодарили ее, а после вынесли подарок — современную, самую дорогую швейную машину. Вспоминали, как в полном составе собралась первая бригада коммунистического труда, приехали издалека и те, кого судьба разлучила с фабрикой. Встречи, рассказы, слезы. Слезы — вечные спутники сильных чувств, даже радостных. Вечер сконцентрировал чувство уважения к рабочему человеку: ничто из сделанного тобой не забудется, говорил он труженнику, все

продолжается другими. Но этому, усиленному, доведенному до торжественности чувству не дали бы воли, не присутствуй оно ежедневно в будничном облике в жизни каждого.

Уж если человеку доверили здесь рабочее место или бригаду, или участок, или отдел, цех — он в ежедневных решениях «сам себе голова». Нет дергающих бесконечных «ЦУ» сверху. На фабрике «каждый несет свои чемоданы», каждый понимает: от него зависит судьба всего дела, а значит, судьба коллектива. Его не дублируют, его не опекают в мелочах. Так и воспитывается та мера ответственности и свободы, которая очень точно определена словами «чувство хозяина».

В пятом цехе, где работают «малыши», новички попадают подчас трудные. Те девочки, которые бросили дневную школу, не пошли в ПТУ... Не так давно один научный работник взял свою дочь за руку и привел на фабрику: «Говорят, у вас исправляют. Помогите. Бессилена».

...Жизнь у Раи, одной из тех, что на участке «малышей», началась трудно. Совсем юная, а уже у нее ребенок. Парень любит, хочет создать семью, но родители и ее и его — против. Рая начала работать неровно. И шила неважно и прогуливала. Так бы, наверное, и не задержалась на фабрике, если бы не Нина Митрофановна Карагодина, контролер готовой продукции. Тетя Нина участливая и спокойная, так и хочется все ей рассказать. Рая и рассказала. А вскоре Карагодина побывала у Раи в семье. Потом в выходной поехала к родителям жениха в далекое село под Одессу. Посидели, поговорили, пришли к согласию — семья будет. Недавно Рае присвоили рабочий разряд. И нет для нее слова более авторитетного, чем слово тети Нины. К рабочему человеку Карагодиной давно пришло это хозяйское мироощущение: отвечаю за все, значит, и за эту сумбурную девочку — тоже.

Мы не слышали нигде на фабрике — ни в парткоме, ни в профкоме, ни в дирекции — нахмуренного «надо наказать». Зато слышали «надо бы помочь», «надо расковать инициативу». А уж коли человек расковался в своем интересе, в своей любви к делу, начинается «сверхотдача», та бескорыстная и радостная переработка, которая измеряется не сверхурочными и не полученными рублями, а наполненностью всей жизни. И для коллектива, для производства от этого — не выгода даже (не то слово!), — успех, достижения, удача.

Творчество — оно торопит и даже подстегивает. Начальник экспериментального цеха М. Ю. Сендык разработал функционально-технологическую модель управления производством — она позволяет понять степень творческого участия каждого члена коллектива в производственных делах, в делах общественных. Сколько раз главный экспериментатор затевал дела, которым конца не видно было, но которые вокруг оборачивались вполне реальными успехами — 66 рационализаторских предложений и одно изобретение с общим экономическим эффектом в 215 тысяч рублей на счету у Михаила Юрьевича.

Творческое начало, пробившись на почве производственной, так естественно живет и на общественной. И наоборот: общественная активность, как правило, совпадает с активностью производственной. Ответьте: личные творческие планы, имеющиеся у каждого инженера, — что это? Производственная необходимость? Проявление общественной активности? Невозможно разграничить.

На фабрике разные люди говорят о де-

лах общественных очень какими-то личными, своими словами.

Валентина Павловна Жилинская, обменищик деталей, вот уже 10 лет бессменный секретарь парторганизации четвертого цеха: «Сорок три коммуниста у нас, и нет инертных — все общественники. Десять девушек во главе со швеей Раей Бойцун работают с детьми там, где живут. Баласскул Вера — командир оперативного отряда. Мастер Валентина Прокофьевна Дегтярева — председатель цехового комитета народного контроля, Усенко Светлана и Щербина Валентина «молнии» выпускают. Новенькая у нас есть из Кишинева, на первых порах решила поручений ей не давать — пусть осмотрится. Недавно пришла: «Обижаете, хуже других разве — без поручений? Молодым тоже про обязанности не напоминаю, все идет само собой. Вот швея Надя Дежурко — книгоноша, видели — не забыла сегодня новые книги принести вовремя, в день зарплаты. А сама я здоровья набралась на последнем воскреснике — с настроением поработали...»

Молодой специалист, инженер Таня Литвякова: «Представить жизнь без всех наших комсомольских забот просто невозможно».

Кое-где общественное дело еще зовут нагрузкой (корень слова — груз, тяжесть). На фабрике же общественная активность столь велика и столь глубинна, что только удивляешься необычным, «своим» формам работы. В пятом цехе есть библиотечный совет, выпускается «литературный бюллетень», где рассказывается о книжных новинках. В четвертом — макаренковские отряды, в третьем — бригады шефствуют над Домом ребенка. А традиции! Посвящение в рабочие. Посвящение в молодые специалисты. И, пожалуй, самая массовая из традиционных годовых отметин — военно-патриотические слеты. К ним готовятся весь год. Ведут переписку, ищут новые документы о героях, шьют костюмы, сочетающие девичью фантазию и военную строгость, готовят песни и танцы, обретают спортивную ловкость, приглашают людей, воевавших в Великую Отечественную войну в Молдавии. А после — марш-бросок за город. Соревнования. Рапорты. Костер. Великое чувство сопричастности к истории страны и к современному дню ее.

Мы покидали фабрику в тот день, когда меж прочими событиями произошло и это — не слишком яркое, не слишком шумное, не слишком заметное. В комнате отдела информации — она побольше других — на пять минут собрались те, кто оказался рядом. Партком, завком и комитет комсомола присваивали звание ветеранов (есть и такая традиция) директору Валентине Сергеевне Соловьевой и главному инженеру Софье Ильиничне Чауской. Четверть века назад они вместе пришли на фабрику. И секретарь парткома Дона Васильевна Димитрова и другие говорили о трудностях, которых было немало на пути этих двух женщин, двух подруг, двух соратниц. А они в ответ говорили об одном и том же.

В. С. Соловьева: «Вот вы о трудном... А для меня двадцать пять лет — как двадцать пять дней. Счастливых дней. Потому что была я с фабрикой и с вами».

С. И. Чауская: «Бывало и трудно, но вы видите перед собой счастливого человека, потому что у меня было то, что нужно для счастья, — мое дело. Наше дело».

Рассказ о фабрике
вели наши корреспонденты
Инна КОШЕЛЕВА
и Татьяна ПОЛИКАРПОВА.

Фото Н. МАТОРИНА.

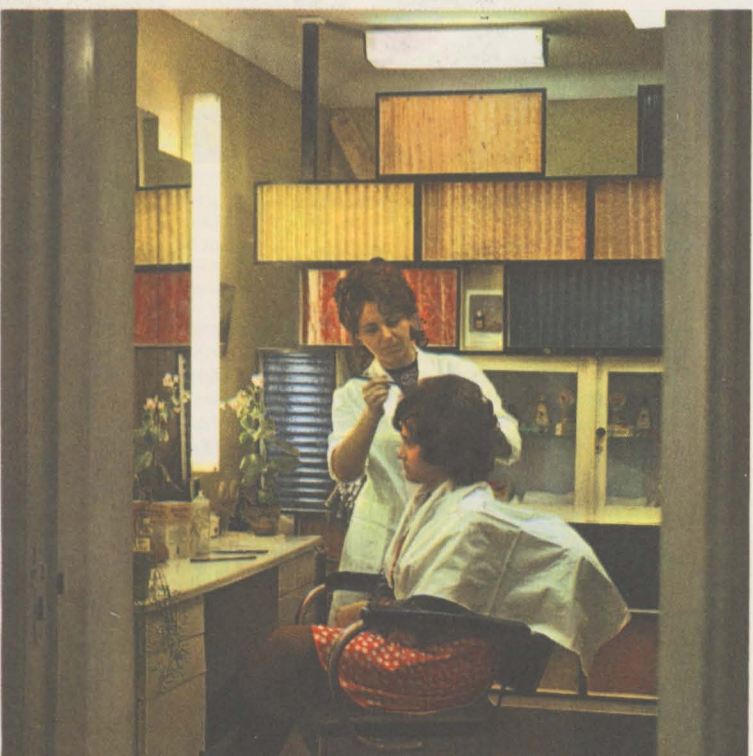
● «В эфире техническая информация...» У микрофона инженер Валентина Переяслова.

● Нарядно, уютно в «Русском чае», и чай всегда горяч; этот уголок своего Дворца культуры особенно любят швейницы.

● Девичий эстрадно-инструментальный ансамбль цеха № 5.

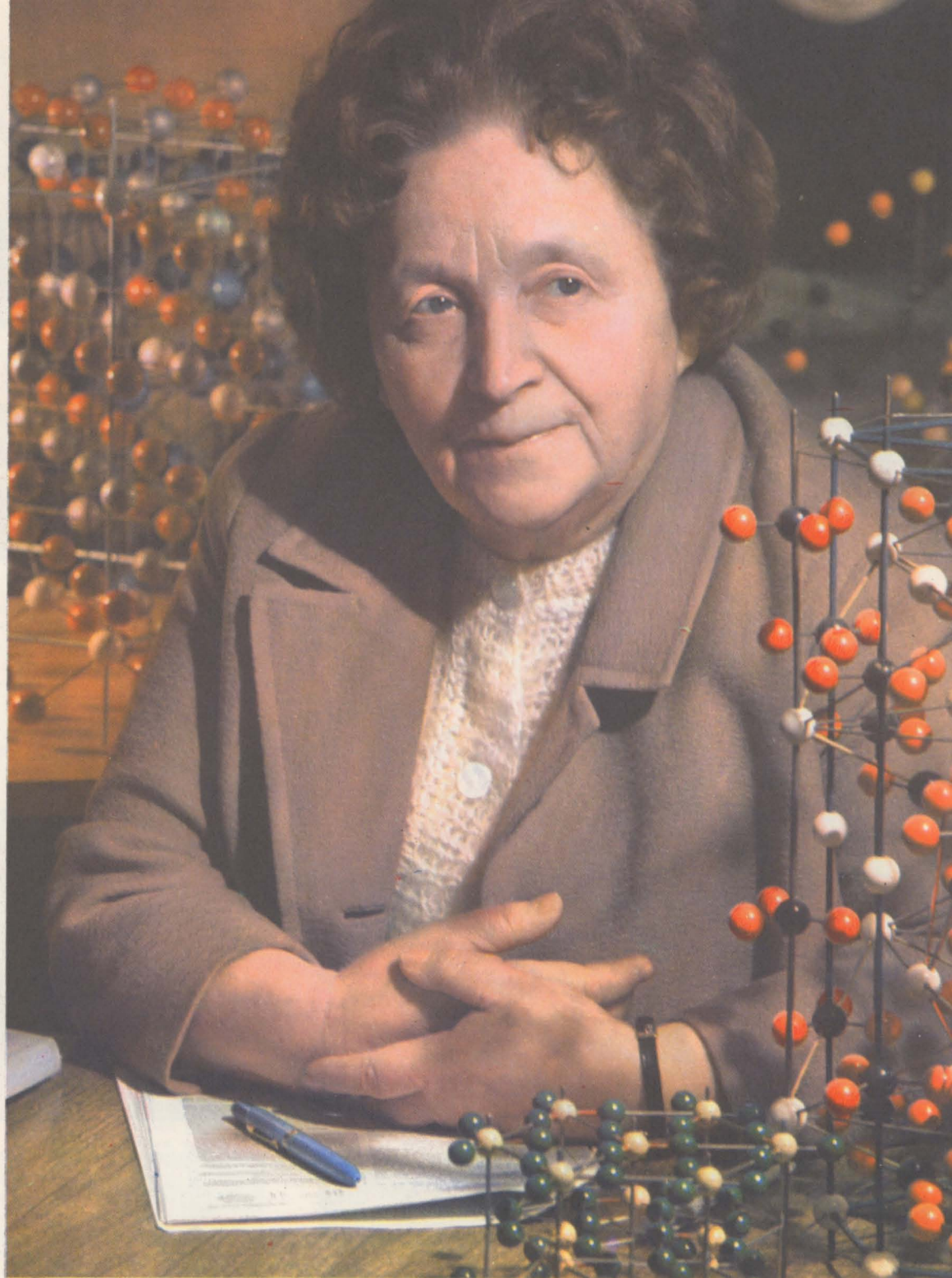
● Своя парикмахерская — это очень удобно.

● Швея-машинистка Ольга Стеблинова.

Академии
наук
СССР —
250 лет

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Александра Васильевна НОВОСЕЛОВА, действительный член Академии наук СССР.

Фото Н. МАТОРИНА.

В феврале 1724 года указ правительственного сената оповестил о решении Петра I «учинить академию». И вот Академии наук СССР — 250 лет.

В постановлении ЦК КПСС, посвященном этому событию, подчеркивается, что создание академии явилось крупным событием в истории науки, образования и культуры нашей страны, что ее деятельность оказала существенное влияние на развитие всей мировой науки. Ценнейшие открытия, сделанные учеными академии за годы ее существования, вошли в золотой фонд духовной культуры человечества.

Наш корреспондент обратился с несколькими вопросами к одному из видных советских ученых, академику, лауреату Ленинской премии **Н. М. ЭМАНУЭЛЮ**.

— Николай Маркович, мы являемся свидетелями того, как наука обрела небывалую силу и степень воздействия на жизнь всего общества. Какую роль играла в этом Академия наук!

— Совершенно очевидно: создавая академию, Петр I четко представлял, что она будет заниматься не только «приращением наук», но и во многом поспособствует общему развитию образования и культуры народа. И тут я не могу не вспомнить славное имя первого русского ученого и просветителя, гениального Михайлы Ломоносова. Его роль в истории русской науки была удивительно многогранна. Ученый-патриот, он внес важный вклад буквально во все отрасли современного ему знания. Его мысли, его идеи стали надолго основополагающими во многих областях науки и просвещения. Разносторонний гений Ломоносова во мно-

гом определил широту исследований, характерную для Санкт-Петербургской академии: уже в начальный период своего существования она вела работу в области математики, географии, физики, химии, механики, ботаники, навигации, права. В истории академии было немало славных страниц, имен, которыми могла бы гордиться любая страна, самая передовая наука.

И все же в царской России участие академии в жизни общества всячески ограничивалось, был взят курс на «чистую науку», далекий от практических нужд страны. Вплоть до самой революции передовые ученые императорской академии не прекращали попыток начать систематическое исследование природных богатств страны. Но дальше планов дело не шло.

Как только победила социалистическая революция, В. И. Ленин, партия коммунистов выдвинули невиданную по своему размаху программу строительства нового общества на научных началах. Ленин назвал план электрификации — в сущности, первую программу индустриального возрождения России — второй программой партии. Еще в период разрухи, гражданской войны, в годы не только политической, но и научной изоляции Советской республики Академия наук должна была дать ответ, как наиболее рационально разместить промышленное строительство, где искать сырье, энергию, полезные ископаемые, как строить новую, экономически развитую Россию.

В первой половине 20-х годов Академия наук смогла организовать свыше 200 экспедиций разного профиля и назначения, которые работали на Урале и в Сибири, на Кольском полуострове и в Средней Азии, на Северо-Западе страны и в Закавказье, изучая месторождения топливных запасов, редких металлов... Потом в эти места приходили строители, рабочие, на карте страны появлялись названия новых городов, рудников, горнопромышленных комплексов: Апатиты, Хибин, Соликамск, Кара-Богаз-Гол, Курская магнитная аномалия.

К 1925 году в стране возникло более 50 научно-исследовательских институтов, которые занимались и актуальными темами прикладного характера и разрабатывали фундаментальные проблемы естественных и общественных наук. Круг научных интересов сотрудников академии выходил далеко за рамки текущих забот. Академик В. А. Стеклов создал труды, имеющие важное значение в области математической физики. Академик А. Н. Крылов внес неоценимый вклад в теорию кораблестроения. Работы академика И. П. Павлова стали новой вехой в изучении высшей нервной деятельности человека. Академик Н. Д. Зелинский положил начало школе советских химиков-органиков, академик А. Ф. Иоффе создал блестящую советскую школу физиков.

Так возникала и укреплялась важная черта советской науки — органическое единство теории и практики, задач познания и задач строительства новой жизни, исследований, рассчитанных на перспективу и решающих насущные проблемы дня.

Все мы знаем, что современная эпоха — это эпоха научно-технической революции. Благодаря ее успехам люди впервые вплотную подошли к раскрытию фундаментальных законов природы: проникли в глубь атомного ядра, исследуют далекие звездные миры, законы наследственности и сущности живого. Достижения науки проникли во все области жизни, изменив ее характер, оказав влияние на социальное бытие и сознание буквально каждого человека.

Советская наука сегодня — это наука развитого социалистического общества, под руководством партии строящего коммунизм. В своих решениях XXIV съезд КПСС назвал дальнейший прогресс науки и техники главным рычагом создания материально-технической базы коммунизма и выдвинул задачу органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.

— **Какое место в этой огромной деятельности занимает академия?**

— Часто академию называют штабом советской науки. Пожалуй, это сравнение верно отражает то обстоятельство, что академия является главным учреждением, объединяющим все основные направления ведущихся в СССР исследований. Она определяет круг фундаментальных теоретических проблем, требующих сосредоточия усилий ученых и средств, осуществляет разработку перспективных планов исследований на ряд лет вперед, намечает способы внедрения в жизнь важнейших достижений и открытий. Академия наук СССР как высшее научное учреждение страны координирует и направляет исследовательскую работу всех других научных организаций — отраслевых и республиканских академий, научно-исследовательских институтов, вузов.

В составе академии 245 академиков и 452 члена-корреспондента, а общее число ее научных сотрудников выросло до 40 тысяч человек.

Еще в первые годы Советской власти начался процесс формирования республиканских академий, и сейчас многие из них стали ведущими по ряду научных направлений.

Важным событием в научной жизни страны было создание Сибирского отделения Академии наук. За 15 лет работы оно пре-

вратилось в крупнейший научный центр на востоке страны. Недавно организованы еще два новых научных центра — Дальневосточный и Уральский.

— **Многие достижения современной науки — это победы, собою завоеванные учеными самых различных направлений. Могли бы вы привести пример, подтверждающий эту особенность сегодняшнего познания мира?**

— Конечно. Вот вы услышали по радио об очередном запуске искусственного спутника Земли серии «Космос». Что же стоит за этим теперь, казалось бы, уже рядовым событием? Ведь успешный запуск предполагает не только создание самой ракеты, способной придать спутнику первую космическую скорость, хотя уже одно это — выдающееся научное достижение. Тут нужна еще и тонкая электронно-вычислительная техника, определяющая параметры полета, станции слежения, уточняющие его траекторию. Но и этого мало. Успешная работа спутника немыслима без создания специальных материалов, стойких к высоким и низким температурам. А дистанционные системы, которыми можно управлять с Земли, из центра управления полетами? А сама аппаратура, находящаяся на борту и обеспечивающая получение разнообразной научной информации? Как видите, один факт, один научный эксперимент, а за ним — широкий фронт исследований, труд тысяч и тысяч людей. Наша академия обеспечила подобную комплексность исследований, необходимую для решения теоретических и практических задач на ряде важнейших направлений науки. Это и предопределило ее ведущую роль среди научных организаций в мировом масштабе.

О международном авторитете нашей науки свидетельствуют и такие данные: академия является членом 140 международных организаций, около 900 советских ученых избраны в академии наук и научных общества других стран.

— **Хотелось бы услышать от вас о вкладе в науку женщин.**

— Вопрос заставил меня вспомнить о судьбе Софьи Ковалевской, замечательного математика, первой женщины, избранной в члены-корреспонденты академии. Известно, что она добилась признания ценой невероятных усилий, получив образование за границей. Тем не менее Ковалевскую так и не допустили к преподавательской деятельности в Петербургском университете. Московский университет тоже закрыл дверь перед нею.

Мне кажется примечательным, что подробности жизни и деятельности, а также и сами сочинения Софьи Ковалевской бережно собрала и подготовила к изданию другая женщина-академик, наша современница Пелагея Яковлевна Кочина, хотя собственные ее научные интересы лежат несколько в иной области. За многие годы П. Я. Кочина разработала теорию движения грунтовых вод, особенности движения нефти в пористой среде, принимала участие в создании математических методов орошения. Ее труды получили высокую оценку. Научные выводы и рекомендации этого большого ученого помогают в работе геологов, строителей, нефтяников, мелиораторов. Пелагея Яковлевна четырежды награждена орденом Ленина.

В области общественных наук трудится академик Милица Васильевна Нечкина. Автор работ по истории русского общественного и революционного движения, она известна своими исследованиями, связанными с декабристами.

С чувством гордости за наших женщин вот уже несколько десятилетий слежу я за работой в области химии академика Александры Васильевны Новоселовой. Ей принадлежат важные работы по неорганической химии, нашедшие применение при создании полупроводниковых материалов и лазерной техники.

Я руковожу сектором кинетики химических и биологических процессов Института химической физики Академии наук СССР. Наш институт занят разработкой теории цепных химических реакций и практическим приложением этой теории. Сюда входит продление жизни полимерных материалов и изделий из них, химиотерапия некоторых заболеваний человека. Среди наших женщин — восемь докторов и несколько десятков кандидатов наук. Профессор Е. К. Круглякова изучает изменения нуклеиновых кислот в клетках организма, подвергнутых воздействию таких неблагоприятных физических и химических агентов, как радиация, различные продукты химии, загрязнение окружающей среды. Вместе с доктором биологических наук Е. Б. Бурлаковой она разрабатывает препараты для профилактики и лечения лучевой болезни. Профессор Круглякова — национальный координатор по важным разделам биофизики в совместных работах нашей страны со странами СЭВ. Научная проблематика эта довольно молодая, и наши доктор и кандидаты наук тоже молоды и энергичны.

Я понимаю, что эти примеры характерны для всех научных учреждений Советской страны. Ведь в миллионной армии ученых женщины составляют треть. Официальная статистика называет такие цифры: из 350 тысяч женщин, занятых научной работой, 60 700 кандидатов и 3 100 докторов наук, 1 800 — академики и члены-корреспонденты академий — медицинских, педагогических, сельскохозяйственных наук. Уверен, что вклад женщин в советскую науку будет непрерывно расти.

День

артиллерии

Ирина РАКША

Рассказ

Замерзшее ноябрьское солнце осторожно поднялось и грустно и ласково оглядело белую землю. За ночь выпал снег и сделал все неузнаваемым. И поля, и станцию, и поселковую площадь перед селом.

У магазина на первом хрустом снежке толпились бабы, ждали хлеба. И не то чтоб в очередь, а так, пришли в селом загодя, по белым прибраным улицам, посудачить, новости разузнать.

Бабы похаживают в теплых шальях, в непривычных еще валенках. Вдруг всполошились:

— Везут!

Голубой фургон с хлебом катил все ближе по белой площади. Вот круто затормозил. Женщины шарахнулись:

— Гришка, шальной!

Щелкнув дверцей, лихо выпрыгнул шофер.

— Здравствуй, Гриш, здравствуй! — вразнобой запели бабы. — Небось, горяченький? Из пекарни?

— Привет! — Он с улыбкой распахнул задние дверцы фургона. — А ну, налетай! И все принялись помогать — буханки носить.

В магазине еще не топлено, сумрачно, холодно. По полкам — ткани, калоши, пряники. Продавец открыл железные ставни и пошел за прилавком, товар принимать.

А бабы, дыша белым морозным паром, одна за другой уже несли в обнимку живой, теплый хлеб. От машины, вверх по ступенькам и в магазин. Скрипит снег, скрипят ступени, скрипят темные половицы под валенками. На ходу балагурят, смеются:

— Ты глянь-ка, глянь, Кузьмовна-то сколь подхватила!

Маленькая в клетчатой шали Кузьмовна еле протиснулась в дверь с хлебом, будто с охапкой дров. Понесла на прилавок стопку выше головы — продавца загородила.

— Андреич, слышь, Андреич? — заглянула в просвет меж буханок. — Дело у меня к тебе, — по сторонам глянула и тихо: — Сноху мою к себе не пристройшь? Чего ей дома-то баклуши бить! Пристрой, а?

Продавец было не видно, только жилистая рука с карандашом ползала по бумажке.

— Охота где потеплее, — шептала Кузьмовна.

— В сети-то работала?

— Да нет, — огорчилась Кузьмовна. — На заводе ученицей она была, — и тут же добавила: — С десятилеткой она, с аттестатом. А как же... Ученая.

Верхние буханки продавец снял. Они гулко стукнулись о полку. Лицо у продавца было постное, безучастное, не сходилось что-то по накладной.

— Не надо мне. Вон к Лизавете, в чайную. Уж там куда теплее.

Кузьмовна поджала губы и пошла к выходу. И хлеб больше носить не стала: зря стараться. Села на завалинку обдумывать положение.

И тут к магазину, звеня сбруей, фырка от мороза, галопом подкатила рыжая лошаденка, впервые после осени запряженная в сани. На ходу с нее соскочила Лиза, Лизавета, станционная буфетчица, — приехала хлеб получать. Стоит у фургона, как сахарная, полушалонок белый, шубка белая, смеется, бумажку Грише сует:

— На-ка, распишись... тридцать буханок. Подхватила она с лотка, понесла в сани первые кирпичи, крикнула весело:

— А ну, бабоньки, помогай! Чего встали?! Бабы ни с места, носы в сторону. А одна с укором:

— Ну, как же, ты мужиков наших приваживать да спавать, а мы «помогай»? Ишь ты, язва!

Лиза хохочет, укладывает парной, душистый хлеб на солому.

— А ты его привяжи, мужа-то. Чтоб не сбег.

И Гришка-шофер зубоскалит:

— Да вырвется. От такой жинки как не вырваться.

Лизавета порхает от саней к фургону, считает вслух:

— Одиннадцать... четырнадцать...

Подождала Кузьмовна и ласково так:

— Давай-ка, Лиза, подсоблю. Давай-ка.

— Вот спасибо! — Щеки у Лизы румяные, зубы белые. — Вот спасибо! за сознательность.

Кузьмовна сочувствует на ходу:

— Чего сама хлеб-то возишь? Нешто положено тебе, заведующей, самой надрываться?

— Ой, и не говори, — вздыхает Лиза. — Третью подсобницу меняю. То в декрет уходит, то не сработались.

И тут Кузьмовна остановилась перед ней в обхват с буханками:

— Слышь, Лиз. А ты сноху мою возьми, Танюшку. Девка — золото. И покладистая и шустрая.

Лиза сразу посерьезнела, солидно села на край саней:

— Это та, что ль, маленькая? Витька из города привез?

— Она, она! — обрадовалась Кузьмовна. — Из Томска. Служил он там.

Лиза подбила солому с боков, лукаво на Гришку глянула.

— Взять, что ль? — И Кузьмовне: — Ты буханки-то клади, клади.

Кузьмовна торопливо сложила хлеб, уж больно ей хотелось сноху пристроить к делу.

Но Лиза дернула вожжи, и сани поплыли от Кузьмовны, лошадь сразу двинулась ходком, вид первого снега тревожил ее. Кузь-

мовна расстроилась, но Лиза все же оглянулась:

— Ладно, пусть завтра зайдет! Погляжу!

Над поселком разливался голубой расцвет, и в домах уже зажигались ранние теплые окна, когда Таня подошла к чайной. Она бежала всю дорогу по спящим улицам Заречья, боясь опоздать. Но у запертой двери на дороге еще лежал мягкий, нетронутый снег, и вся мощеная улица и деревянные тротуары были белы и чисты. Таня уселась на ступеньку — ждать.

Вон и фонари у вокзала погасли. А Лизы все нет и нет. Таня ждет, волнуется, как-то пройдет этот первый рабочий день, что расскажет она дома, вечером. И не заметила, как подошла Лиза, оглядела ее согнутую фигурку, по-хозяйски поднялась к дверям, чуть не наступив на варежку.

— Здравствуй, — вскопчила Таня, — а я вас жду.

— Здорово, — усмехнулась сверху Лиза, доставая из-за пазухи ключ, и, щелкнув каленным замком, со звоном откинула щеколду. — Ну, заходи, помощница.

Посреди пустой чайной Таня застлала столы голубыми клеенками. Взмахнет над столом, как ковром-самолетом, расправит, разгладит ладошками, поставит солонку.

— А Витюшка мой ничего и не знает, — говорит она весело. — Из маршрута сегодня вернется, а я, пожалуйста, с работы иду. Вот удивится!

— А что ж, нечего на них надеяться. О себе самой надо думать. — Лизина голова в сахарной наколке то появляется над стойкой, то исчезает, она разбирает продукты. — И вообще надо при деле быть. А то шляются по земле с гитарами. Угомон их не берет. А потом дети сиротами растут. — И вздохнула: — Я тоже дурой была когда-то.

За окном встает солнце. На стеклах цветет розовый куст. Бумажные кружева на полках становятся розовыми. И такая благодать кругом, что душа у Тани поет. В чайной чисто, уютно, потрескивают дрова в печи, и пахнет как-то особенно: хлебом, свежесмытыми полами, капустой.

Таня ставит греть воду, режет хлеб, говорит из подсобки громко:

— А на заводе я в стаканном цехе ученицей была. Красота! Все звенит, крутится, только успевай.

Лиза слушает и не слушает, взвешивает товар, открывать скоро.

Таня подносит ей стопку тарелок.

— А вообще-то везде интересно. — У нее мечтающие глаза. — Как говорит мой Витька, лишь бы работать с полным кпд, верно ведь?

— Эх, детсад! — Лиза качает пышной, красивой прической. — Мой сынишка Толечка и то умнее тебя. — И подает ей белый передник. — На-ка вот, сегодня мой надену,

Рисунок Ю. РАКШИ.

потом свой сошьешь.— Улыбается: — И чтоб с полным кпд, ясно?

В чайной людно и уже душно. По стеклам течет. Гомон, Таня ходит меж столиков, собирает посуду. Вот Гришка-шофер ест винегрет, на стойку поглядывает. Но Лизы ему не видно, только ее сахарная наполька мелькает иногда поверх голов и доносится звонкий голос:

— Котлеты — одни, хлеб — триста, следующий!

Таня стирает со столиков, ходит, гордо поглядывая вокруг. Вот с мороза ввалились в чайную деповские девчата в телогрейках, брюках. Запахло бензином, смазкой. Гремят в углу рукомойником, занимают столик.

Таня шурует в печи кочергой, слушает их грубоватые голоса. К ним у нее — уважение, даже почтение. И кажутся ей эти двадцатилетние очень взрослыми.

Посуду со столов Таня носила в подсобку. В обед — горы посуды, только успеешь вымыть — и скорей белые стопки в зал, к Лизе.

— Ты больно-то не размывай, некогда, — кидает Лиза тихо.

Вода из крана бежит в мойку. Таня берет стакан, моет под струей, ставит на чистый поднос. Приноровилась, и получается ловко, как на заводе поточная линия. Звенит крышкой чайник, звенят стаканы. А Та-

ня как в вальсе: берет — раз, моет — два, ставит — три. Раз, два, три. Раз, два, три.

Иногда, стуча босоножками, забегают Лиза. То к плитке кинется, то в холодильник нырнет. На ходу спросит:

— Ну, как кпд?

— Как в стаканном цеху!

А по радио — производственная гимнастика: «Встаньте прямо, поднимите руки на уровне плеч.— Таня взмахивает руками, они у нее по локоть мокры.— Упражнение начали, раз-два-три...»

Значит, в Москве только одиннадцать. А тут уже день-деньской. За белым морозным окном проехал красный автобус, пробежали ребята с портфелями.

Иногда через открытую дверь Таня смотрит на Лизу, любит, как та ловко орудует у стойки. Народу к ней — тьма: и шоферы, и транзитные пассажиры, и сцепщики. И все: «Лиза, Лиза!» Всем нужна Лиза, все к ней с почтением. А она, как хозяйка медной горы, стоит неподвижно, только руки, как птицы, порхают, от стойки к витрине, от витрины к весам, к бочке с пивом. Сережки вздрагивают, костяшки на счетах щелкают:

— Три бутерброда, треска, два пива. Все? Девяносто. Мелочи нету.— Взяла рубль.— Следующий.

В подсобной Таня чистит картошку, уже третье ведро с утра.

— А что я придумала, — говорит она Ли-

зе, когда та наспех ест винегрет ложкой, прямо из бака.— Давай шторы на окна повесим, голубенькие. Я такой материалчик в сельпо видела. Могу сшить, хочешь?

Лиза жует, устало глядя в окно:

— Делать, что ли, нечего? И так не чаю, как отсюда вырваться.

«Нехорошо, конечно, есть из бака, — думает Таня, наливая чаю в стакан.— Но ведь и поест-то ей толком некогда».

Лиза вздыхает:

— Есть у меня мечта, девочка. Хочу в вагон-ресторан уйти. Вот дельце одно проверну и сдам точку.

В зале шум. У стойки ждет очередь, но Лиза туда и глядеть не хочет.

— Думаешь, нравится мне улыбаться тут всем? Думаешь, нравится?.. А надо. Вон Гришка-шофер на зиму дров подкинул, завмаг помог Толечку в интернат устроить.— И сразу голос потеплел.— В первый класс пошел мой Толечка. Палочки пишет, нолики.— Она помолчала и опять твердо: — И хоть одна я, Таня, хоть мать-одиночка, а Толечку выучу. Расшибусь, а выучу. Он у меня еще ученым будет...

Стоит Лиза, ест винегрет, а в глазах что-то невеселое-невеселое.

— А вы бы замуж шли. Вы вон какая красивая.

Лиза усмехается горько:

— Господи, за кого замуж-то? За Гришку,

что ль, голь перекатная! — И ложку бросила. — А солидные люди все женаты.

И опять уже в зале:

— Сардельки — одни, хлеба — триста... Таня, чай там скипел? — Костяшки щелкнули, ириску бросила. — Следующий.

Чайник с кипятком ведечный, синей эмали. Прихватив тряпкой, Таня тащит его двумя руками. Уже шестой сегодня выпивают. Это сколько же люди пьют за сутки? Ну, по району, например? Или по области?.. А по всей стране? Ой-а-а... реки!

— А я говорю, мне сдача нужна! — Это упрямистая гражданочка в шляпе, из транзитных: не хочет ириску брать.

Лиза расстраивается.

— Ну сколько раз объяснять, гражданочка? — Потрясла пустым блюдцем. — Нету мелочи, видите. — И вторую ириску ей бросила.

Сзади торопят:

— Ладно, дамочка, отходи. Нам на смену. — Тянут через головы деньги. — Лиза, пять пива.

А та как приросла:

— Я сдачи жду, — и глядит в упор сквозь очки.

«Бывают же люди, — думает Таня, взгромождая чайник на табурет. — Дались ей эти копейки!» И вдруг увидела блюдце, полное мелочи, под прилавком, на полочке.

— Лиза! — чуть чайник не опрокинула. — Да вот же! — и достала скорей. Мелочь брякнула.

Женщина усмехнулась, а Лиза померкла вся, зло взглянула на Таню:

— А кто тебя просил убирать? — и отвернулась. — Так, вот вам сдача. Следующий.

Таня мяла тряпку в руках. Не знала, куда деваться от взглядов. Постояла еще и молча пошла в подсобку.

Из репродуктора над ее головой диктор звонко вещал: «Дорогие друзья! Начинаем концерт по заявкам наших доблестных воинов — артиллеристов и ракетчиков!..»

— И не лезь в мои дела. — Лиза спокойно раскупоривает консервы на табурете. — А то первый и последний день тут. Поняла? — Сережки ее сердито дрогнули.

Таня стоит как мертвая, машинально моет стаканы — раз, два, три. А по радио знакомая песня:

Поле, русское по-о-оле,

Я, как и ты, ожидаю живую,

Верю молчанью, как обещанью...

За окном меркнет день. Фонарь над улицей качает желтый, тревожный свет, перекликаются тепловозы.

Таня собирала со столов солонки, стаскивала грязные клеенки. С улицы стучали, дергали закрытую дверь.

— Мне на базе шепнули, ревизия скоро. — Не обращая внимания на стук, Лиза снимала остатки; скинув босоножки, она залезла на стойку и считала в буфете коробки с вафлями, бутылки портвейна. — Чего молчишь? Обиделась, что ль, из-за мелочи? — Усмехнулась. — Вот уж правда, что мелочь... Нет, девушка, надо легче на все смотреть, веселей.

— Может, открыть? — спросила Таня.

— Да ну их, небось, за вином. — И крикнула на весь зал: — Закрыто!.. Так. Портвейнов тридцать четыре по два тридцать... Слушай, а вдруг нужный кто? Ну-ка, открой.

И Таня побежала, крючок скинула.

В клубах пара ввалился квадратный заснеженный дядька в брезенте.

— Что, Лизавета, в праздник рано закрываешь? — Он притопнул на месте, и комья снега полетели на пол, зашипели на печке.

— Ой, Петр Иванович! — Лиза слезала со стойки. — А какой такой праздник?

Он обиженно засопел, вылезая из твердого плаща.

— Наверное, День артиллерии, — сказала за его спиной Таня.

— Ой Точно! — Он оглянулся и увидел девочку с челочкой.

Молча повесил у двери гремющий плащ и стал сразу такой домашний, в своей вязаной душегрейке и серых катанках.

В подсобке Лиза достала пол-литра из холодильника.

— Видала? Ухажер. Как раз вовремя. Бывший начальник станции. — Она развеселой стала. — Вот так каждый праздник, придет и сидит, размышляет. Жена у него — мегера. Сроду выпить не даст, печенье его бережет. А сын в Москве учится. — Раскупорила бутылку, отерла тряпкой. — Ты сыру нарежь голландского, да потоньше.

— Чего ж редко заходите, Петр Иванович? — Лиза плыла к нему — на тарелочке полстакана водки, огурчики, колбаса, хлеб.

Он очнулся от мыслей.

— Дела все, Лиза, дела. — Расстегнул душегрейку. — Только что с собрания. Пришлось выступать, подсказывать.

Лиза присела, оперлась на белые локти.

— И чего вам беспокоиться, Петр Иванович? Как говорится, на заслуженном отдыхе. Сидели бы дома. — Стаканчик подвинула. — Как печенье-то, не тревожит?

— Ерунда. — Он помолчал и серьезно поднял стакан. — Ну что, Лиза, с праздником, значит?.. За артиллерию нашу!

— С праздничком, с праздничком!

— Ракетных войск я не знаю, а вот артиллерию... — дохнул и выпил.

Лиза обернулась и крикнула:

— Ну, долго ты там?

Он закусил огурчиком.

— Новенькая? И как, ничего?

— А кто знает, — пожала плечами Лиза. — Новый сапог всегда жмет.

— Да, притирается. Я старый солдат. Знаю.

Он был прост лицом. Добродушен. Смотрел, как спешит новенькая с чаем и сыром, как горячий стакан жжет ей пальцы. Улыбнулся:

— Садись, посиди с нами. Праздник нынче.

Но Лиза отослала:

— Иди, иди, еще клеенки мыть... Столько дел! Сами знаете, Петр Иванович, пятый год на одной точке. И ночь-полночь стучат, и днем не присядешь. И ведь единой жалобы от клиентов не было. И все хочешь как лучше. — Вдохнула мечтательно: — Вот шторы хочу для уюту сшить, голубенькие такие. Уже и ткань присмотрела. Он сидел благодушный, чуть раскрасневшийся.

— Люблю я тут посидеть в удовольствие. На тебя поглядеть. — Хриловатый голос его звучал в пустом зале. — Ну, хочешь, признаюсь тебе?

— Да вы выпейте, — перебила Лиза. — Я еще принесу.

— В сорок четвертом, в такую же вот зиму, под Витебском командовал я батареей. — И поднял стакан.

— А вообще-то у меня вопросик к вам, Петр Иванович. — Лиза смотрела, как он пьет. — Мне советуют на другую работу перебраться, в вагон-ресторан. Как вы думаете, стоит?

Он отставил стакан, улыбнулся.

— А с личной жизнью-то как?

— Ой! — засмеялась она. — Какая уж тут личная! Вся личность моя на обществом трагится. — И тут же серьезно: — А рекомендовать, думаю, вы меня не откажетесь, ну и еще один человечек. Я уже договорилась.

— Договорилась, значит, — повторил он задумчиво. За окном уже не было видно фонаря, снег совсем залепил стекла. — Налей-ка мне, Лиза, еще. Сегодня мой день. Салют сегодня в городах-героях. А в сорок четвертом под Витебском...

Лиза устало вошла в подсобку. С лица стерлась улыбка.

— Ох, уж эти пенсионеры! Слушать тошно. — Достала начатую бутылку. — Ладно, бог терпел и нам велел.

Таня молча перетирала солонки.

— Это один человек мне умный совет дал. Уходи, говорит, Лиза, из буфета. Пора карьеру делать, да и свет повидать. — Щедрой рукой она отрезала колбасы. — А ты, если хочешь, иди. Я сама тут управлюсь. Только печку проверь, а то угорим.

Петр Иванович машинально возил пустой стакан по клеенке, медленно говорил: — Они у нас, Лиза, телефонистками были. Две, молоденькие такие...

Лиза тоже выпила с ним за компанию и теперь слушала, с тоской глядя по сторонам.

— ...Первая летом погибла, в июле. На mine подорвалась, в лесочке. Прямо рядом с КП. А вторая... вторая вроде тебя была, отчаянная. — Помолчал. — И без нее мне, Лиза, не было света.

Лиза украдкой подмигнула Тане: мол, да-ет старик.

Но та отвернулась, раскрыв дверцу печки. Красные отсветы заплесали у нее по щекам.

— Под Витебском это было, зимой. Связь прервалась. И пошла она, голубка моя, сама к шестой батарее, по проводу... А тут, Лиза, немец в атаку. — Он смолк, вспоминая далекое. Бессильно руки сложил. — Да, пошел в атаку. И веришь сердцу?.. Накрыл я ее своим же огнем... Своим же огнем, родимую...

Таня замерла у печки. Стало слышно, как потрескивают дрова. Лиза встала — и скорее в кладовку, бумагу искать и чернила. А как же — дело есть дело. И другого такого момента может не быть.

Он не поднял головы. Слышал, как, простучав каблуками, она скрылась за скрипящую дверь. Помедлил, выложил деньги и, тяжело поднявшись, двинулся к выходу, певторив на ходу:

— Своим же огнем...

У дверей долго одевался: не мог попасть в рукав оттаявшего плаща.

Было слышно, как угли, шурша, падают в поддувало.

— Да куда же вы, Петр Иванович! — выскочила из кладовой с бумагой в руках Лиза.

Но он распахнул дверь и, скрипя ступенями, молча ушел в белый мороз.

Лиза стояла растерянная:

— Господи, с чего это он? — Посмотрела на деньги, на Таню, сидящую на корточках у печи. — Может, ты чего сказала?

Таня молчала.

И Лиза испугалась, крикнула:

— Ты что ему тут сказала? Почему он ушел!?

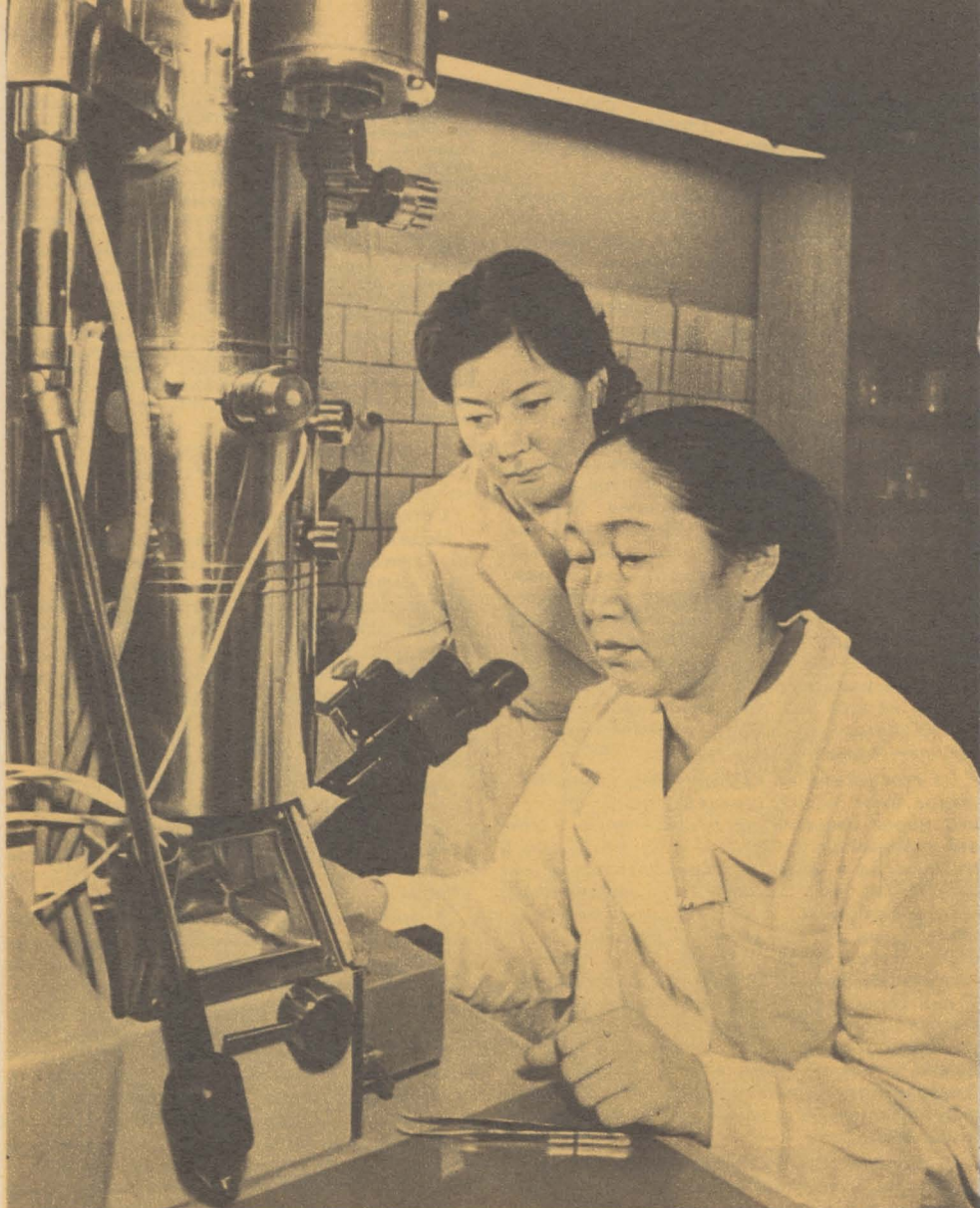
Таня упрямо глядела в печь.

— Я тебя спрашиваю, — подскочила Лиза. — Что ты ему сказала?

Таня поднялась и, глядя мимо Лизы, куда-то в пустой зал, тихо ответила:

— Я сказала ему, чтоб он не писал тебе никаких рекомендаций. Никогда не писал, — и пошла одеваться.

Ночь была тихой и звездной. Белые крыши домов сияли, блистала под лунным светом укутанная дорога. И по этой дороге, по морозу бежала домой Таня. Вот и кончился ее первый рабочий день, День артиллерии.

Профессор, доктор биологических наук М. Х. Шигаева (справа) и инженер-микробиолог З. Д. Ахметкалиева.

Фото Э. Чиковани.

Т. РЯБИКИНА

СУТКИ ТОЙ ЖЕ ДЛИНЫ

...И вновь мы собрались у стойки, ожидая регистрации. Часы показывали зенит ночи, переполненные залы аэропорта настороженно подремывали. Вместо регистрации диктор объявил, что рейс откладывается еще на четыре часа, Алма-Ата не принимает «по метеоусловиям».

— А вам в Алма-Ату? — спросила меня соседка по скамье, моложавая и опрятная.

Она охраняла сон мужа и внука; телевизор, подвешенный наверху над креслами, передачи завершил, и на свободе женщине хотелось пообщаться с кем-то, вникнуть в чужую судьбу.

Пришлось объяснить, что в столицу Казахстана лечу я к ученому-микробиологу, доктору наук. Хочу написать о ней, о ее работе.

— Ох, эти микробы! — сказала женщина и расправила под тугой щекой внука белоснежный платочек. — Воюют с ними, воюют, а истребить никак не могут.

* * *

Майю Хажетдинову Шигаеву очень повеселил этот эпизод.

— Бытует, — усмехнулась она. — Микроб — значит, вредный. Ваша чистюля, наверно, дома борется с ними люто. И молодчина. Я лично считаю: культура начинается с чистых ногтей... Но у нас микроорганизмы другие. Мы их холим-лелеем, сами увидите.

Мы идем по коридору Научно-исследовательского института микробиологии и вирусологии Казахской Академии наук. Шигаева пришла в академию в сорок девятом. Иногда бывает — собеседники обходят в автобиографическом рассказе даты, а Майя Хажетдинова, напротив, даты округляет: «Считайте, серебряная свадьба. И с Кайсаром у нас скоро серебряная свадьба и с академией».

Гладкая прическа сообщает ее лицу не строгость, а женственное достоинство. В неожиданных для казашки нетемных гла-

зах цвета янтаря — привычка концентрировать внимание. Проведя рядом с ней неделю, я еще не раз отмечу это умение сосредоточиться на одном, как бы отгородившись от всего остального.

Вероятно, при знакомстве удивляются ее молодости. А знакомств немало — и на все-союзных симпозиумах и за рубежом. «Неужели это ваша публикация?» — и следует название статьи пятнадцатилетней давности. «Моя». Зарубежный коллега называет себя, и она тоже нередко напоминает его работы. И возникает ощущение, будто знакомы полжизни, и хочется подробнее узнать о сегодняшнем, об успехах и тупиках в исследованиях (правда, она сразу извиняется за грамматику в своем английском).

Майя Хажетдинова приводит меня в свою лабораторию, представляет сотрудникам. В колбах, пробирках, чашках — таинственная жизнь микромира. Да и разговоры здесь, должна признаться, для непосвященного загадочны. «Наблюдала возникновение аспорогенных секторов у нормально спорующих колоний...»

Заходим в бокс. Это комнатка, где все предусмотрено для максимальной стерильности: в процессе опыта на лаковую питательную среду могут польститься непрошенные пришельцы из воздуха, и тогда будет нарушена чистота «посева» определенного штамма — культуры микроорганизмов. Перед началом работы бокс очищают мощными ультрафиолетовыми лампами. Вероятно, сейчас под их светом и наша одежда и кожа теряют массу квартирантов. Впечатляющий подсчет из одной научно-популярной книжки: моясь в ванне, человек смывает с себя от двадцати миллионов до миллиарда микроорганизмов.

Но кто же те, ради кого из бокса выдворяют посторонних? По заслугам ли честь?

По заслугам. По неоценимым заслугам перед человечеством. Просто мы не задумываемся о той массе полезных дел, которые выполняют крохотные работники. Та же тетя, что наивно призывала «истребить всех микробов», утром привычно замешивает блины (а дрожжи — не микроорганизмы?), потом идет в магазин и выбирает кефир и мясо (кефир не приготовишь без специальных грибов, и корма скоту обогащают белком бактерии, и силос заквашивают). А загрипповавшего внука чем она лечит? Тетрациклином. Кому не известно, что антибиотики совершили настоящий переворот в медицине!

Так что пристальное внимание науки вполне заслужили микроорганизмы. Вольготно расположились они в соседней комнате-термостате. Тут африканская жара — ее, оказывается, обожают многие штаммы. Десятки плоских стеклянных чашек, накрытых (опять же для стерильности) прозрачными крышками. Приглядевшись к ближайшим, видишь на донцах, на застывшем воскообразном слое пятна разнообразных окрасок: в одной чашке фиолетовые, тут оранжевые, там синие, одни в форме изящных зонтиков с бороздками, сходящимися к центру, другие покрыты пушком.

— Это актиномицеты, или лучистые грибки, — объясняет Майя Хажетдинова. — Продуценты антибиотиков, ну, проще сказать, исходный материал для различных лекарств. Каждое пятнышко — колония, образованная потомством одного микроорганизма. Представляете, как трудно наблюдать за прорастанием каждой споры. Только под микроскопом. Поистине ювелирная работа. Это делают, чтобы потом проследить, хорошо ли грибкам живется, активно ли они размножаются.

Шигаева ставит рядом две чашки, смотрит на бирки.

— В них один и тот же штамм, засеяны

одновременно, но в этой чашке контроль, грибки растут, если можно так выразиться, без понуканий. А здесь микроорганизмы подверглись воздействию мутагенов — средств, изменяющих наследственность. Посмотрим дату — прошла неделя. Видите, пятна и внешне отличаются друг от друга? Для исследователя все имеет значение: и количество колоний, и их размер, и интенсивность цвета, и вид пушка — он называется воздушный мицелий. Я в микроскоп вам покажу — настоящие джунгли! Но главное, конечно, что нас волнует: удалось ли повысить активность штамма, его боеспособность против болезнетворных бактерий... За каждым из вариантов надо тщательно следить по дням, регистрировать изменения. И считать, считать. Ведь на любом производстве без статистики никуда.

Промышленные микроорганизмы... Буквально на нашей памяти возникло это словосочетание. Появились заводы, основная рабочая сила которых — обитатели микромира. Именно они производят продукцию — антибиотики, аминокислоты, витамины и много другое. И подобно тому, как на каждом предприятии стремятся увеличить объем продукции, повысив производительность труда рабочих, ученые всего мира упорно ищут: как же помочь микроработнику выполнять задания на двести или даже на пятьсот процентов? Как заставить его, что называется, прыгнуть выше собственной головы? Найти самые благоприятные условия, защитить от врагов? Это очень важно, но малоэффективно. Куда заманчивее изменить самого «работника», подыскав ключи к его наследственности.

Лаборатория, которой руководит Майя Хажетдиновна Шигаева, и называется «Лаборатория генетики и селекции микроорганизмов».

Из рассказа А. Н. ИЛЯЛЕТДИНОВА, директора института.

— Без лаборатории Шигаевой сегодня немислимо любое направление в деятельности института. Какую бы практическую задачу мы ни взяли — выращивание ли белковой массы для животноводства, производство заквасок или борьбу с болезнями растений, — недостаточно найти нужный штамм. Надо постараться его усилить, активизировать.

Так что генетика и селекция представляют интерес не только теоретический. Сейчас, к примеру, мы взяли помочь геологам. В Казахстане имеются месторождения золота, но благородный металл зачастую соседствует с мышьяком, причем мышьяк как бы обволакивает крупинки золота, их трудно разделить. А при плавке даже ничтожный процент мышьяка, попавшего в воздух, вреден для окружающей среды. И горняки решили прибегнуть к помощи микробов: среди них есть такие, что «интересуются» именно мышьяком, умеют выделять его и переводить в раствор. Проблема непростая, и лаборатория общей микробиологии взялась за ее решение совместно с лабораторией Шигаевой. Как же тут обойтись без селекции: надо искать пути, чтобы бактериям-«металлургам» прибавить силы и активности.

Договорились с Майей Хажетдиновной встретиться в университете, на кафедре микробиологии, которую она возглавляет. С утра она должна была принимать у пятикурсников отчеты о практике, прикидывала успеть до обеда, но задержалась, потому что с каждым беседовала обстоятельно: человек на пороге самостоятельной работы, преподаватель стремится получше понять индивидуальные его склонности и возможности.

Мне не хотелось быть при этих беседах помехой, я побродила по длинным коридорам КазГУ, понаблюдала шумную толчу перерывов, почитала смешные и язвительные стенгазеты. Среди них висели и газеты стройотрядов — как воспоминание о лете прошлом и намек на планы лета будущего.

(Кстати, старшая дочь Шигаевой уже окончила университет, а сын учится на 3-м курсе биофака. Случайно ли оба выбрали биологию? Вероятно, нет.)

Наконец, студенты разошлись. Доцент Анастасия Михайловна Бабусенко, добродушная, преподающая на биофаке уже бог знает сколько и привыкшая опекать студентов, как детей, увязывает тесемки папок и говорит удовлетворенно Шигаевой: «Ну, слава богу, на этот раз никто не написал слова «приблизительно». Оказывается, в прошлом году один студент сдал Майе Хажетдиновне вполне профессиональный отчет, в котором, однако, значилось: «приблизительно 200 вариантов». И за одно это слово Шигаева поставила ему неуд. «Да у него за все годы тройки не было», — расстроилась Бабусенко. «Вопиющая безграмотность! — возмущалась Шигаева. — «Приблизительно», «почти», «около» — нет в лексиконе ученого таких слов. Все считать, все проверять, четко, кропотливо. «Приблизительно» — это значит, человеку скучно и неинтересно, его не волнует результат опыта! Правда, она воздала парню должное, когда он попросил отсрочку, повторил работу и на этот раз оформил все скрупулезно. «Упрямый, — одобряет Майя Хажетдиновна. — Может, и будет толк...»

Ее пригласили на кафедру год назад. Кафедра была новой, и заведующего на первых порах ожидали организационные и хозяйственные сложности, к тому же Шигаева никогда в жизни не преподавала, и ей надо было подготовить весь лекционный курс микробиологии на сегодняшнем уровне (каждый ученый все-таки специализируется в своей узкой области). Друзья ее отговаривали. Чего ради браться за такой воз? У нее серьезная исследовательская работа, высокая должность — заместитель директора НИИ по науке. Да кто же уходит из академии, отдав ей столько лет? Но она и не думала уходить, она осталась заведующей лабораторией. А университет — это параллельно.

И сегодня Шигаева признается, что преподавание, общение с молодежью, углубление в литературу по самым различным направлениям микробиологии удивительным образом сказались и на собственных ее научных исследованиях. А сотрудники биофака в один голос уверяют, что престиж кафедры очень высок, среди студентов, желающих попасть на нее, настоящий конкурс. Разумеется, дело не только в научном авторитете Шигаевой — сама микробиология становится все популярнее.

Из рассказа В. Д. СИВЕРЦЕВОЙ, младшего научного сотрудника лаборатории.

— Начинали мы — она, я и наш штамм. Вам показывали антиомикет с синим пигментом? По-латыни *Act. coelcolor*. Известно было, что он вырабатывает антибиотик против сибирской язвы. У нас тогда даже стола своего не было.

Я пришла из медицинского, мечтала о гинекологии. Так что микробиология — вовсе не по любви. Но когда я попала в группу Майи... Она кого угодно обратит в свою веру.

А уж работы было! Или тогда молодые были, горы переворачивали — словно так и надо. Как мы только над штаммом ни мудрили: ультрафиолетом облучали, нашли дозу, увеличивающую «агрессивность» штамма в 16 раз. Пробовали и рентген, потом химию. Этиленминин поднял активность еще в 2 раза. Это рассказывать быстро, а ведь в опыте каждый вопрос от ответа отделяет чуть ли не месяц... Параллельно с бактериями проверяли штамм и на грибах, вызывающих кожные заболевания. Он и с ними боролся, но довольно-таки лениво. И вдруг обнаружилось: культура, потерявшая синюю окраску и для бактерий почти безвредная, с грибами справляется успешнее в 10 раз!

Помню, поздно уже (мы иногда и ночь напролет сидели, если нужно было снимать результаты через два часа). И тогда — си-

дим с Майей. Устали. Но такое чувство!

Конечно, минуты открытий — редкость, увы, редкость. А можно и слезы вспомнить. Недели, месяцы работы, сотни вариантов, вроде бы ожидаемые результаты где-то рядом, а в итоге ничего похожего. Разумеется, нельзя считать — время потрачено впустую. Отрицательный результат в науке тоже идет в общую копилку. Но...

И за все годы я не видела Майю Хажетдиновну равнодушной, скучающей. Расстроенной — да, грустной — да: малыш заболел или еще что, жизнь есть жизнь. Но пять минут свободны — она уже читает. И рядом с нею тоже стыдно не следить за новинками, у нас традиция — по очереди берем из библиотеки все интересное. Повторяю, рядом с нею стыдно жаловаться на нехватку времени, потому что у нее сутки той же длины.

Сутки той же длины...

Неделя, которую я провела рядом с Майей Хажетдиновной, для нее была обычной: дом, кафедра, лаборатория. Расстояния довольно значительные, но транспорта она не любит, двадцать минут ходьбы помогают отдохнуть, перестроиться. Лекции, коллоквиумы, заседания, опыты, анализ результатов. Не буду перечислять, какие дела лежат на ее плечах дома, это может предоставить любая женщина, у которой растут двое сыновей и две дочери.

Добавлю к этому, что свободной субботы не получилось, как раз в субботу были отчеты пятикурсников, о которых я рассказывала. А в воскресенье надо было читать диссертацию — Шигаеву пригласили оппонентом.

А еще Шигаева успела при мне провести заседание республиканского общества микробиологов, председателем которого является, и выступить на нем с сообщением о XVIII генеральной ассамблее Международного союза биологических наук (представителем казахских ученых в Норвегию ездила она). А еще Майя Хажетдиновна выступала с лекцией, как это ни покажется странным, в Театре юного зрителя: труппа пожелала услышать именно ее рассказ о недавнем Всемирном конгрессе миролюбивых сил, проходившем в Москве. Она была в комиссии по охране окружающей среды, а кого из нас не волнуют проблемы защиты природы, упрочение мира на планете?

...Когда она вернулась с конгресса, сын спросил: «Мам, а в декабре ты тоже поедешь в Москву?» «В декабре? А что будет?» «Международный конгресс. Хоккеистов». Надо бы обидеться на розыгрыш, но она расхохоталась — ценит в сыне чувство юмора.

Но если говорить серьезно: откуда же и впрямь эта энергия, эта четкость и собранность, эта деловитость современной женщины (только далеко не все из нас, считающих себя современными, могут похвастаться такой большой и сплоченной семьей)?

Мне кажется, Майя Хажетдиновна хоть и иносказательно, но ответила на не заданный мною вопрос. Она рассказывала о Норвегии, и на экране загорались привезенные ею слайды. Возник и всемирно знаменитый Фротгнер-парк, где скульптор-гуманист Адольф Густав Вигеланн оставил человечеству свои мысли, воплощенные в камне.

— Вон там группа, называется «Чаша жизни». Плоховато видно? Вблизи впечатление грандиозное: тяжеленную чашу поддерживают несколько фигур, символизирующих отношение к жизни. Один подставил плечо как следует, ему трудно, прямо ощущаешь пригибающую тяжесть, но лицо у человека спокойное и уверенное. А второй уклоняется, выворачивается из-под чаши, ему легче, но на лице его нет счастья. Понимаете — легко, а счастья нет...

Ирина вернулась в казарму поздно, расстроенная. Намаявшие за день девочки спали. Она прошла к своей койке, легла на соломенный матрац. Сон долго не приходил.

Сегодня она случайно оказалась на Театральной площади. Разбитое здание Кировского театра выглядело угрюмым и заброшенным. На рекламной тумбе сиротливо висел кусок старой афиши: «16 нояб... Балет «Жизель» с участи...» Неужели это было?.. Гаснут огни. Кажется, музыка переполняет тебя. Тихо шумит занавес...

Но сейчас блокада. Бесконечно долгие холодные дни и ночи. Единственное желание — есть. Хотя бы раз наесться досыта!..

Тревога! Короткое, как выстрел, слово сбрасывает Ирину с постели. Она одевается на ходу и бежит в строй. Взвод МПВО готов к работе. «Район подвергается артиллерийскому обстрелу», — повторяет и повторяет радио. Где-то за Фонтанкой слышны глухие разрывы.

— Восьмой раз сегодня, — шепчет соседка по строю.

— По-моему, десятый, — тихо отвечает Ирина...

Значит, опять кровь. Опять убитые, раненые дети, женщины.

Тихо-тихо в тускло освещенной казарме. Откуда-то доносятся глухие разрывы, и слышно, как скрипят старые рамы...

Наступил незабываемый январь сорок четвертого. 19-го освободили Красное Село, 21-го — Мгу, 24-го — Пушкин. Рота, где служила Ирина, получила приказ разминировать этот город.

По парку, где когда-то гулял поэт, где рождались его стихи, словно буря прошла. Дымился вдали Екатерининский дворец, Лицей. Одна из девушек тихо сказала: «Здравствуй, Пушкин!..»

Ночью их подняли по тревоге. Они бежали, не чувствуя под собой ног, к пылавшему, как огромный костер, дворцу.

— В подвале авиабомбы. Через несколько минут возможен взрыв. Кто готов идти?.. — Командир взглядом обводит строй. Ирина делает два шага вперед. За ней Люся Казенина, потом Вера. А потом весь строй. Они быстро устраивают настил из досок и начинают выкатывать полутонные бомбы. Откуда только силы берутся! Дым ест глаза. Жарко. Страшно? Наверное. Но об этом никто не думает. Лишь после ревели, как режут все нормальные девочки. То ли жаль было дворца, то ли нервы не выдержали.

Ирина Васильевна Никифоровская.

Жизель и бомбы

Ирину Никифоровскую принимали в партию в блокадном Ленинграде в 1943 году. Позади уже были два года войны. Осень сорок первого. Враг у стен города. Тысячи ленинградцев взялись за оружие, рыли окопы, строили укрепления. Студентка института киноинженеров Никифоровская решительно отказалась эвакуироваться с вузом. Она не представляла себе, как можно в час опасности уехать из любимого города. Она делала все, что от нее требовали: рыла окопы, строила блиндажи, мыла полы в госпитале. От непривычного труда ныло тело, кровавые мозоли не сходили с рук.

Ирина была в числе первых ленинградских девушек, которые освоили опаснейшую из опасных солдатских профессий — подрывника, преодолела в себе чувство страха. Она научилась обезвреживать безобидный на вид стаканчик из светлого металла, удалять «жалюзи» из коробочки, которая могла разрушить дом. В ее тетрадках накапливались чертежи, описания секретов различных фашистских бомб, снарядов и мин.

Вечерами взвод собирался в казарме. До отбоя оставалось немного времени. В такие минуты девушки мечтали о будущем.

— Наверное, после войны Ленинград станет неузнаваемым, — говорила худенькая Нина Парфенова.

— А я думаю, он будет прежним, — откликнулась Ирина. — Все восстановят! И разве можно чем-то заменить красоту Инженерного замка? Или Казанского собора? Это же песни в камне!

— Конечно, восстановят, — вступила в разговор Вера Богданова, — и Мариинку тоже. Какой театр! Побываешь в нем — и словно праздник.

— А я так ни разу и не попала туда, — огорченно сказала черноглазая Людмила. — Слышала только, что балет там знаменитый...

— Девочки, хотите я расскажу вам о балете? — Ирина вскочила со своей койки. Она говорила так, словно только что вернулась из театра, вся еще во власти Жизели — Улановой...

Одна из газет потом писала: «...работая по колено в воде, отважные патриотки окончили работу, лишь когда все бомбы были обезврежены и угроза взрыва миновала».

Летом 44-го ленинградцы стали возвращаться в родной город. Открывались магазины, театры, школы. Но взрывы продолжали греметь. Тысячи оставленных фашистами на нашей земле бомб, снарядов, мин сеяли смерть. И девушки в синих беретах с красноармейскими звездочками снова были в бою. Вечерами они подсчитывали «урожай». По 200—300 мин обезвреживала каждая ежедневно в районе Пулковских высот.

Теперь Ирина иногда украдкой мечтала, что когда-нибудь ей снова удастся увидеть Галину Уланову. В самые тяжкие дни блокады Ирина не забывала о своей любимой балерине. Еще в 42-м, узнав, что Уланова в Алма-Ате, написала балерине. Галину Сергеевну взволновало письмо, но, не зная адреса Ирины, она не смогла ответить. И вот они наконец встретились — это было еще во время войны, в освобожденном от блокады Ленинграде. Прославленная балерина с уважением смотрела на девушку-солдата. А когда узнала, что Ирине довелось разминировать город Пушкин, рассказала, что однажды в юности репетировала свою Жизель... в Екатерининском парке. Именно там нашла она черты образа мужественной, любящей девушки.

* * *

— Я иногда и сама не верю, неужели все это было, — говорит Ирина Васильевна. — Блокада, бомбежки, пайка хлеба в 125 граммов, оледеневшие, мертвые дома...

Теперь она редактор одного из ленинградских издательств. А дома заботливая мать и хорошая хозяйка. У нее изящные руки, тонкие пальцы. Совсем не солдатские. Она, как и прежде, любит балет.

Ю. КРИНОВ

Ленинград.

ДРУЖБА—

По дороге на обед. На снимке московские строители и их берлинские коллеги. В центре — Лидия Романовна Повшко.

ФРОЙНДШАФТ

Одно из первых сообщений о них выглядело так: «Десятеро из берлинского ДСК великолепно говорят по-русски». И, чтобы долго не интриговать читателей, «Берлинер цайтунг» чуть ниже пояснила: «Никакого чуда. Они приехали из Москвы». Бригада отделочников Московского домостроительного комбината № 2 была не первой советской бригадой в ГДР. Обмениваться опытом приезжали сюда и строители Вильнюса, Киева, Ленинграда, но к москвичам у берлинцев был особый интерес: они знали о высоких темпах московских строителей. А в ГДР сейчас много строят, и планы у молодой республики грандиозные. Начиная с 1976 и по 1990 год на строительство жилья будет истрчено 200 миллиардов марок.

В тот же день, когда московская бригада прибыла в Берлин, в Москве, в ДСК-2, встречали отделочников Берлинского домостроительного комбината. Наша бригада, которую возглавил заместитель главного строителя ДСК-2 А. П. Рошин, состояла из десяти человек — столяров, линолеумщиков, маляров. Все маляры — женщины: Лидия Романовна Повшко, Зинаида Герасимовна Ельчева, Раиса Иосифовна Загвоздкина, Ольга Ильинична Башканкова.

Когда отделочники ДСК-2 вернулись в Москву, наш корреспондент Л. Стишкова попросила поделиться своими впечатлениями о работе в Берлине Лидию Романовну Повшко. Лидия Романовна строила МГУ, Дворец науки и культуры в Варшаве, за хорошую работу в восьмой пятилетке награждена орденом «Знак Почета».

— Думаю, каждый со мной согласится: отстоять звание хорошего мастера своего дела гораздо сложнее, чем завоевать. Мы все вроде опытные отделочники: я работаю уже более 20 лет, Зина Ельчева столько же, награждена медалью «За доблестный труд», да и Ольга Башканкова, самая молодая из нас, ей нет еще девятнадцати, и Рая Загвоздкина тоже не отстанут, и все же мы волновались перед отъездом в ГДР. Что мы знали о своих коллегах? Качество отделки у них хорошее, строят дома такие же, как и мы, разница лишь в этажах: мы делаем на два выше. Вот, пожалуй, и все. И поэтому на душе у нас было неспокойно:

вдруг оплошаем? Забегая вперед, скажу: страхи наши оказались напрасными.

Мы пробыли в Берлине месяц. Работали на строительстве 10-этажного дома в новом микрорайоне. В бригаде нас встретили очень радушно. Наши коллеги сказали сразу: «С каждой из вас хотим поработать». И это понятно. Их интересовали наши приемы. Мы не только показывали свои методы работы, но и сами учились. Так, например, я и Зина Ельчева решили освоить технологию оклейки потолков. В ГДР потолки не красят, а оклеивают обоями. Сначала это нас очень удивило, но, разобравшись, увидели, какое это дает преимущество. Простой расчет. Мы 6—7 дней только готовим, шпаклюем потолки для побелки в четырех квартирах. А обоями можно их оклеить за два дня.

Я, конечно, предвижу скептическое выражение на ваших лицах. Но можете поверить мне, квартиры выглядят даже лучше, уютнее наших. Обои для потолков выбираются светлые, в основном серые с абстрактными рисунками, и это приятнее для глаза, чем белые. Нет резкого контраста.

Никто из наших хорошо не знал немецкого языка, только Оля, пожалуй: она недавно окончила школу. Но объясняться с коллегами оказалось не так сложно. Когда связан одной работой, то многое становится ясно и так. Разве трудно запомнить, что, к примеру, «тапете» — это обои? Но более подробные разговоры нам, конечно, помогали вести переводчики. Иногда возникали самые настоящие дискуссии. И это не удивительно. Ведь мы для того и приехали, чтобы на деле сравнить, чей опыт лучше, а сравнив, перенять наиболее прогрессивное.

С первого же дня вопросов и у нас и у наших коллег было хоть отбавляй.

— Почему вы вручную наносите клей? — удивлялись мы.

— А вы как?

— С помощью машины, между прочим, несложной.

— Зачем нарезать обои на месте? Ведь это отнимает много времени.

— Что же делать? — спрашивали нас.

— Централизовать заготовку обоев. К нам, например, обои поступают готовые с завода: и кромка уже обрезана и высота соответствует высоте комнаты.

Так мы раскрывали друг другу «тайны». «Что бы вы хотели перенять у нас и что бы посоветовали нам?» — этот вопрос мы слышали от своих коллег по бригаде, его нам задавали на приеме в управлении Берлинского ДСК и на профсоюзном собрании. И мы откровенно высказывали свое мнение. Многие наши советы были связаны с повышением производительности труда.

Кстати сказать, вскоре после нашего отъезда на Берлинском домостроительном комбинате начали сооружать цех по централизованной заготовке обоев. Строители из ГДР, работавшие в Москве, увезли с собой, как образец, машину для нанесения клея на обои. Понравились им и наши бытовки, обогревающиеся специальными приборамитенами. А в Москву, в ДСК-2, присланы образцы немецких малярных, слесарных инструментов. По опыту берлинцев в Биролеве в первых 132 квартирах потолки оклеены обоями. Специалисты нашего ДСК подсчитали, что новый способ в масштабах страны даст экономию за год 382 миллиона рублей. А сколько маляров освободится от тяжелой работы! Есть, видимо, смысл изменить по образцу строителей ГДР и конструкцию дверной коробки. Делать ее без наличников. Ведь на квадратный метр жилой площади идет погонный метр древесины.

Каждый раз на выходные дни мы выезжали в другие города. И в Дрездене, и в Ростке, и в Нойе Бранденбурге мы обязательно смотрели новостройки.

На новые кварталы, надо прямо сказать, приятно посмотреть. Одинаковых зданий нет. Одни отличаются друг от друга расцветкой лоджий, другие — торцами. В ГДР плиты для фасадов изготавливают на заводах сразу с керамикой. Поэтому идешь и любишься: здесь тебе море с чайками, а на соседнем здании во весь рост, с первого по пятый этаж — дерево с пышной кроной... Не мешало бы нам начать изготовление таких плит.

Во всех поездках, так же, как и на экскурсиях по Берлину, с нами были не только наши товарищи по работе, но и члены их семей. И все вместе мы обсуждали увиденное. Нас часто приглашали в гости. «Вы просто околдовали наших жен, — шутили коллеги. — Как вечер, так просят: «Пошли к русским». Тем для разговоров было достаточно. Начиная с того, где и как учатся наши дети, и кончая тем, где работают в СССР женщины.

Так что мы приобрели в Берлине много настоящих друзей. Как-то особенно остро на себе почувствовали значение слов «фройндшафт — дружба».

За хорошую работу нашей бригады было присвоено звание «Бригада социалистического труда ГДР» и всем вручены грамоты и значки. А немецкие коллеги подарили нам на память обойные щетки, на которых выгравированы фамилии всех, кто работал с нами.

В последней квартире, которую мы отдавали, я оставила открытку будущим хозяевам: «Поздравляю с получением квартиры. Желаю всем здоровья, счастья, чтобы почаще у вас звучал смех». Недавно мне сообщили, что хозяева с удивлением обнаружили открытку. Смотрят — Красная площадь, Мавзолей. Написано по-русски. Когда все разъяснилось, они просили передать большое спасибо за квартиру. Отделкой остались очень довольны и мечтают познакомиться с теми, кто работал в их доме. Для нас самая большая похвала.

И мы и после нас

Витебск! В этом слове мне всегда слышится звон распахнутого в апреле окна.

Город прожил тысячу весен и тысячу зим — и только две зимы и две весны были моими тоже. Но как ни коротко мое время, оно совпало с той порой ранней юности, с начальной порой ледолома, когда над человеком, словно второе солнце, встает все сразу: любовь, поэзия, мысль...

Может быть, поэтому я вновь и вновь возвращаюсь в Витебск. Мне доставляет неизъяснимое удовольствие ходить по его улицам, которые давно уже не те, что во времена моего отрочества, следить за бесконечным и неизменяемым током реки. В Витебске мне все интересно: в одинаковой мере хочется знать, и как он меняется и в чем остается прежним. Такой уж этот город. С ним не расстаются. Его не забывают.

Правда, кроме мостов, Старого и Нового, построенных в тридцатых годах, с которых мы, бывало, следили за ледоставом на Западной Двине, беззаботно размахивая школьными портфелями, кроме переулков и набережных, где отпечатались наши следы, в Витебске живет один очень дорогой для меня человек. Да и не для меня одной! Это Анна Григорьевна Блау, бывшая учительница математики в 10-й средней школе, женщина с жизнью по-своему не менее замечательной, чем у самых знаменитых людей.

Но мне хочется рассказать обо всем по порядку. В Витебске я жила и училась до войны в интернате для детей пограничников. Это был небольшой бодрый мирок! По утрам до завтрака мы строились на линейку в тесном коридоре. Дежурный отдавал рапорт начальнику — плотному здоровяку в гимнастерке, человеку, как я сейчас понимаю, еще очень молодому, которого и самого вся эта игра радовала не меньше, чем нас. Каждый день мы шли по Старому мосту через весь город к школе; там проходила половина нашего дня...

А потом была война.

Может, кто-нибудь еще помнит:

Пал город Витебск. С болью горькой
Шли мы по берегам Двины.
Пал город Витебск... Его махорку
Курили мы и до войны!..

До сих пор эта незамысловатая песенка сжимает горло.

Интернат оказался цел! В 1957 году я зашла, не доверяя собственным глазам, в соседний деревянный домишко, где жила какая-то старуха — сухая, ростом с клюку, здешняя старожилка, — и она сказала, не покидая порога, насупленно выглядывая из темноты сеней:

— Интернат пограничников? Дальше по набережной. Белый дом. Помню.

Я пошла по узкой обледевленной тропе — прежней улице — и вдруг увидела свой дом. Он стоял лбом к ветру, а у ног — белое покрывало Двины. День был солнечный, пахло недалекой весной; облачка, как мелкие льдины, плыли по небу.

Расположение входных дверей, лестница — все было то же. Только вход, который вел прежде в столовую, теперь украшала табличка: «Модельная лаборатория». Спальня же, разделенная нынче коридором, открывала два ряда дверей: здесь помещался местный клуб ДОСААФ.

Никто не взял меня за руку и не провел по этим ступеням. Я сама брела спотыкающимися ногами по пустому двору и только у забора увидела тонкое с зеленоватым стволом деревце — единственное, которое выросло на месте нашего сада! Того самого, что был свидетелем первых опытов моего сочинительства; того сада, где когда-то валялся на траве, независимо задрал ноги, Сашка Здорный, и когда мимо проходила Люба Макарова, он их смущенно и послушно опускал, а когда я, то продолжал лежать не шевелясь, равнодушно поплывавая в сторону. У него было смуглое лицо и яркие, то бешеные, то веселые глаза, горевшие избытком мальчишеской энергии. Он погиб в первые месяцы 1941 года.

Я ходила по городу, захлебываясь от слез, редко-редко узнавала старые дома, покрытые шрамами, и тогда трогала их руками, не в силах сдвинуться с места.

Школа наша тоже уцелела. На самом юру, на высоком берегу Двины, она стояла по-прежнему. Десятая школа. Случаются же такие чудеса!

Я спросила техничку тетю Фрузу, единственную, кто работал здесь «с войны», заранее пугаясь ответа:

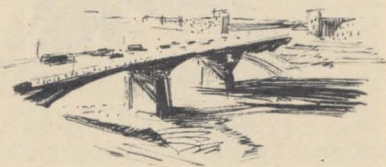
— А Анна Григорьевна?

Тетя Фруза ответила:

— Ее нет. — И, помедлив секунду, за которую я успела пережить всю гамму отчаяния и печали, добавила: — Она дома.

— Значит, жива?! В школе? — закричала я.

— Завуч, как и раньше, — строго ответила техничка.

Первые годы вернувшиеся на погорелище горожане во что бы то ни стало хотели, чтобы все было «как прежде», видя в этом окончание лихолетья...

Анна Григорьевна прожила в Витебске больше полувека. Теперь, став взрослой, я могла присмотреться к ней повнимательней. Ее сдержанность, которая казалась нам в детстве сухостью, обернулась доверием и уважением к каждому, даже самому маленькому человеку. Несколько раз в письмах ко мне она обмолвилась с шутливой горечью: «Моя болезнь — старость, от этого не поправляются». И я в самом деле приготовилась увидеть согбенную старушку сой старческой покорностью, которая настагает даже самых гордых и независимых...

Помню, я долго искала ее дом. Витебск бурно строился, нумерация передвигалась, и, блуждая по дворам, стучась в чужие двери, я постепенно теряла в этих досадных помехах свое невольное сердцбиение при мысли, что увижу сейчас Анну Григорьевну. Аннушку, Даньку-пилу, как мы ее тоже иногда называли (совершенно неизвестно, кстати, почему! Она не злоупотребляла нотациями). И вот я почти спокойно вошла в ее дверь. Лохматый подросток отомкнул, ни о чем не спрашивая, и крикнул в глубину узкого коридора, заставленного шкафом, мимо которого можно было протискиваться только боком:

— К вам пришли, Анна Григорьевна!

— Ученица? — спросил ее голос.

— Не-ет.

Я прошла, цепляясь полами шубы за ящики, приоткрыла из темноты дверь и невольно чуть не захлопнула ее вновь. Комната была маленькая, квадратная, с одним окном, плотно заставленная шкафами, с круглым столом посредине, с двумя самодельными кушетками из матрацев и тюфяков и с письменным столом у окна. Книжная этажерка стояла уже под самыми дверями. В этой комнате, в которой нельзя, казалось, повернуться двоим, было втиснуто сейчас по меньшей мере человек пятнадцать. Мальчишки, соевшие в ватных пальто, девушки-десятиклассницы, обмотанные платками, плотно сидели вокруг стола или стояли у стен.

— Я, кажется, помешала? — пробормотала я, пятясь.

Анна Григорьевна узнала меня тотчас. Уже никого не стесняясь, я уткнулась в ее щеку холодным от мороза лицом. Она болела несколько дней, и ее пришли навещать ребята.

Честное слово! Это была совсем прежняя Анна Григорьевна, и меня взяла оторопь. Я сидела перед ней смиренно, сложив руки на коленях, отвечала на вопросы — и какое это было удивительно счастливое чувство, что вот какими бы мы ни стали взрослыми, всегда обязаны держать ответ перед этой женщиной, нашей учительницей. Пусть весь мир перевернется — Анна Григорьевна останется прежней!

Чем дольше я приглядывалась к ней, тем больше убеждалась, что она сохранила все свое обаяние и превосходство над нами.

Потом мы ходили, тесно прижавшись друг к другу, по школьному коридору, когда за всеми классными дверями шли уроки, и из окна разглядывали окрестности.

— Вот эту старую коробку вы узнаете? Восстановили. А тот дом совсем новый. Здесь были склады, теперь пустырь. А наш школьный сад, разве вы ничего не замечаете? Это же все насадили после войны. Один только куст можжевельника прежний. Я часто прохожу мимо него и здороваюсь.

Под тихим снежком мы подошли к можжевельнику. Сучья у него были черные, корявые, железной крепости. А рядом стояли березы — высокие, настоящие деревья, которые успели вырасти с тех пор.

Анна Григорьевна вернулась тотчас, как освободили Витебск.

— Куда вы спешите? — урезонивали ее. — В развалины?

— А вы думаете, что я должна вернуться, когда Витебск построят без меня?

С обоими сыновьями (старший, Владимир, давно уже инженер, работает на заводе имени Коминтерна, младший, Юрий, медик, известен в области хирургии сердца) она вышла из поезда и не знала, куда идти: города не было. И все-таки в блиндажах, в землянках, среди руин возобновлялась жизнь. Оказалось даже, что десятая школа уже укомплектована кадрами, и Анну Григорьевну послали в другую.

— Я вышла из горно, не понимая, как смогу жить без своей школы. Слово второй раз должна была уходить из Витебска...

Но скоро она, конечно, вернулась туда. Была директором, потом, как и прежде, завучем.

Для меня наша школа оставалась, в общем, такой, какой я ее помнила с детства. Разве только коридоры кажутся поуже да стены потемнее. А для Анны Григорьевны она стала изумительной и прекрасной! Ведь она-то видела ее, когда окна были заложены кирпичами с крошечными отверстиями для воздуха, а те, что застеклены, представляли из себя сплошную мозаику из осколков. Помнила, как в каждом классе стояли печки-временки и ребята, приходя часов в шесть утра, пока печи еще топились, при их красном меркнувшем свете готовили уроки. Лампы не оказалось ни одной на все три этажа.

— Что было здесь при немцах? — спросила я.

В кочевом детстве у меня не было определенного дома. Домом стала эта школа, где я проучилась два года подряд, и я содрогнулась при внезапном остром ощущении гнева и боли, когда представила, кто ходил по ее полам и лестницам, чьи плевки остались на стенах.

— Казармы какие-то, — ответила Анна Григорьевна несколько рассеянно. — А из нижнего этажа они устроили конюшню.

— Конюшню?

— Да, девочка.

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО

Не знаю, или мы так добродушны по натуре, или просто забывчивы, но ведь многое уже стало стираться из сердца, словно и не мы это переживали. А разве мы имеем право забывать?

Ах, родина! Горячей кровью
Напоен каждый лист цветка.
И что сравнить с такой любовью?
Она ль к тебе не велика?
И сколько ярких глаз потухло
И сколько выела слеза,
Чтоб были радостны и сухи
Прекрасные твои глаза!

Стихи эти писались за проволокой фашистского концлагеря, а Витебск еще не был освобожден.

...Не знаю, многие ли ученики Анны Григорьевны стали математиками? Я им не стала. Фира Систрина тоже: она юрист Борис Мельдин был офицером, теперь гидростроитель, укрепляет берега Крыма. Павлинов — техник-рентгенолог в Донбассе. Вера Наместникова — врач, живет, как и прежде, в Витебске. Надежда Чечина — доктор наук, профессор Ленинградского университета.

Когда в былые времена Анна Григорьевна отчитывалась перед избирателями как депутат областного Совета, то влюбом зале — на фабрике или в школе — сидели те, кого она учила. Что-то она нам переложила в душу такое, кроме алгебраических формул, что не забывается до сих пор. Вся ее жизнь была перед нашими глазами. В детстве мы еще не очень вдумывались, кто она и что. Нам казалось естественным, что Анна Григорьевна постоянный член и председатель всяческих комиссий, делегат, депутат... Что к ней приходят взрослые, советуются, ищут помощи. Она была нашей учительницей, а следовательно, в нашем понимании — самым полномочным представителем Советской власти! И лишь уже повзрослев, потеряв ее на долгие годы, разметанные войной по дальним дорогам, мы стали понимать, что дело не в том, какие звания она носила, а в том, чем она наполняла свою работу.

После войны она жила в школе со своими сыновьями в двух смежных комнатах. Не таких уж и больших, не таких и удобных. Но когда сыновья на время разбегались, даже и на это короткое время она не сочла себя вправе занимать «лишнюю площадь». Пошла в горсовет, сказала:

— Обменяйте.

— Вы делаете глупость, — предупредили доброжелатели.

Она обиделась, удивилась, вспыхнула, но решения не изменила. Так в 1957 году я ее и застала в единственной комнатке вместе с семьей: женатым Владимиром и двумя его дочками (обе сейчас кончают институты; старшая собирается работать на том же заводе, что и ее родители).

Писатель оставляет после себя книги. Изобретатель и конструктор — машины. Колхозник — засеянные поля. У школьного учителя есть лишь его ученики. Его богатство преходяще и... нетленно! Он вносит в мир еще одну каплю добра.

Бывший ученик написал Анне Григорьевне с фронта чудесное и совсем мальчишеское письмо. Рассказал о споре с другими солдатами: «Чей город лучше?» «Мне удалось доказать, что наш. Во-первых, у нас было много театров. Во-вторых, Двина, которой нет ни у кого. А в-третьих, математику нам преподавали Вы».

же много раз ракеты уносили в небо космические корабли «Союз». Тринадцатый старт внешне не отличался от предшествующих. Для тех, кто провожал ракету, кто следил за ее полетом, кто работал на стартовой площадке и в центре управления, все было привычно. Только из космоса доносились новые голоса. Да, для Петра Климука и Валентина Лебедева это был первый старт... Неправда, что известным путем идти легче! Уже многие космонавты занимали кресла в кабине корабля, чутко прислушивались к каждой команде, звучащей на старте, испытывали тяжесть перегрузок и видели черноту космического пространства. Многие, но не они. Петр Климука и Валентин Лебедев переживали свой первый старт так же, как Юрий Гагарин.

Для них «12 апреля 1961 года» наступило 18 декабря 1973-го... Казалось бы, все известно о невесомости, но полностью почувствовать ее необычную легкость и скрытое коварство можно лишь на орбите. Несколько витков «Союза-13» потребовалось для того, чтобы экипаж приспособился к условиям космического полета. А когда с невесомостью перешли на «ты», Климука и Лебедев приступили к научным исследованиям.

В серии полетов кораблей «Союз» нетрудно проследить определяющую закономерность: научная программа каждого из них дополняет и расширяет предшествующую. При первых стартах основное внимание уделялось совершенствованию технических систем корабля, отработке методик управления и маневров в космическом пространстве. Но постепенно «центр тяжести» перемещался в сторону фундаментальных наук. Сначала расширился диапазон исследований природных ресурсов Земли, а затем и астрономических исследований. При каждом новом полете на борту оказывалась более совершенная и сложная научная оснастка.

«Союз-13» с полным правом можно назвать и «обсерваторией», и «медицинской лабораторией», и «научно-исследовательским институтом земных проблем». Такая комплектность задач потребовала универсальности от космонавтов. Их эрудиция и знания в нескольких отраслях науки — астрономии, геодезии, географии, метеорологии, навигации, биологии и медицине — сыграли немаловажную, если не основную роль при их назначении именно на этот полет. Выбор, как показали уже первые результаты, был сделан правильно. Особенно ярко это проявилось в экспериментах с «Орионом-2».

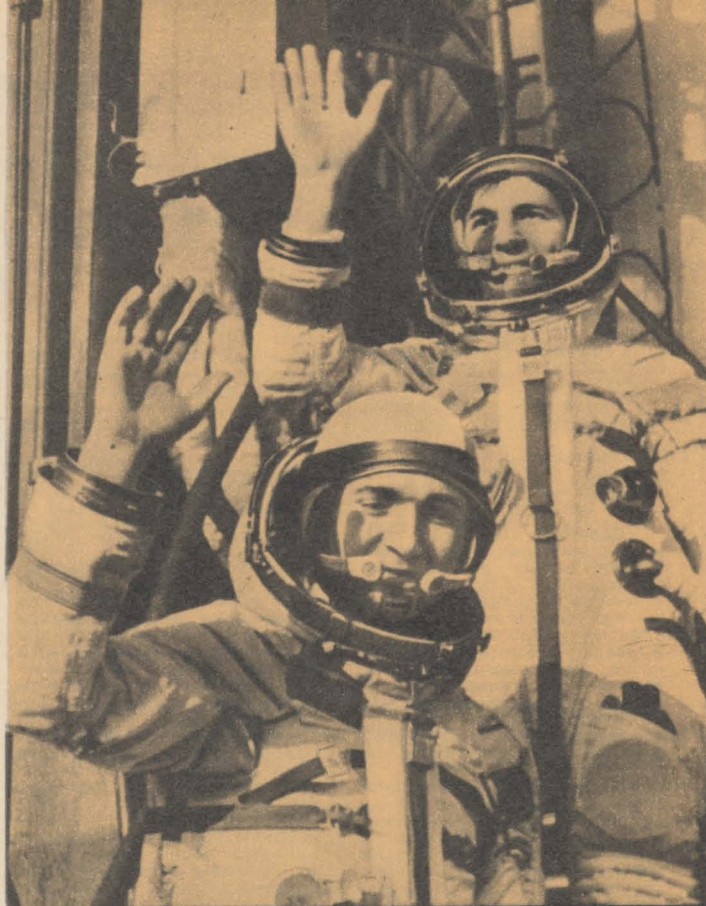
Первый телескоп «Орион» был установлен на станции «Салют». «Орион-2» отличается от своего предшественника не только более сложным устройством, но и диапазоном действий. Он «осматривает» участок звездного неба, а не отдельные звезды. Однако система телескопов «Орион-2» предполагает четкую стабилизацию корабля — он должен лететь в пространстве в строго определенном положении. От командира же требуется незаурядное мастерство, чтобы «прибить» корабль к пространству. Эта задача пала на Петра Климука. А бортинженер Валентин Лебедев работал с «Орионом-2». Спектрограммы, сделанные с борта «Союза-13», значимы именно потому, что наблюдения эти проведены за пределами земной атмосферы. Ведь до земной поверхности «визитные карточки» звезд не доходят — излучения гасятся атмосферой.

Спектры звезд рассказывают о жизни гигантов Вселенной, о составе звездного вещества, о процессах, происходящих в глубинах Галактики. Именно в звездной астрономии, по глубокому убеждению физиков, кроются сегодня наиболее значительные открытия.

На одном витке космонавты наблюдали звезды, на следующем — вели исследования природных ресурсов Земли, а потом переходили к медицинским экспериментам.

«Для народного хозяйства...» Эти слова мы все чаще встречаем в сообщениях ТАСС о ходе полета. За короткой фразой — серия сложнейших экспериментов, необходимых многим отраслям науки. Фотографии, сделанные в космосе, помогут географам уточнить характер эрозионных процессов в том или ином районе страны. Гляциологи смогут подсчитать, сколько влаги придет будущей весной на поля, — ледники в горах видны с орбиты великолепно. Геологи будут внимательно рассматривать снимки, чтобы уточнить геологические карты. А о метеорологах и говорить нечего: точный прогноз погоды невозможен без наблюдений из космоса. К этому кругу ученых, чрезвычайно заинтересованных в космических картах, можно добавить физиков, навигаторов, геодезистов, связистов и, конечно же, биологов и медиков.

Для космической биологии и медицины каждый старт становится своеобразным экзаменом. Исследователи еще раз проверяют свои выводы по предыдущим полетам и строят очередной этаж своего космического здания медицины. Настанет время, и люди уйдут в дальний космос, они нацелят свои корабли на Марс и Юпитер, к Меркурию и Сатурну. Они покинут Землю на долгие годы. И в их кораблях надо создать специальные системы, которые не только дадут людям все необходимое для жизни, но и будут перерабатывать отходы жизнедеятельности. «Землю в

«СОЮЗ-13»: КОСМИЧЕСКИЙ ЭПИЛОГ ГОДА

миниатюре» предстоит создавать биологам и медикам. И хотя это задача далекого будущего, ученые уже сегодня ищут пути к решению сложнейшего уравнения со многими неизвестными.

На борту «Союза-13» находился «Оазис» — специальное устройство, где водородные бактерии осуществляли тот самый круговорот веществ, на котором основана жизнь на Земле. Пока, конечно, «Оазис» мало похож на своего однофамильца — на оазис в пустыне, но ведь все начинается с простого.

В историю космонавтики полет корабля «Союз-13» вошел как очередной рабочий полет. Сенсаций не было, просто два человека, Петр Климука и Валентин Лебедев, работали. Они полностью выполнили программу и вернулись домой. Все прошло четко, по расчету, очередной этап. Наверно, уже готовятся новые старты, которые были невозможны до «Союза-13». А после них будут другие, такие же рабочие... Полеты в космос становятся привычными, и в этом зрелость космонавтики, одной из отраслей нашей науки и техники.

Но для Петра Климука и Валентина Лебедева состоялся первый старт, неповторимый и прекрасный.

Владимир ГУБАРЕВ

Наша информация

Старт хороший

«Давайте работать так, чтобы каждый день добиваться самых высоких показателей — и большего количества изделий и высокого их качества». С этими словами обратилась З. П. Буреева, работница Шатурского мебельного комбината, ко всем своим товарищам, собравшимся на митинг, посвященный обсуждению Обращения ЦК КПСС к партии, и советскому народу.

Шатурские мебельщики горячо откликнулись на призыв Центрального Комитета. Они и сегодня могут гордиться своей работой: их мебель пользуется большим спросом. В числе передовиков комбината — бригада Буреевой. «Лучший рабочий мебельной промышленности», «Рабочий — отличник качества» — таких званий удостоена сама Зинаида Петровна. Она ведет занятия в школе по изучению передовых приемов труда. А ее бригада в прошлом году семь раз становилась победительницей в цеховом соревновании, два года подряд считается лучшей во всей мебельной промыш-

ленности Московской области.

Бригада Буреевой работает в отделочном цехе. От того, как отшлифуют, как отполируют детали Зинаида Петровна и ее подруги, зависит, будут ли красивыми сервант, шкаф или тумбочка под телевизор. Почти всю продукцию бригада Буреевой сдает с первого предъявления. Не было случая, чтобы из сборочного цеха ей возвращали какую-то деталь. Это понятно. Все работницы в бригаде Буреевой имеют высокие разряды, и квалификация их непрерывно растет. На то, чтобы отшлифовать, снажем, дверь серванта, обычно тратят 10 минут, у работниц Буреевой уходит на это всего шесть минут.

Бригада Зинаиды Петровны Буреевой в этом году обязалась сделать сверх плана продукции на 9 тысяч рублей, что почти в четыре раза больше прошлого года. Старт года они взяли хороший: норму выработки выполняют на 140 процентов.

Л. МАКСИМОВА

звание «лауреат премии имени Фаины Шаруновой». Причисляться оно будет лучшим из лучших работников, добившихся самых высоких показателей в труде. С предложением начать такое соревнование выступила шлифовщица цеха ширпотреба Н. Н. Кононова. Ее вызов приняли около трех тысяч рабочих. Итоги подводятся ежемесячно. Победителями стали резчица Н. И. Поводырь, бригадиры пути А. Н. Подлас и Н. И. Никитина, токарь Е. П. Орехова, фрезеровщица В. Жукова. Окончательные итоги будут подведены к 8 Марта. Призы, премии и подарки победительницам вручат во Дворце культуры. Их имена занесут в Книгу трудовых подарков нижнетагильских металлургов.

Н. ПОДЛЕСНОВА,
председатель комиссии по работе среди женщин металлургического комбината имени Ленина.

Фото В. БУТКЕВИЧА.

Кто станет лауреатом?

Этих двух женщин — Ф. Шарунову и Н. Кононову — связывает необычная дружба. Фаину Шарунову (на снимке она сверху) хорошо знают не только в Нижнем Тагиле. Далеко за пределы города перешагнула слава о первой женщине-горновом, проработавшей 18 лет в доменном цехе металлургического комбината. Сейчас на комбинате в честь ветерана производства учреждено

БЕЗ ОТСТАЮЩИХ

Штамповщица Ульяновского автозавода Валентина Бережная обучила своей профессии не один десяток юношей и девушек. Выступив с почином «Ни одного отстающего рядом», она предложила пересмотреть

программу обучения новичков на предприятии. По ее совету ученика сразу ставят к опытному штамповщику на правах напарника. Это заставляет молодого рабочего относиться к делу с большей ответственностью. Лишь спустя некоторое время молодому рабочему предлагают изучить теорию. Она дается ему легко, поскольку с самой работой ученик уже знаком. И в цех возвращается уже не ученик, а рабочий с разрядом, правда, пока низким. Но рядом — старший товарищ, который неуклонно ведет его к вершинам мастерства.

Такое наставничество требует чуткости, терпения. И того и другого у Валентины достаточно. Рита Арбузова, Люба Лебедева с благодарностью вспоминают, как настойчиво и осторожно, щадя самолюбие учениц, передавала им свой опыт Бережная. Теперь они сами опытные мастера своего дела и обучают новичков.

Почин Валентины Бережной широко подхвачен на заводе. Заметно повысилась производительность труда молодых рабочих.

Р. СТРАТИЕВСКАЯ
г. Ульяновск.

ТАК ОНА ШЬЕТ

Когда эта молодая, изящная женщина идет по улице, ей кланяются совсем вроде бы незнакомые люди. Не удивительно! Елену Осиповну Лосинскую, портниху Одинцовского райбыткомбината, депутата Московского областного Совета, хорошо знают и в поселке Большие Вяземы и в окрестных деревнях: сотням людей справили обнови ее умелые, добрые руки. И всем этим людям запомнилась она не только как хороший мастер, запомнилась уважительным отношением, вежливостью, особой женственной мягкостью. Хотя и говорят — у каждого свой вкус, всем не угодишь, — Елена Осиповна придерживается другого правила: сошьешь хорошо, с полной отдачей — самый взыскательный заказчик останется доволен. Так она и шьет — модно, добротно, с учетом возраста, фигуры и даже, если хотите, характера.

Творческое отношение к делу помогло Лосинской досрочно, на много месяцев опередив график, выполнить задания третьего года пяти-

лети. Всю свою пятилетку думает она завершить за три с половиной года. Недавно за ударный труд Е. О. Лосинская награждена почетным значком «Победитель социалистического соревнования 1973 года».

В. ЗАЙЧИКОВ

Фото Г. ИБЕРКЛЕЙДА.

ЛУННАЯ РОДИНКА

Несколько лет тому назад жители маленького киргизского поселка близ города Ош были поражены необы-

чайным событием: к их односельчанке, старой Сабире Шабдановой, приехали гости на трех автобусах! Это были артисты Ошского музыкального театра. Всей группой во главе с самим директором приехали они, чтобы убедить Сабире отпустить дочь Ойтаджи в город, в их театр. Ойтаджи в переводе с киргизского — Лунная Родинка. Так и называют девушку ее русские друзья.

Талантливую участницу самодеятельности профессионалы заметили на областном смотре. Девушка прекрасно пела, и сценические данные у нее были отличные. Ойтаджи пригласили в труппу театра. Но родные не хотели и слышать о том, что их дочь может быть актрисой. Вот друзья из театра и пришли ей на помощь.

Теперь Ойтаджи Шабданова — опытная артистка, гордость театра.

Ни обширный репертуар в театре, ни большая общественная деятельность не помешали Ойтаджи недавно закончить Ташкентский театральный институт.

На снимке вы видите ее в пьесе А. Бабаджанова «Трагедия поэта».

А. ДЛУГАЧ

Фото автора

Экспедиция «Планктон-2»

Дончо Папазов и Юлия Гурковская пересекли в спасательной лодке Черное море в самой широкой его части. Расстояние в 935 миль они прошли за 26 дней. Цель экспедиции — исследовать, может ли планктон (одноклеточные морские микроорганизмы, богатые белковыми веществами) служить пищей для потерпевших кораблекрушение и каковы перспективы использования его в качестве будущей пищи человечества. Смелые исследователи питались в основном планктоном — по 100 граммов в день и небольшим количеством консервированных продуктов. Наблюдалась также психическая и физическая выносливость человека в трудных условиях.

Юлия — пианистка на студии научно-популярных фильмов. Дончо — экономист. Они из г. Софии.

В дневнике путешествия Юлия пишет: «Приятно сознавать, что мы ничего не боимся, потому что сильны духом. Радость, которую мы испытываем, стоит перенесенных тревожений. ...Три дня море штормит. Дует резкий ветер. Нашу горемычную лодочку швыряет как щепку. У меня такое чувство, что она тоже устала. Мачта жалобно скрипит. Поднявшись на гребень волны, лодка на секунду останавливается, чтобы перевести дух, и снова очертя голову бросается в пучину. ...Мы слишком устали, изголодались, ослабели. Нет сил даже забросить сети, которыми мы вылавливаем планктон. ...Дончо будит меня, держа в руках бутылку шампанского. Сегодня мой

день рождения. Двадцать седьмой. Самый лучший из всех. Будут ли у меня еще такие дни рождения? Море серо-голубое. В небе медленно плывут рваные облака. Вокруг такой простор, спокойствие и красота, что у меня начинает першить в горле. Хочется сказать Дончо, что я ему очень-очень благодарна, что у нас будут и другие путешествия, но это, первое, навсегда останется для меня самым лучшим путешествием в жизни. Хочется сказать, что с ним я готова отправиться хоть на край света...»

Теперь Юлия и Дончо — муж и жена.

Фото из журнала «Волгарская женщина».

«Заслуженный мастер»

Такое почетное звание с вручением диплома и нагрудного значка решили присваивать самым лучшим мастерам на ждановском ордена Ленина заводе тяжелого машиностроения имени 50-летия Великого Октября. Недавно завод чествовал первых трех заслуженных мастеров, среди которых была и Евдокия Федоровна Стрелкова.

Евдокия Федоровна — старший мастер. На участках — монтажном и заготовительном, которыми она руководит, одних только сменивших мастеров восемь, а изо-

лировщик без малого 150. Оба ее участка по технико-экономическим показателям почти всегда впереди в социалистическом соревновании.

В. ГАРКУША, инженер

Фото И. ЧЕРКАСОВА

ДОБРО, ЗЛО И ПАНТОМИМА

В прошлом году голубой экран познакомил зрителей с пантомимой «Встреча» в исполнении Наталии и Олега Кирюшковых, лауреатов Международного фестиваля молодежи в Берлине и V Всесоюзного конкурса артистов эстрады в Москве.

Легкая, грациозная, словно живое воплощение Суок из сказки Олеши «Три толстяка», выходит на эстраду юная Наташа Кирюшкова. В ее руках послушно танцует, радуется вместе с нею жизни обыкновенный воздушный шарик. Внезапно появляется хулиган. Уверенный в своей силе и безнаказанности, он отнимает у девочки шарик. И тут... происходит чудо: шарик становится неподвижным и тяжелым, как столбовая гиря. Парень не в силах даже оторвать его от земли. Девочка вначале пугается, а потом проникается сочувствием к своему обескураженному обидчику. Она терпеливо показывает ему, как любовно, бережно нужно обращаться с шариком, и постепенно парень постигает тайну: оканчивается шар не подчиняется злу и насилию, а только доброту.

На глазах у зрителей просто, ясно, образно, как это бывает в сказке, и потому

понятно всем, даже детям, происходят сложнейшие вещи: рождаются чувства, меняются взгляды. Средствами пантомимы, то есть предельно точным жестом, выразительнейшей пластикой, актеры доносят до нас без слов высокие чувства и мысли. Этим и отличается сценка Кирюшковых.

Победа добра над злом — излюбленная тема молодых артистов; в будущем они надеются продолжить и развить эту тему в своем искусстве.

Их режиссер и воспитатель А. И. Бойко, который знает Олега еще по самостоятельным выступлениям в Москве, а Наташу пригласил из Якутии во Всесоюзную творческую мастерскую эстрадного искусства, говорит о них, как об исключительно талантливых и перспективных актерах пантомимы — этого труднейшего жанра.

Наташу и Олега Кирюшковых роднит многое: они оба неистово любят свою профессию, они нашли друг друга как муж и жена, они полны доверия к своему режиссеру. И сейчас вместе учатся в университете марксизма-ленинизма.

М. НАЗАРОВА

Золотые руки — золотая судьба

Еще один предмет

Я учитель, поэтому и говорить буду сначала об уроке. О школьном уроке труда. Хотя каждому ясно: ребенок начинает трудиться куда раньше, задолго до четвертого класса, когда в расписании появляется новый предмет. Он помогал взрослым по дому, обслуживал себя, дежурил в классе. И вот еще один урок — труд.

Четвероклассники — народ любознательный. Первый раз привожу их в мастерскую. Тут же горохом рассыпаются по рядам. Им все покажи, расскажи и дай потрогать, покрутить. Они видят самые настоящие инструменты, станки. Металл, дерево — уже не железки и деревяшки, а материалы.

С этого момента начинается их путь в огромный мир техники, производства, в мир настоящей, взрослой работы, в котором им предстоит жить после школы. Ступенька за ступенькой. В пятом-шестом классах ребята работают с листовым железом и проволокой. Семиклассники изучают токарно-винтовой станок, проходят техническую обработку стали, знакомятся с работой механического цеха. Восьмиклассники трудятся на металлорежущих станках, изучают двигатель внутреннего сгорания, знакомятся с работой сборочного цеха. Старшеклассники нашей школы проходят практику в учебно-производственном центре. Там они получают уже самые настоящие специальности: столяр, токарь, программист, чертежник, радиомонтажник, слесарь. По избранной профессии выпускник сдает экзамен. Ему присваивают разряд, и теперь он рабочий человек, которого с радостью встретят на фабрике, на заводе. С радостью и, добавлю, с уважением: ведь пришел не новичок, которого всему нужно обучать, а человек, успевший и выбрать дело и знающий в нем толк.

К сожалению, таких учебно-производственных центров, где старшеклассники могут проходить практику, пока мало.

В жизни растущего человека многое зависит от первых уроков труда.

Худо, если сразу же не сможешь ребят заинтересовать, если не почувствуют они радость: «Я сумел... я сделал сам».

Школьной программой по труду рекомендуется отводить на теорию не больше од-

ной четверти урочного времени. Стараюсь детскую энергию сразу воплотить в действие, объясняя все по ходу работы. После уроков истории, математики для ребят трудиться — одно удовольствие.

И все-таки... С первых часов видишь, что работают ребята по-разному. Одни за что берутся, доводят до конца. Другие бросают поделку незаконченной, обрабатывают детали небрежно. Третьи вообще стараются увильнуть от задания...

Тут бы учителю и навести порядок, тут бы и показать, что труд — это очень серьезно. Но...

Мешают иной раз родители. Не так редко слышишь от них (а подчас это говорится при детях): «Подумаешь, баловался на уроке труда. Подумаешь, не успевает по труду. Тоже нашли предмет — не русский же, не математика».

Кстати, мне совсем не нужно бывать в доме своего ученика, чтобы узнать, в почете ли в семье труд, приучают здесь ребенка к труду или нет. Потому что трудолюбие, как всякая черта характера, проявляется всегда и во всем.

Как продували макароны

Каждое лето я со своими воспитанниками отправляюсь в туристские походы. Вот где выступают все белые пятна домашнего воспитания. Обидно видеть, когда у подвижных, бодрых, здоровых ребят не воспитано даже такой естественной потребности — мгновенно помочь, мгновенно подключиться, мгновенно сделать необходимое.

В походе такие ребята первое время ленились мыть посуду и даже умываться. Ясно, что дома за ними ухаживают, предупреждая каждый их шаг. Дело доходит до смешного.

— Андрей, — спрашиваю я, — положить тебе масло в картошку?

— Не надо, придется мыть жирную миску.

— Алеша, почему ты ешь кашу из кружки, принеси миску.

— Она в рюкзаке, доставать не хочется. Печально, но факт. Первое время даже некоторые дежурные оставляли посуду грязной. Действовал я круто. Бросал засохшие кастрюли и тарелки в речку, у берега — пусть «отмокут». Наступал час завтрака,

обеда или ужина — посуды нет. Вот тогда мальчишки и лезли в воду. Невымывтой посуды становилось все меньше и меньше, а потом ее и вовсе не оказалось.

Как-то провел я анкету среди мальчиков 4—8-х классов. Среди вопросов был и такой: «Как ты помогаешь своим родителям?»

Вот такая выяснилась картина: 30 процентов ребят ходят в магазин за продуктами, 10 процентов — моют посуду и убирают ее со стола, 12 процентов — работают с пылесосом. Остальные никак не помогают родителям. Не было таких, кто варит обед или моет пол. И что самое удивительное: чем старше паренек, тем меньше он помогает родителям. Многие скажут: это и понятно, у старшеклассников больше уроков. Правильно. Но ведь давно доказано, что лучший отдых — смена занятий. Отдыхать — это не значит сидеть сложа руки. Поработал головой — поработай руками.

В труде ребенок взрослеет. Как найти меру трудности, как определить ее для того или иного возраста? Есть один естественный путь — постепенно расширять круг обязанностей детей по дому, расширяя и круг их навыков. Навыков простых, но необходимых. Мы слишком терпимо относимся к бытовой неумелости. А подчас даже любим ее: «Мой сын — неумеха, все читает, все читает». Такое говорится подчас почти с гордостью. Да, возможно, сын вырастет умным, образованным человеком. Но, что подделаешь, бытовые умения и неумения наши отражаются на человеческих отношениях, значит, на счастье, на судьбе. Ведь так часто причиной конфликтов в молодых семьях является элементарное неумение обслужить себя, вести дом. Так не будем идеализировать милых неумех, лучше покажем, как беспомощен, смешон и даже эгоистичен человек, не желающий научиться самому обычному и необходимому.

Приведу один смешной и печальный пример из походной жизни. Решили дежурные сварить макароны, а мне захотелось проверить их кулинарные познания. Говорю: «Ребята, а макароны-то нужно продувать, вдвур внутри запилились?» (старая флотская шутка). Привыкли ребята за работу и с таким усердием начали продувать каждую макаронину, что я, глядя на них, давился смехом. Заснял я этот эпизод, а потом объяснил ребятам, что пошутил, думал, что меня немедленно разоблачат, но этого не случилось.

Какой же отдых без... труда?

Фото автора.

Очевидно, дома никогда им не приходилось варить макароны.

Придумай, сделай

В любой, самой простой работе нужны и умелые руки и смекалистая голова. Важно научить ребенка отыскивать творческое зерно во всяком деле.

И здесь я хотел бы сказать несколько похвальных слов о моделировании, потому что именно оно прекрасно сочетает физический труд с творчеством, с полетом фантазии, с четкостью и точностью мыслительных решений. Что такое модель? Модель — это десятки всевозможных операций. Ребятам приходится работать паяльником, на станке. Они увлекаются работой, нередко несут модель и домой — разве от нее оторвешься? Карманы полны гаек, гвоздей. Обеденный стол облит клеем. Пол грязен. Вам жалко блестящего квартирного порядка? Потерпите. Еще лучше, если вы найдете в квартире место, где мальчишка может мастерить, не мешая другим.

Ребенок занимается в одном из кружков станции юных техников. Получил двойку в школе. Не спешите наложить вето на его увлечение. Не преувеличиваю: часто бывает так, что именно это увлечение определит судьбу вашего сына.

Уроки жизни

Ничего не разочаровывает ребенка так, как труд бесполезный, незавершенный, не вылившийся в нужное людям дело. Куча макулатуры, собранная вчера, а сегодня мокнувшая под дождем... Груда металлолома, за которой годами не приезжают грузовики «Вторчермета»... Мы, взрослые, подчас и не замечаем, что все это, увы, сводит на нет наши слова о пользе и необходимости труда.

Поэтому важно, чтобы и урок труда был связан с настоящей жизнью, чтобы, работая, ученик знал: это нужно, необходимо.

Стараюсь, чтобы в школьной мастерской ребята, проходя программу, делали то, что потом увидят в деле, — металлические уголки для окон и крепления парт, рамки, ванночки для химических учебных кабинетов. Не говорю уже о старшеклассниках — в учебно-производственном центре они произ-

водят настоящую заводскую продукцию, выполняют план. Десятиклассники даже получают заработную плату. Но есть еще и другая возможность наглядно показать ученику, что школьные уроки труда — это уроки жизни.

Не так редко встречаются мужчины, которые не могут дома забить гвоздь, острогой рейку, просверлить отверстие в стене, чтобы повесить зеркало, картину или шторы. В домашнем обиходе есть теперь разнообразные электроприборы и сложных и простых конструкций. Мужчины, например, каждый день бреются электробритвой. Но стоит бритве «замолчать», как ее несут в мастерскую, хотя ей требуется совсем небольшой ремонт: нужны лишь электропаяльник, плоскогубцы, изоляционная лента и... умение. Некоторые хозяйки и хозяева не умеют заменить перегоревшую спираль электроутюга или шнур к настольной лампе. Если посмотреть, кто же обращается по пустякам в ателье по ремонту бытовой техники, то окажется, что это в основном люди молодые, вчерашние выпускники школ.

Ремонт бытовых электроприборов предусматривается школьной программой. Но далеко не в каждой школьной мастерской есть наглядные пособия — допустим, те же электробритвы, на которых ребята учились бы чинить их. Нет и хороших плакатов по устройству несложных бытовых электроприборов — не выпускаются. А они необходимы.

Кто во что горазд

Нет того, нет другого, нет третьего... Самодельность — дело хорошее, но все-таки надо предъявлять требования организациям, призванным заниматься оборудованием школьных мастерских.

Подчас трудно научить ребят столярничать, слесарничать, токарничать в обычных школьных мастерских потому, что мастерские эти похожи на уголки музеев техники — старые, разболтанные станки, списанные заводами за негодностью. Трудно винить в этом педагогический коллектив: централизованного равномерного снабжения школ материалами, инструментом, станками нет.

Нельзя сказать, что мы не чувствовали попыток наладить снабжение, но пока, это всего лишь попытки. Так, в нашей мастерской два токарных станка. Один, как гово-

рят ребята, настоящий — его дали шефы. Другой («единое типовое оборудование») получен через Учколлектор. Изготовлен он на Ростовском заводе № 1 учебного оборудования Министерства просвещения РСФСР. Но станок давно морально устарел, и сделан он небрежно.

Школы плохо снабжаются материалами, металлами, фанерой, выбираем их из заводских отходов, из металлолома.

Я сказал немало добрых слов о моделировании. Моделирование предусмотрено школьной программой по труду, в самом начальном, простом своем виде. Но ребята постарше, из 6—8-х классов, любят мастерить сложные действующие модели, а не игрушки. Такие модели можно использовать как наглядные пособия на различных уроках. Ребятам нравится, когда их модели едут, плавают, летают, находят практическое применение.

Для модели нужно иметь материалы, крепеж, а если модель к тому же и действующая, то и электромоторчики различной мощности. Наша промышленность выпускает электромоторчики, но очень малой мощности и низкого качества, а крепеж вообще очень трудно достать, в магазинах его почти не бывает. Школьную индустрию пора бы наконец развить в таких масштабах, чтобы снабдить школьников всем необходимым, начиная от винта и гайки и кончая нужными электромоторами.

Во многом трудовая жизнь школы зависит от шефов. Хорошие шефы — считай, и мастерская отлично оборудована. А нам помогают шефы от случая к случаю. Думается, здесь не должно быть случайностей. Шефство над школами — проблема городского масштаба и требует продуманного руководства.

В трудовом воспитании нет мелочей. Труд, в котором человек достигает совершенства, утверждает себя как личность, — могучий источник самовоспитания. Чувствуя себя творцом, человек стремится быть лучше, чем он есть. Трудно переоценить значение того, что уже в годы детства, на пороге отрочества человек осознает свои творческие силы и способности. В этом осознании самая сущность формирования личности.

Н. ЩЕРБАКОВ,
учитель труда московской школы № 717

Б

иография почти любой книги удивительно интересна, богата неожиданными приключениями. Не случайно несколько лет назад в издательстве «Книга» родилась серия «Судьбы книг».

Огромным событием для молодежи 20-х годов было появление брошюры В. И. Ленина «Задачи Союзов молодежи», распахнувшей перед «юношей, обдумывающим житье», новые горизонты. Напечатанная 200-тысячным тиражом, она разошлась в один день. О популярности брошюры В. И. Ленина увлекательно рассказывает книжка В. Горбунова «К грядущей культуре».

«Книга, которая обошла весь мир» — назвала свой рассказ о романе Николая Островского «Как закалялась сталь» Анна Караваева. Писательница вспоминает здесь о своих встречах с Островским, о том, как он работал и как горячо откликнулся на его книгу в самых разных уголках мира. В музее Островского хранятся экземпляры первого издания «Как закалялась сталь» — пожелтевшие, обгоревшие, простреленные пулями: многие бойцы брали их с собой в атаку... В Греции фашисты, едва захватив власть, сразу занесли роман в черный список. Молодой вьетнамский офицер, раненный на войне и ставший инвалидом, учился мужеству у Павки Корчагина. Этот прикованный к постели вьетнамский Корчагин изучил русский и начал переводить на свой родной язык Константина Симонова и Александра Бека...

Роман Островского прочел в английском переводе едва научившийся грамоте негритянский паренек, избитый до полусмерти полицией во время бунта на строительстве дороги в джунглях. Теперь мальчик из далекой Африки вырос и стал одним из

СУДЬБЫ КНИГ

боевых профсоюзных вожakov. Приехав делегатом на Всемирный конгресс профсоюзов, он зарегистрировался под именем Павки Корчагина.

Так порой книги определяют судьбы людей, воспитывают новых героев.

...Слышали вы что-нибудь о рождении «Конька-Горбунка»? Эту замечательную сказку сочинил неопытный юноша, студент, приехавший в Петербург из далекого Тобольска. За всю свою долгую последующую жизнь Ершов не смог сочинить ничего равного этой сказке, без которой вот уже много лет не вырастет ни один ребенок. Об этом и о многом другом узнает читатель, если возьмет в руки книгу В. Уткова «Дороги Конька-Горбунка».

А почему превратились в книжку для детей «Путешествия Гулливера» Свифта, написанные для взрослых? И, наоборот, почему приключения Алисы в стране чудес, придуманные для одной маленькой девочки, все больше и больше восхищают взрослых читателей?

Судьбы книги Свифта прослеживает В. Муравьев в своем «Путешествии с Гулливером». А в книжке «Как возникла страна чудес» Д. Урнов рассказывает о том, как маленькая Алиса, сочиненная Льюисом Кэрролом, оксфордским деканом, математиком, покорила весь мир.

В серии «Судьбы книг» издаются и обзорные работы, посвященные целой группе книг, объединенных общей темой.

«Книги, пронизывающие века» — так называется сборник популярных очерков А. Глухова о великих произведениях научной мысли — математических «Началах» Евклида, одной из первых медицинских книг — «Каноне» Ибн-Сины (Авиценны), о записках великого путешественника Марко Поло, которые взял в свое историческое плавание Колумб. В сборник вошли также очерки, посвященные трагической истории трудов Коперника и Галилея, рассказывающие о Дарвине, Фарадее, Ньютоне. Узнаете вы из этой книжки и о подвиге мужества, воли и настойчивости, который стоит за произведениями наших замечательных соотечественников — Лобачевского, Миклухи-Маклая, Циолковского...

Своеобразный ключ к пониманию многих знаменитых произведений дает книга В. Свирского «Откуда вы, герои книг?». Автор показывает, из какого сплава жизненных материалов и наблюдений рождается порой литературный герой, как реальный факт — «неотделанный бриллиант» — превращается в руках писателя в незабываемый образ, какое влияние на рождение литературного произведения оказывает биография писателя. Особенно увлекательны главы о «прообразах-невидимках» и лже-прототипах и о героях книг, которые нередко «уходят» из книги в жизнь, рождая последователей и подражателей.

Н. АГАНИНА

ПАМЯТЬ

НАРОДНАЯ

И художница рассказала, как возник и созрел замысел ее новой картины.

...Есть на Киевщине село Щучинка. Оно расположено на правом берегу Днепра. Сюда почти ежегодно приезжала маленькая Таня со своими родителями, тоже художниками. На всю жизнь запомнились ей эти края в первое послевоенное лето. Днепровские просторы, крутые прибрежные холмы, поросшие цветущими травами и кустарником. Но больше всего поразили девочку уходящие к вершинам холмов тропинки необыкновенного кроваво-красного цвета.

Отец наклонился и набрал в горсть земли. Она была тяжелой, перемешанная со ржавыми железными осколками, следами недавней войны. Поэтому тропинки и казались кроваво-красными. Отец рассказал дочке о тяжелых, кровопролитных сражениях, которые шли тут за освобождение Киева. А позже на одном из прибрежных холмов увидела Таня братскую могилу. Сюда были перенесены останки погибших советских воинов. Со временем над могилой поставили обелиск, увенчанный пятиконечной звездой.

Приезжая каждую весну в Щучинку с родителями, а потом и со студентами на эскизы, Татьяна Николаевна из года в год наблюдала одну и ту же картину. В День Победы после торжественного митинга люди поодиночке или небольшими группами подымались к братской могиле. Шли старушки с узелками в руках. Шли пожилые фронтовики. Шла молодежь. Нередко среди них встречались и приезжие, близкие которых пали смертью храбрых при форсировании Днепра. Поднявшись на холм, они украшали обелиск расшитыми украинскими рушниками, а к его подножию возлагали цветы, пышные пшеничные хлебы. Ни речей. Ни громких слов. Почти полное молчание. Потом на такие же расшитые и разостланные на земле рушники выставлялось принесенное угощение,

На Всесоюзной выставке 1973 года «На страже Родины» внимание посетителей привлекло полотно заслуженного деятеля искусств Украины художницы Татьяны Голембиевской «Бессмертие». Многие останавливались перед ним, склонив головы, как стоят перед Вечным огнем. Картина удостоена медали имени М. Б. Грекова.

Картина была неожиданной для тех, кто знал прежние работы Татьяны Голембиевской, полные радостного ощущения жизни.

Первая встреча наших читателей с Татьяной Голембиевской состоялась в феврале 1961 года. Тогда на страницах «Работницы» была опубликована ее картина «Подруги». Певуча, как украинская песня, была эта ее работа, написанная еще во время учебы в Киевском художественном институте. На солнечной поляне две девушки. Видно, они говорили о чем-то, волнующем обеих. И вдруг умолкли, задумавшись каждая о своем. Светлой лирической мелодией прозвучала эта пауза.

Поэзией счастливого творчества пронизана картина «Украинские куманцы» (1960 г.), полюбившаяся посетителям Парижской выставки молодых художников. С нескрываемым восторгом любуются девчата-мастерицы керамикой, видимо, только что принесенной из обжига. Им вроде бы и самим не верится, что красота эта создана их собственными руками.

Празднично звучат краски в картине «Урожай» (1967 г.). Пышный сноп золотой пшеницы на руках у девушек. Слово нимбы, выкованные из драгоценного металла, — венки из колосов над их головами. Золотится на подносе пшеничный каравай из муки нового урожая. Хлеб — величайшая награда для земледельца и богатство народное. Эта картина была тоже воспроизведена в нашем журнале.

И после этих сверкающих радостью полотен — «Бессмертие», посвященное памяти советских воинов, павших при освобождении Киева. Почему художница обратилась к этой теме?

— Мне кажется, что, написав «Бессмертие», я не изменила ни своим художническим пристрастиям, ни своей творческой манере, — убежденно говорит Татьяна Николаевна. — Величие народного подвига прекрасно, как прекрасна и светлая память о нем. Только эту красоту средствами живописи передать труднее, чем красоту окружающей нас природы, человеческих лиц и вещей.

и люди чинно приступали к поминальной трапезе.

Народная тризна на могиле воинов-освободителей и стала сюжетом картины «Бессмертие». Художнице удалось передать общее душевное состояние собравшихся у братской могилы. Головы, склоненные в скорбном молчании. Опущенные узловатые, натруженные руки. Каждый в эту минуту наедине со своей памятью, наедине со своей печалью. И что ни фигура, то особый характер, своя, неповторимая судьба.

Т. ГОЛЕМБИЕВСКАЯ. БЕССМЕРТИЕ.

Всесоюзная художественная выставка «На страже Родины».

Сыновья пожилой женщины с изрезанным морщинами лицом, возможно, погибли здесь, на Днепре, а возможно, где-то далеко на чужой стороне. Но ради них пришла она сюда, на могилу. Точно под тяжестью воспоминаний ссутулил плечи бывалый воин с фронтовыми наградами на гимнастерке. Трагична фигура слепца с вытоко поднятой головой и посохом в руках. Присмотришься к нему — и невольно вспомнишь изощренные зверства фашистских оккупантов. Вот стоят

мать и сын, не успевшие еще присоединиться к общей трапезе. Не из ближних краев, видно, привела мать на могилу отца сына-солдата...

А над этой скорбной людской группой, над обелиском, увенчанным пятиконечной звездой, — радостная весенняя зелень. Широкие днепровские дали, залитые теплым, ласковым солнцем, и приветливое, чистое небо, под которым и печаль людская становится светлой.

Картина Татьяны Голембиев-

ской подымает событие вполне конкретное до поэзии больших обобщений, пробуждая высокие чувства и раздумья о подвиге народном. «Бессмертие» — не первая, но, пожалуй, наиболее впечатляющая удача талантливой художницы. И, судя по увлеченности, с которой она работает, конечно, не последняя...

Когда разговор заходит о творческих замыслах, Татьяна Николаевна задумывается.

— Замыслы, если о них со-общать в печати, — говорит она, — становятся чем-то вроде

обязательных тематических планов. И не выполнять их будет грешно и стыдно. А они меняются. Да и рождаются в сомнениях и муках, если только художник, как и поэт, считает себя «должником вселенной». Нет, я не заховаюсь на все-ленские темы. Я просто считаю себя в неоплатном долгу перед нашей Советской Родиной, перед ее народом, трудолюбивым, талантливым и душевно ще-дым.

В. ХАРЧЕВ

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА. Работа неизвестного художника.

ПРЕЗИДЕНТ ДВУХ АКАДЕМИЙ

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, дочь придворного сановника елизаветинских времен графа Воронцова, была натурой сколь незаурядной, одаренной, наделенной недюжинным умом, столь и противоречивой. И в поведении и во взглядах. Она знала четыре языка и была знакома с сочинениями великих французских просветителей: Вольтера, Гельвеция, Монтескье, Буало. Вероятно, в формировании либеральных взглядов Дашковой немалую роль сыграли ее братья: Александр Романович Воронцов — друг, а быть может, и тайный единомышленник Радищева и Семен Романович, просвещенный дипломат.

Впрочем, либеральные настроения княгини были весьма умеренны. Крепостничество ее не возмущало. Своеобразно воспринимала она и революционные идеи французских просветителей, о чем свидетельствуют ее переводы из книги Гельвеция «Об уме», из которой Дашкова выходила всю ее политическую сущность.

Любовь к чтению, а также первые робкие литературные опыты сблизили юную княгиню, часто бывавшую при дворе, с будущей императрицей Екатериной II, в те времена еще кокетничавшей либеральными взглядами. Романтичная, крайне тщеславная и склонная к интригам Дашкова очутилась в центре политического заговора, в результате которого в июне 1762 года Екатерина II взошла на русский престол.

Но тут началось охлаждение между Дашковой и ее царственной подругой. Дашкова отрицательно относилась к убийству Петра III, а также к бесчисленным фаворитам новой императрицы. А Екатерина II, в свою очередь, не хотела держать при себе женщину юную, блистательную, умную, к тому же дерзкую на язык. Обиженная княгиня большую часть времени проводит за границей. В чужих краях, где все в ту пору дышало воздухом французской революции, Дашкова знакомится с науками и искусством Франции, Италии,

Англии. Встречается с великими писателями и учеными. Вольтер, Дидро, Адам Смит дарят ей свое время.

Правда, и тут освободительные идеи просвещения своеобразно уживаются в ней с крепостнической идеологией. В разговорах с Дидро по крестьянскому вопросу (воспроизведенных в «Записках княгини Дашковой») она пыталась убедить философа в пользе крепостного права.

Тем не менее к моменту возвращения на родину — 1782 году — научные и литературные познания Дашковой были настолько обширны, что личность ее ярко выделялась среди деятелей русской культуры и просвещения того времени.

В 1783 году произошло событие, для той эпохи поразительное: Екатерина II высочайшим указом назначает княгиню Екатерину Романовну Дашкову президентом (директором) Петербургской Академии наук.

Надо сказать, что к тому времени академия, руководимая реакционером Домашневым, против которого были настроены все виднейшие ученые, пришла в полный упадок. Деятельность Дашковой, ставшей президентом, была плодотворной и, по свидетельствам современников, необычайно разносторонней. Она много сделала для того, чтобы науки не составляли монополию академии, но «присвоены будучи всему отечеству, и, вкоренившись, процветали бы».

За годы управления академией Дашкова значительно улучшила ее финансовые дела, способствовала изданию многих ценных научных трудов, а также составлению географического атласа. Талантливых ученых она охотно посылала за границу для завершения образования. Важнейшая ее заслуга состояла в возобновлении общедоступных курсов по различным отраслям знаний. Популярность этих курсов, на которых лекции читали лучшие профессора того времени, была так велика, что зачастую зал не вмещал всех желающих.

В 1783 году Дашкова стала и

президентом Российской академии. В отличие от Петербургской здесь важное место занимают гуманитарные науки. Среди членов Российской академии виднейшие писатели той поры — Державин, Фонвизин, Княжнин, Капнист. Организаторский талант и неумная энергия президента восхищают современников. Трудно перечислить названия всех изданий, научных трудов, рефератов, выпущенных в те времена академией. Дашковой принадлежит выдающаяся роль также в создании знаменитого шеститомного «Российского этимологического словаря» — гордости и славы академии.

В выпускаемых русской академией и редактируемых самой Дашковой журналах «Собеседник любителей Российского слова», «Новые ежемесячные сочинения» сотрудничали Державин, Фонвизин, Херасков, Хемницер...

К 90-м годам атмосфера в России становится все более гнетущей. Екатерина II напугана французской революцией, она совсем уже не та, какой была в дни переписки с Вольтером, в письмах к которому разглаживала о свободе и вреде цензуры.

В книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» ныне ей слышится грозный «набат революции».

И вот Радищев сослан, ушел в отставку его друг Воронцов, брат Дашковой. Екатерина, казалось, только ждет повода, чтобы расправиться и с ней самой. Разумеется, аристократка Дашкова не сочувствовала идеям французской революции, но, по словам Герцена, она еще менее «могла разделять лихорадочную боязнь слова, рукоплескать наказаниям мысли».

Повод отстранить Дашкову вскоре представился. В 1793 году в основанном по инициативе Дашковой периодическом издании «Российский театр» (театр) была напечатана трагедия Княжнина «Вадим Новгородский». Республиканские идеи пьесы вызвали гнев императрицы. Трагедия была сож-

жена, а Дашкова получила «отпуск» на два года, после которого ей не суждено было вернуться в академию. Наследник Екатерины, Павел I, который не простил Дашковой участия в заговоре против отца, Петра III, отстранил ее от всех должностей, запретив выезжать из деревни. Опала была снята только в 1801 году, после смерти Павла. Российская академия постановила просить Дашкову «как виновницу ее существования, показавшую примерное усердие к российскому слову и ревностное попечение о благосостоянии Академии, снова встать во главе ее».

Но 58-летняя Дашкова просьбу отклонила, предпочитая заниматься только литературой и активно сотрудничать в журнале «Друг просвещения».

Литературой Дашкова увлекалась с юных лет. Первое ее произведение — перевод «Опыта об эпической поэзии» Вольтера — было напечатано в 1763 году в журнале «Невинное упражнение». С тех пор она регулярно публиковала в различных изданиях свои статьи, пьесы и другие произведения. Самое значительное из ее творений — «Записки княгини Дашковой», написано в 1805 году на французском языке и переведено на русский в 1859 году А. И. Герценом.

«Из моего рассказа будет видно, — писала в своих записках Дашкова, — как опасно плыть на одном корабле с великими мира сего и как придворная атмосфера души развитие самых энергических натур».

Недюжинный ум, образованность, неистощимая энергия и одаренность — именно эти качества Дашковой имел в виду великий Герцен, когда воскликнул: «Какая женщина! Какое сильное и богатое существование!»

Портрет Екатерины Дашковой, который мы воспроизводим, принадлежит кисти неизвестного художника. Он висит в конференц-зале Президиума Академии наук СССР.

Мария ГЕНИНА

„Обиженная“

Работница завода торгового машиностроения из Йошкар-Олы Н. М. Бабина пишет нам не в первый раз. По просьбе редакции областной совет профсоюзов разбирается в жалобах работницы. Установил виновных, вернее сказать, виновную, ибо выяснилось, что во всех своих злоключениях Н. М. Бабина виновата сама.

Свежее письмо со знакомой подписью опять взывает о помощи:

«Меня на заводе съели, потому что я простая работница, а не начальствующий состав.

Однажды мы с мужем возвращались домой из гостей. К нам пристал какой-то мужчина. Муж стал урезонивать наглеца — и тут нас забрали в милицию. Этим происшествием воспользовался мастер цеха. Своим же личным счетам, он сказал на заводе, что меня в милицию доставили в нетрезвом виде. Я же пьяной не была. Состоялся товарищеский суд. Меня лишили 13-й зарплаты и отпуск дали не летом, а зимой. Возмущенная, я написала в областной совет профсоюзов. Но никто меня не пожалел, не заступился.

Руководителям, конечно, не нравится, что я жалуюсь на них, и расплата не заставила себя долго ждать. Мне подстроили прогул. Состоялось собрание цеха, где выступало одно начальство, рабочим же и рта раскрыть не дали. Меня уволили. На днях я обратилась с жалобой в суд. Но и суд пошел на поводу у завода: мой иск о восстановлении на работе не удовлетворил. Где же справедливость?»

По этому письму я выехала в Йошкар-Олу. В милиции познакомилась с объяснительной запиской участкового инспектора тов. Кистеня. В ней он пишет, что, обнаружив безобразно пьяных супругов Бабиных в кустах придорожной канавы, он задержал их и отправил в медвытрезвитель.

— Вы знаете об этом документе? — спросила я Н. М. Бабину.

Глаза ее вспыхнули гневом:

— Все это ложь. Кистень оклеветал меня и должен понести наказание за самоуправство. Я уже написала на него две жалобы в МВД Марийской АССР. — И она показала мне копии жалоб.

Жалобы не остались без ответа. По поручению заместителя министра МВД Марийской АССР С. Т. Смирнова их обстоятельно расследовали. Передо мной акты № 7941 и 7942, подписанные сотрудниками медвытрезвителя. В них говорится, что Надежда Михайловна Бабина была доставлена в тяжелую стадию опьянения, а ее муж Федор Алексеевич Бабин — в средней стадии опьянения. Знает ли Надежда Михайловна об этих документах? Да, знает. Более того, на следующее утро после происшествия она собственноручно написала расписку, что никаких претензий к медвытрезвителю не имеет.

Я отрываюсь от бумаг, и мои глаза встречаются с глазами Надежды Михайловны. Признаюсь, я смущена и озадачена. Взгляд Бабиной по-прежнему ясен. Желание «искать справедливости» у нее отнюдь не пропало. Ну что же, пойдем и мы дальше.

Мастер цеха, после того как ему сообщили из милиции о неблагоприятном поведении Бабиной, действительно довел — да и имел ли право не довести? — этот факт до све-

дения рабочих цеха. Состоялся товарищеский суд. Цех лакокрасочных покрытий одним из первых на заводе получил звание цеха коммунистического труда. Рабочие дорожат этим званием. Они резко критиковали Бабину за то, что она опорочила честь коллектива. Как видно из протокола, на товарищеском суде Надежда Михайловна держалась вызывающе: свою вину категорически отрицала, обвиняла в клевете и работников милиции и мастера. Ей не поверили. Ее наказали.

После этого, как утверждает Бабина, ей «подстроили прогул». Что же произошло?

Однажды, выпив стакан пива (поверим, что это было именно пиво), она пришла на работу под хмельком. В цехе тепло, Надежду Михайловну разморозило, и она заснула на рабочем месте. Когда Бабину разбудили, она стала утверждать, что трезва как стеклышко, и отправилась искать правду у врачей. Но то ли Бабина не нашла врача, то ли врачи не нашли ее трезвой, — теперь установить трудно, на работу Надежда Михайловна не вернулась. На следующий день Бабина, опять-таки собственноручно, написала объяснительную записку, в которой признавала, что накануне пришла на работу подвыпивши.

Состоялось общее собрание цеха, на котором присутствовали 117 человек. Я знакоюсь с протоколом собрания и снова убеждаюсь: утверждение Бабиной, что «рабочим и рта раскрыть не дали», истине не соответствует. Привожу выдержки из выступлений только некоторых из них.

Малькова (рабочая): «Бабина здесь лжет, всех обвиняет, а свою вину видеть не хочет. Таким не место в нашем цехе».

Садовина (рабочая): «От нее в бригаде прямо житья нет. Каждый день с кем-нибудь ругается, сводит счеты. Нельзя с Бабиной работать: из-за нее в бригаде одна склока».

Анучина (рабочая): «Послушать Надежду, так получается, что все кругом плохое, одна она хорошая. Наш цех носит звание цеха коммунистического труда, пьяницам и прогульщикам мы потакать не будем!»

Собрание постановило: ходатайствовать перед цехкомом и завкомом об увольнении Бабиной с работы.

Народный суд, куда обратилась Бабина, заседал дважды. В первый раз он был отложен по просьбе прокурора — не хватало свидетелей. На следующее заседание свидетели пришли и выступили не в пользу Бабиной. Ее на работе не восстановили.

Так шаг за шагом разбиралась я в жалобе Бабиной. А разобравшись, спросила ее: «Скажите откровенно, зачем вы клеветаете на людей?» В ответ Надежда Михайловна только презрительно усмехнулась. Потом сказала, медленно растягивая слова: «Та-а-к, я не ошиблась: нет справедливости. Напрасно я у вас ее искала. Ну что ж, попробуем в другом месте». И ушла.

Ушла, чтобы снова заставлять людей разных организаций заниматься ненужным разбирательством; снова уверять кого-то, что черное — это белое, чтобы сеять недоверие, оправдываться, лгать...

К сожалению, Бабина не одинока. В редакционной почте встречаются письма и других людей, которые «ищут справедливости», будучи кругом виноваты сами. Передо мной пухлая стопка жалоб, — их автор

тов. Залярнюк из г. Вахрушево. Залярнюк снял с должности заведующей магазином за нарушение правил советской торговли и злоупотребление служебным положением. Но она негодует: ей, видите ли, теперь вместо того, чтобы руководить другими, приходится работать простой мойщицей посуды.

Седьмой год (!) Залярнюк пишет жалобы во все инстанции. И кого она только не обличает в невнимании, кого только не критикует!

Все знают, что в нашей стране жалоба трудящегося человека, куда бы он с ней ни обратился, будет тщательно рассмотрена. В этом один из принципов нашей советской демократии. У каждого из нас есть к кому прийти, попросить помощи, совета или поддержки. Но такие, как Бабина, пользуясь гуманностью нашего общества, уверенные в собственной безнаказанности, отнимают время у работников различных инстанций, расхищают государственные средства, которые идут на бесконечные расследования их необоснованных жалоб.

Люди, подобные Бабиной, приносят нашему обществу и моральный урон. И это самое страшное. Из всех сил старалась Надежда Михайловна опорочить, поставить под удар тех, кто честно и добросовестно исполнял свои служебные обязанности, — сотрудников милиции, мастера цеха, работников суда: А как подчас нелегко бывает честным людям, на которых бросили тень клеветники типа Бабиной, доказать свою правоту, сколько на это уходит здоровья, нервов, времени! Здесь нелишне напомнить Бабиной и другим, что клевета является уголовно наказуемым делом. Почаще бы привлекать таких «деятелей» к серьезной ответственности!

Я вспоминаю свой разговор с глазу на глаз с членами бригады, в которой работала Бабина.

В том, с какой суровой прямоотой и убежденностью говорили о Бабиной работницы, чувствовалась глубокая ответственность этих людей за порядок в своем коллективе, забота о его нравственном климате. Работникам было отвратительно и то, что Бабина появилась на улице в пьяном виде, и то, что лгала, изворачивалась, обливала грязью других. В их глазах она унизила достоинство рабочего человека, который, если и оступился, сумеет признать свою вину, не станет, выгораживая себя, оскорблять клеветой других.

Именно этого не простили Надежде Михайловне, не захотели с ней работать из-за того самого чувства справедливости, которым в полной мере наделен всякий здоровый коллектив.

Вместо того, чтобы лицемерно требовать справедливости, поискать бы Бабиной чувство справедливости в себе самой! Не отсиживаться дома, ожидая, пока перед нею извинятся и предложат ей новую работу не хуже прежней, а немедленно устраиваться на работу. И там, на новом месте, вернуть себе честное имя и уважение окружающих.

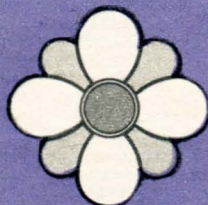
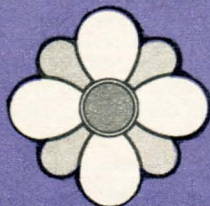
Вот это и будет истинной борьбой за справедливость.

В. КОНОНЕНКО

Мода

Эти фотографии — из зарубежных журналов мод. Как видите, предлагаются простые, так называемые «деловые» вещи, пригодные для любого возраста и фигуры. По-прежнему модны полуприталенные и приталенные силуэты, подчеркнутые крупной строчкой рельефные линии, сквозные застежки, складки.

Оформление Г. ГОРСТИНОЙ.

У нас в гостях — журнал

ЭМБЛЕМА КРАСНОГО КРЕСТА — СИМВОЛ ГУМАННОСТИ, МИЛОСЕРДИЯ — ОПРЕДЕЛЯЕТ СОДЕРЖАНИЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА — ОРГАНА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА. ЖУРНАЛУ «СОВЕТСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ» НЕДАВНО ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ. У НАС МНОГО ДРУЗЕЙ — БОЛЕЕ ПОЛУМИЛЛИОНА ПОДПИСЧИКОВ.

НА СВОИХ СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛ ПОСТОЯННО РАССКАЗЫВАЕТ О ГУМАННОЙ МИССИИ СОВЕТСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА В НАШЕЙ СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ, УЧИТ ПРЕДУПРЕЖДАТЬ ВОЛЕЗНИ, УХАЖИВАТЬ ДОМА ЗА ЗАБОЛЕВШИМ ЧЕЛОВЕКОМ, ОКАЗЫВАТЬ В БЕДЕ ПЕРВУЮ МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ. ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ МЫ РЕГУЛЯРНО СООБЩАЕМ О НОВЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ В МЕДИЦИНЕ, О ГИПОТЕЗАХ, ПОИСКАХ УЧЕНЫХ. ОЧЕНЬ ПОПУЛЯРНА РУБРИКА «ОТВЕЧАЕМ НА ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ».

ПОДБОРКА НАШИХ МАТЕРИАЛОВ СЕГОДНЯ ПЕЧАТАЕТСЯ НА СТРАНИЦАХ «РАБОТНИЦЫ».

СОВЕТСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ

Сильнее любой стихии

Краткое сообщение ТАСС, всего несколько строк: где-то на краю земли зашаталась и сдвинулись с места горы. В другом уголке земного шара разбушевавшийся океан ринулся на материк и поглотил все, что встретил на своем пути. А где-то вспыхнула эпидемия. За скупыми строками — превращенные в руины города, снесенные с лица земли поселки и деревни, сотни погибших, тысячи раненых, больных...

Совсем недавно сильные наводнения постигли Индию, Пакистан, Алжир. Была прервана связь, разрушены транспортные сооружения, тысячи людей остались без крова. В Пакистане пострадали 22 города и 10 тысяч деревень, в Индии наводнение охватило целые штаты — Уттар-Прадеш, Джамму и Кашмир, в Алжире его жертвами стали жители вилайетов Аннабы и Тлемсена.

Спустя несколько дней за первым сообщением о случившейся катастрофе следует новая информация ТАСС: Советский Красный Крест отправил населению страны, пострадавшей от стихийного бедствия, медикаменты, перевязочные материалы, одеяла, палатки и другие предметы первой необходимости.

Только за последние четыре года такую помощь получили более 50 стран. В их числе — Бирма, Иордания, Мали, Пакистан, Турция, Афганистан, Бангладеш, Индия, Иран, Перу.

В сердцах всех советских людей, воспитанных в духе социалистического гуманизма и интернационализма, острой болью отзываются чужие несчастья. Прозвучит сигнал бедствия — и взмоют ввысь самолеты, отчалият пароходы с грузами Советского Красного Креста. Искренняя дружба сильнее любой стихии.

Н. РЕВЕНСКАЯ

«Рады вам сообщить...»

Угол Кузнецкого моста и улицы Жданова. На одном из плотно прижавшихся друг к другу зданий вывеска: Управление по розыску родственников советских граждан за рубежом Исполкома СОКК и КП СССР.

С годами все меньше становится людей, страдающих от разлуки с родными и близкими, потерявшими во время войны или при других трагических обстоятельствах. Но еще и сегодня в адрес управления приходят многие тысячи писем: ищут друг друга родители и дети, близкие родственники. Для официального розыска нужны точные данные. Но как быть, если ребенок потерялся совсем еще маленьким? Разве

он мог помнить или знать, где и когда родился, имена родителей, фамилию? Не удивительно, что среди массы писем встречаются и такие: «У меня на правом виске шрам, мы с братом лазили по скирдам, и я упал на грабли. Только по этому шраму мать и может меня найти». Таких писем не одно и не два, — десятки, сотни. А ведь искать надо не у себя в стране — по всему миру... И все-таки сотрудники управления начинают поиски, ухватившись за соломинку — какую-нибудь на первый взгляд незначительную деталь, вроде родинки на правой щеке или шрама на левой коленке. Нацисты отбирали детей у родителей, направляли их в немецкие семьи. Им давали новые имена, чужие фамилии. Но мать не может смириться с потерей ребенка. Долгие годы ищут детей родители и находят с помощью людей, посвятивших себя кропотливому делу розыска.

Через 20 лет с лишним встретился со своей матерью Григорий Чеботарев... Галина Здоровец 27 лет не видела свою дочь Бригитту, которая родилась на чужбине, где во время войны оказались тысячи советских граждан, угнанных фашистами...

Трудно, очень трудно отыскать в сегодняшнем мире следы человека, уже почти стертые временем. И все же на каждую третью просьбу приходит ответ, начинающийся словами: «Рады Вам сообщить...»

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Советы под редакцией главного врача Института красоты И. И. КОЛЬГУНЕНКО.

Мы надеемся, что в прошлом году вам сослужили добрую службу советы, которые печатались под рубрикой «Зеркало и календарь». В этом году мы перенесли наше зеркало в цех, где вы работаете, на вашу стройку, в ваше учреждение. Ведь большую часть времени проводим мы на работе, и всегда, во всех условиях хотим выглядеть лучше, красивее.

Если в цехе, где вы работаете, несколько повышена влажность и влажность, сухая кожа лица может стать еще суше, раздражаться, шелушиться.

Жирная, наоборот, сильнее салится.

Словом, если вы каждый день работаете в таких условиях, придется особо позаботиться о своей внешности. Времени это займет немного.

■ С утра, до работы, если кожа у вас сухая, умойтесь прохладной водой. Середину лба, нос, подбородок промокните полотенцем, а на остальные участки, еще влажные, нанесите давящими движениями любой жирный крем («Янтарь», «Люкс», «Людмила»), предварительно растерев его между ладонями. Через несколько минут снимите излишки крема бумажной салфеткой и слегка припудрите.

■ Если есть возможность, держите в своем шкафчике на

работе какой-нибудь лосьон для сухой кожи («Лилия», «Розовая вода») или просто подкисленную воду (1/2 чайной ложки борной кислоты на 1 стакан воды). В перерыве, а также после работы протрите лицо. При очень сухой, раздраженной коже нанесите на влажное лицо крем («Березовый», «Ассоль» или «Аленушка»), затем промокните салфеткой и припудрите.

■ У вас сальная, пористая кожа. Умойтесь дома как следует холодной водой и нанесите крем для жирной кожи («Идеал» или «Снежинка»). Излишки его также промокните перед выходом на улицу. Тем, у кого на коже есть гнойнички или угри, лучше протирать лицо настойкой календулы (про-

Донор— это почетно

В наш журнал приходит много писем с просьбой подробнее рассказать о донорстве. Не вредно ли давать кровь? Как часто можно это делать? В каких количествах? Надо ли донору придерживаться какого-то особого режима? Какие льготы он имеет?

Отвечаем сразу на все эти вопросы. Думаем, это будет интересно не только авторам писем, но и другим читателям журнала.

● Донором может стать любой здоровый человек, достигший восемнадцати лет. Однако только врач вправе решить, пригодна ли его кровь для переливания больным. Будущего донора тщательно обследуют. Бывают случаи, когда человеку, практически здоровому и работоспособному, нельзя быть донором: препятствием к этому, например, служат некоторые заболевания, перенесенные в детстве.

● В организме человека до шести литров крови. Небольшая потеря ее даже полезна, способствует хорошему самочувствию, повышает трудоспособность донора. В глубокой древности кровопускание считалось не только лечебным, но оздоравливающим организм средством. Сотни тысяч советских людей регулярно в течение многих лет безвозмездно дают кровь для переливания больным и чувствуют себя хорошо.

● У доноров, дающих кровь впервые, как правило, берут 200—250 мл, у повторных — до 400 мл. Дозу определяет врач. В среднем, по мнению ученых, можно давать до 400 мл 5 раз в год.

● Состав взятой крови, а следовательно, и ее лечебная ценность во многом зависят не только от здоровья, но и от самочувствия донора в момент, когда дается кровь, от его питания, отдыха. Поэтому перед тем, как давать кровь, нужно хорошо выспаться. Не разрешается идти на донорский пункт после ночной смены. И уж никак нельзя употреблять в это время спиртные напитки: даже небольшое количество алкоголя в организме может вызвать у донора обморок. Кроме того, такая кровь отрицательно действует на больного, особенно если это ребенок.

● Руководители всех предприятий, уч-

реждений и учебных заведений обязаны отпускать рабочих и служащих в день обследования и в день дачи крови и сохранять за ними среднюю заработную плату. Кроме того, донорам предоставляется день отгула.

● Первым безвозмездным донором в нашей стране была девушка, которая в 1919 году охотно откликнулась на просьбу врача В. Н. Шамова подарить часть своей крови изнуренной кровотечениями больной женщине. К великому сожалению, ее имя установить не удалось — истории бо-

лезни оказались утраченными в дни блокады Ленинграда. Известны только очень теплые воспоминания о ней В. Н. Шамова: «В тот самый момент, когда город был окружен тесным кольцом интервентов, когда петроградцы сидели в голоде и холоде, молодая девушка без малейших колебаний согласилась дать без всякого вознаграждения свою кровь, чтобы спасти жизнь совершенно незнакомой ей пожилой женщины».

А. АНТРОПОВА

Отвечаем на письма читателей

«Как поставить горчичники взрослому, я в общем-то знаю. Однако совершенно не представляю, как поступать в тех случаях, когда это касается больного ребенка.
г. Калуга

В. ИВАНОВА

Удобнее всего готовые горчичники — их продают в аптеке. Смочите горчичник теплой водой (не выше 45—50 градусов) и положите на спину, чуть ниже лопаток, на грудь (левую часть груди, где находится сердце, покрывать горчичниками не следует), иногда на икры. Детям старшего возраста — непосредственно на кожу, а малышам — через марлю или тонкую ткань, смоченную в теплой воде или растительном масле. Затем поверх горчичников положите сухую пеленку или полотенце и, несмотря на крики и протесты, держите 3—8 минут, время зависит от возраста ребенка, чувствительности его кожи и от «силы» горчичников: те, что долго хранились или отсырели, не оказывают почти никакого действия. Крошки горчицы, прилипшие к коже, удалите ватным тампоном, смоченным в теплой воде, покрасневшие места смажьте вазелином.

Можно сделать горчичники самим. Сухую горчицу смешайте с картофельной мукой (для грудных детей — горчица пополам с мукой, а для детей старше одного года — две части горчицы и одна часть муки). Смесь разведите теплой водой до густоты сметаны, смажьте куски полотна или бумаги, свернутого еще одним слоем ткани и приложите к телу. Грудным детям лучше делать горчичные обертывания или горчичные ванны. Для обертываний возьмите мягкую пеленку, сложенную в несколько раз, и погружите в горчичный раствор. (Две столовые ложки сухой горчицы разводятся в небольшом количестве теплой воды и размешивают, чтобы не образовалось комочков. Дают постоять примерно полчаса и доливают еще водой — около литра). Разденьте малыша и, положив его на эту пеленку (разумеется, отжатую), оберните, оставив свободными руки. А затем уже вместе с руками заверните в одеяло на 10—15 минут.

Горчичные ванны делают так: 200 г горчицы упакуйте в марлю, залейте 10 литрами

теплой воды (37—40 градусов) и держите в этой воде ребенка около 10 минут. Ванну накройте простыней так, чтобы открытой оставалась только головка малыша. После горчичного обертывания или ванны оботрите ребенка мягким полотенцем и смажьте вазелином или детским кремом.

Не забудьте: горчица оказывает благотворный эффект только при правильном ее применении. Для горчичников нельзя применять кипящую и горячую воду — горчичный фермент разрушается при высокой температуре. Старайтесь не прикладывать горчичники к одному и тому же месту, чтобы не было темных пятен на коже.

Если у ребенка высокая температура, не применяйте горчицу ни в каком виде.

Врач С. МАРТЫНОВ

«Моему сыну четыре года. Лечить его — сплошное горе. Полоскать горло он не умеет, капризничает. Таблетки пить не хочет. Как его заставить?
г. Хабаровск

Г. И. .

Действительно, часто для мамы или бабушки, имеющих дело с маленьким ребенком, такие простые процедуры, как полоскание горла или прием лекарств, превращаются в сложнейшую проблему. Поэтому лучше научите ребенка полоскать горло заранее, а не тогда, когда он уже заболел. Сначала предложите малышу для полоскания теплую кипяченую воду, затем — подслащенный крепкий чай, а когда возникнет необходимость — и лекарство. Непременное только то, что прописано! Даже привыкший к этой процедуре ребенок может проглотить часть раствора.

Самым маленьким полоскание можно заменить спринцеванием с помощью резинового баллона. Наклоните при этом голову ребенка, чтобы он не захлебнулся.

Прежде чем давать таблетку, размельчите ее и замаскируйте в пище — хлебе, каше, молоке. Но учтите, такая маскировка может ослабить действие некоторых лекарств.

Г. ЧЕРНЯВСКИЙ, кандидат медицинских наук

дается в аптеке) или лосьоном для жирной кожи («Утро», «Ленинградский», «Рижский»). Раздавая в неделю полезное умываться с содой и солью. Ополосните лицо. Мягкую губку хорошо намочите, обмокните в порошок, содержащий в равных частях пищевую соду и соль самого мелкого помола. Круговыми легкими движениями нанесите смесь на лоб, нос, подбородок. Через 1—2 минуты смойте. Наиболее сальные участки можно протереть долькой лимона или той же настойкой календулы. После работы умойтесь и протрите лицо подкисленным раствором, как говорились выше.

■ Для защиты от пыли можно употреблять и специальные аптечные мази, например, мазь «Миколан». Она наносится на

лицо перед работой. После работы смойте мазь и положите питательный крем.

■ Не забывайте следить за состоянием кожи рук. Перед работой, тщательно вымойте руки с мылом, смажьте мелкие ссадины и трещины йодом или раствором бриллиантовой зелени. После работы вновь осмотрите руки и смажьте карандашом жидкостью Новикова либо клеем БФ-2 — они создают защитную лечебную пленку. Теперь можно спокойно стирать, мыть посуду и так далее.

■ Если вы заметили излишнюю сухость кожи рук, придется заняться ими особо. Дома время от времени делайте на 5—7 минут теплые ванночки из раствора нашатырного спирта (1 чайная ложка на 1 стакан во-

ды) или бледно-розового раствора марганцовокислого калия. После ванночки смажьте руки специальным кремом для рук или любым жирным кремом. Мелкие ссадины смажьте трехпроцентной синтомициновой эмульсией.

■ Теперь позаботимся о волосах. Наверное, вы работаете в косынке, но тем не менее волосы требуют внимания. После работы как следует расчешите их расческой. Постарайтесь, если у вас сухие волосы, расчесывать их подольше в разных направлениях.

■ Волосы быстро сальтятся? Не улепляйтесь щеткой. Лучше причешивайтесь мягким гребнем и протирайте через день кожу головы настойкой календулы.

■ У тех, кто сильно потеет, на коже могут появиться гнойнички, потертости или грибковые заболевания. Чтобы этого не случилось, обязательно дважды в день, утром и вечером, мойтесь с мылом. Стопы и подмышечные впадины можно протирать специальными средствами или обрызгивать аэрозолями. Очень хорошо делать ванночки с отваром дубовой коры или настойкой шалфея. После ванночки кожу можно присыпать порошком, содержащим тальк, окись цинка и уротропин в равных количествах. Эти средства могут пересушить кожу. В таких случаях целесообразно 1—2 раза в неделю на ночь втирать жирный витаминизированный крем («Витаминный», «Атласный») или борный вазелин.

Врач Л. ГОРДИНА

Приглашаем на блины

— Приходите на блины! — приглашает радушная хозяйка. — Зиму проводим!

И в столовой, где вы каждый день обедаете, в эти дни непременно испекут блины. А уж если вы попадете на праздник проводов зимы (такие праздники стали традицией чуть ли не в каждом городе), то наедитесь блинчиков до отвала. Румяных, с пылу, с жару. Не беда, что печет их машина. Да, современная механизация добралась и до этой области кулинарного искусства. Автомат выпекает блины, блинчики, оладьи. Приходят в движение пекущие валики — знай только подхватывай круглое, горячее чудо. Если технология выдержана — ни один блин не будет комом.

У масленичного блина длинная история, и восходит она к тем традиционным славянским праздникам, которыми наши предки отмечали конец зимы и наступление весны. Когда дни становились длиннее, солнце поворачивало на лето, земледельцы начинали одолевать думы и заботы о будущем урожае. Как сделать, чтобы зима ушла вовремя, оставив на полях побольше влаги, чтобы весна не замешкалась, а солнце к сроку набрало бы нужную силу?

Наши предки были убеждены: для того чтобы задобрить солнце, а заодно повлиять на урожай, приплод скота, удои молока — нужно устроить праздник, шумный и веселый, с обильным угощением. К началу весны в хозяйствах оставались еще прошлогодние запасы муки, масла, молочных продуктов, они и составляли основу обрядного пиршества. Главным блюдом были плоские хлебцы, блины — другого способа выпечки хлеба славяне просто еще не знали. Золотистые, с жарким румянцем, они стали символом нарождающегося солнца, которому и посвящался сам праздник.

Часть праздничного угощения предназначалась душам предков, от которых тоже ждали помощи и поддержки. Поэтому первый масленичный блин крестьянки отдавали нищему — на помин души умерших.

Была масленица праздником многодневным и очень шумным. И не зря: славяне верили в то, что духи не выносят шума. С криками и воплями сжигали или топили они чучело из соломы, разводили костер из хлама и мусора, скопившихся в хозяйстве. С помощью этого обряда «выживали» нечистую силу, которая за долгую зиму будто бы нашла приют в соломе, в залежалом хламе.

Люди переодевались в чужую одежду, рядились в шкуры животных, мазали лицо сажей до неузнаваемости с той же целью — обмануть духов, отвести их от дома. Даже

кулачные бои первоначально были вовсе не развлечением: кровь должна была вызывать дождь на поля.

Языческий праздник проводов зимы, отличавшийся таким же неумеренным весельем и буйством, бытовал и на Западе, только там он назывался карнавалом. Римская церковь неодобрительно взирала на карнавалы, но добились лишь того, что сократила продолжительность их с четырнадцати до восьми дней.

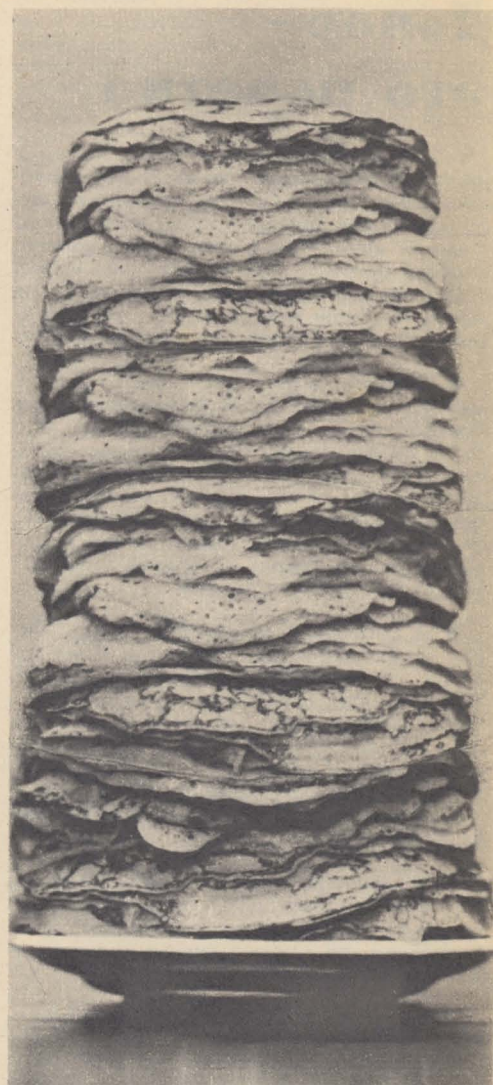
И православной церкви, когда столкнулась она на Руси с обычаями народа, запретить масленицу не удалось. Не помогли угрозы отлучения от церкви. Пришлось духовенству дополнить содержание древнего языческого праздника христианским учением — и масленица стала как бы напоминанием о первых людях — Адаме и Еве и истории изгнания их из рая.

Зато сам масленичный быт остался прежним — «есть до икоты, пить до перхоты, петь до надсады, плясать до упаду». Встречали масленицу в понедельник, разгул шел с широкого четверга до конца недели — прощания. Блины пеклись всю неделю. А вот мясо находилось под запретом. В церковном календаре эта неделя получила название мясопустной, своего рода полупост.

«Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву с наставлениями и советами для них», выпущенная в издательстве Новикова в 1791 году, не без ехидства предупреждала: «Масленица такое время, в которое многие думают обратить свой желудок в запасной магазин масла, молока, яиц, блинов и пряжинец».

Невиданное по размаху масленичное празднество и гулянье устроил царь Петр в Москве в 1722 году, по случаю заключения Ништадтского мира. Морские суда разного вида на колесах, полсотни саней, запряженных зверьем, вереницей тянулись от села Всехсвятского к специально установленным Триумфальным воротам. Трехмачтовым кораблем с 88 пушками управлял сам царь.

На берегах Москвы-реки, Неглинки, тогда еще не упрятанной в трубы, построены были горы с затейливыми башнями для катаний, стояла там «комедь с разными позорищами». Бил барабан, заливались рожки, балалайки, свистелки. Дышал жаром обжорный рынок. Гуляки жгли соломенные чучела, наряжались в медвежьи шкуры, мазали сажей лица, обедались блинами. Масленица, как ее изображали — румяная толстая баба на сковородке с двумя ухватками и с помелом вместо языка, — была царицей праздника.

Вечером лучшее катание шло от Кремля по Маросейке и Покровке к Разгуляю. Там, на распутье четырех дорог, стоял один из самых искусительных для гуляк трактиров с плясунами и песельниками. Ухарскими катаниями славилась ямские слободы — Тверская, Рогожская, Дорогомиловская. И много увечных, больных, а то и забытых на смерть в кулачных боях оставляли после себя эти дни неумеренного веселья и обильного питья.

Но... не все коту масленица, будет и великий пост. Он начинался сразу же после заключительного воскресного пира и тянулся семь длинных недель. Тут уж не попоешь, не повеселишься. А пышные, скоромные блины, остатки греховного праздника, уже с воскресенья на понедельник считались хлебом поганым, богатые их даже выбрасывали. В первую субботу великого поста пекли хозяйки другие блины — пресные, безвкусные — тужилки по масленице.

Такова история праздника и главного его угощения. Сейчас бывшее славянское торжество потеряло и свое некогда магическое и какое бы то ни было церковное содержание. С нами остался народный обычай провожать уже поднадоевшую зиму и есть блины с разными приправами — и на масленицу, как это делали прежде, и в любое другое время года. Попробуйте испечь вкусные блины и вы. А мы поможем вам в этом советами.

И. ЖЕРНЕВСКАЯ

Блины — гордость русской национальной кухни. Они способны украсить самый праздничный стол. Не зря зовут гостей на блины так же, как на пироги и пельмени, на беляши и вареники.

Современные хозяйки очень упростили старые, весьма хитроумные и трудоемкие рецепты приготовления блинов. Испечь блинчики на скорую руку, за 15 минут, тоже неплохо, особенно если в доме есть блинная мука. Но на Масленицу все же затейте блины настоящие, по всем правилам кулинарного искусства. Дело это, конечно, хлопотное, придется повозиться на кухне, но, право же, результаты того стоят! Задумали блины — загодя замочите дрожжи, чтобы разошлись до того, как будете ставить тесто. На каждый килограмм муки берут от 20 до 50 г дрожжей; чем больше сдобы — сахара, яиц, масла, — тем больше должно быть дрожжей.

Способов приготовления теста довольно много — каждый волен выбрать по вкусу.

БЕЗОПАСНОЕ ТЕСТО. Литр молока или воды подогрейте чуть выше комнатной температуры, добавьте дрожжи (1 палочка), 4 яйца, 2 столовые ложки растительного масла, 100 г сахарного песка, 1,5 чайной ложки соли и такое количество просеянной муки, чтобы получилось не густое, но и не жидкое тесто. Месить его надо основательно, пока не перестанет прилипать к рукам. Дело пойдет скорее, если при этом добавит еще пару столовых ложек растительного масла. Некоторые кулинары на то же количество молока кладут сахара меньше — всего 2 столовые ложки, но масла на ложку больше. Можно взять не одну только пшеничную муку, добавить гречневую, кукурузную, соевую — блины в этом случае получаются суше.

Тщательно промесив тесто, накройте его полотенцем и поставьте в теплое место — например, на кастрюлю с подогретой водой.

Для сдобных блинов в литре подогретого молока растворите 100 г дрожжей, всыпьте столовую ложку сахара и 1 кг (6 тонких стаканов) муки. Когда опара будет готова, добавьте 10—12 яиц, взбитых с сахар-

ным песком (полстакана), 8 столовых ложек муки, 200 г сливочного масла и три тонких стакана молока. Замесив, дайте тесту подойти.

Эти рецепты рассчитаны на то, что блины будут есть 6—8 человек.

Итак, вы поставили тесто. Через два часа объем его увеличится вдвое, вы обомнете его и пусть себе бродит.

Подготовьте сковороды — лучше небольшие, чугунные, с толстым дном. Очистите их от нагара, если давно ими не пользовались, смажьте тонким слоем растительного масла и прокалийте на огне, пока не исчезнет дым. Новую сковородку поставьте на плиту, смажьте жиром и минут 10 подержите на огне, потом жир слейте, а сковородку тут же протрите солью. Печь блины лучше одновременно на трех-четыре сковородках, если, конечно, вы сумеете быть достаточно расторопной. Вам понадобится помозок, чтобы смазывать сковороды. Некоторые делают его из птичьих перьев или марлевого тампона, но лучше всего вымыть небольшой картофелину, разрезать ее пополам и насадить на вилку. Такой помозок не будет забирать слишком много жира, а пользоваться им удобно. Приготовьте миску, в которую вы будете складывать готовые блины, поставьте ее поближе к кастрюле с горячей водой, чтобы блины не остывали.

Тем временем тесто норовит вылезти из кастрюли. Если оно густовато — разбавьте его подогретым молоком, при этом непрерывно мешайте, чтобы масса была однородной и напоминала сметану. Но окончательно густоту определите при выпечке первых блинов: если хотите, чтобы они получились тоньше, добавьте больше молока. Попробуйте, достаточно ли соли и сахара.

Разбавленному тесту дайте еще немного подняться. В общей сложности оно бродит около трех с половиной часов, но время это меняется в зависимости от температуры помещения и качества дрожжей.

Если теста слишком много и вам столько блинов не требуется, то часть теста отлейте и поставьте в холодильник — чтобы не перекисило.

Первые блины, как и положено, неудачные — прилипают к сковородке. Иногда виновата

сковорода: плохо разогрелась, иногда — тесто. Из невыбро- дившего теста блины получаются пресными и плотными, без дырочек. Из сильно перекише- го — кислыми, бледными. Если же тесто в самый раз — подня- лось и только-только начинает опускаться, — то блины круже- вые, пышные, с хрустящей короч- кой.

Едят блины — кто с чем любит. Со сметаной или медом, с вареньем, хреном. Сливочное масло подают растопленным. Можно добавить в него мелко нарубленные вареные яйца, посолить и поперчить. По тради- ции подают к блинам рыбу — жареную, соленную, под марина- дом. Селеддь, селедочный паш- тет (сельдь, белый хлеб, размо- ченный в молоке, репчатый лук, яблоко), кильки — все хо- рошо к блинам.

Вкусны они и на другой день — подогретые или запе- ченные с творогом, мясом, ри- сом с яйцами.

Это — «классические» блины. Можно сделать и что-нибудь по- проще. А можно постараться, не пожалеть времени — и угос- тить домашних блинами осо- бенными. Такими, например.

Блины с припеком

Так называются блины, в ко- торые при выпечке, прямо на сковороду, добавляют либо на- рубленные крутые яйца, либо кусочки селедки или другой со- леной рыбы, либо зеленый или поджаренный лук, либо швар- ки. Тесто для блинов готовится, как обычно.

Блины с тыквой

Приготовьте тесто для сдоб- ных блинов. Очистите, нарежь- те кубиками тыкву и потушите с маслом и молоком. Когда ты- ква станет мягкой, слейте из- лишки молока и протрите тык- ву сквозь сито. Тыквенное пюре добавьте в тесто во время обминки. Пекут как обычно. Едят со сметаной или вареньем.

Для опары: 1 кг муки, 1 сто- ловая ложка сахарного песка, 60 г дрожжей, 1 л молока или воды.

Для теста: 8 столовых ложек муки, 4 чайные ложки сахара, 3 яйца, 100 г сливочного масла, столовая ложка соли, стакан молока, 1 кг тыквы.

Блины с яблоками

Испеките яблоки, очистите их от сердцевин, протрите, сме- шайте с опарой для сдобных блинов, добавьте соль и масло. Взбейте яйца с сахаром и тоже смешайте с опарой. Когда тесто подойдет, пеките блины.

Для опары: 1 кг муки, 1 л молока, 2 чайные ложки сахар- ного песка, 40 г дрожжей.

Для теста: 2 кг яблок, 6—8 яиц, 6 чайных ложек сахарного песка, 100 г топленого масла, столовая ложка соли.

Блины пшеничные

Промойте перебранное пше- но, засыпьте в кипящую подсо- ленную воду (три-четыре части воды на одну часть крупы). Когда вода закипит, слейте ее, залейте крупу молоком, доба- вьте соль, сахар и варите, поме- шивая. Готовую кашу охладите, смешайте с яичными желт- ками, растопленным маслом, опарой и дайте подойти. В гото- вое тесто введите взбитые бел- ки, слегка помешивая снизу вверх. Пусть тесто подойдет еще раз, тогда начинайте печь бли-

ны. Едят их с маслом, сметаной или простоквашей.

Для опары: 4,5 стакана му- ки (700 г), 80 г дрожжей, 1 л мо- лока.

Для каши: 500 г пшена (2,5 стакана), 1,5 л молока или воды, столовая ложка соли, пол- стакана сахарного песка.

Для теста: 10 яиц, 100 г сли- вочного масла.

Блины скороспелые

Яйца смешайте с 3 стака- ми теплой воды, прибавьте соль, сахар и соду, всыпьте му- ку и размешайте так, чтобы не было комков. Разведите в ста- кане воды лимонную или ви- ную кислоту, влейте, размешай- те — тесто готово.

Если нет кислоты, то муку, яйца, соль и сахар смешайте с кислым молоком, а соду разве- дите в стакане воды и влейте в тесто перед выпечкой.

На 500 г муки: 3 стакана во- ды или молока, 2—3 яйца, 1 столовая ложка сахара, по 1/2 чайной ложки соли, соды и кислоты.

А вот два старинных русских рецепта.

Блины картофельные

Отварите до полной мягкости 10—12 картофелин, протрите их через решето и посолите. В не- большую кастрюлю влейте 4 ложки молока, ложку масла и ложку пшеничной муки, разме- шайте все, поставьте на плиту и варите, постоянно помешивая, до тех пор, пока не загу- стеет. Потом снимите с плиты, вбейте в это горячее тесто яй- ца, размешайте, взбейте 3 желт- ка, положите их в тесто, добавь- те туда же протертый карто- фель и еще размешайте. 5 бел- ков с сахаром, взбейте в пену, влейте в тесто и окончательно размешайте. Можно приступить к выпечке.

Припасы: 10—15 картофелин, 4 столовые ложки масла, 5 яиц, 4 столовые ложки молока, 1 1/2 столовых ложки пшеничной муки и столовую ложку сахар- ного песка.

Гурьевские блины

Возьмите пшеничную муку, желтки и топленое масло, поло- жите все в кастрюлю и, разме- шав, разведите кислым моло- ком до нужной пропорции. За- тем взбейте 12 белков, добавьте их в тесто и, смешав, начинай- те печь блины.

Припасы: 1200 г муки, 12 яиц, 300 г масла, кислое моло- ко.

И еще один домашний рецепт: его прислала пенсионерка Ю. П. ПЕТРАКОВА из г. Ворошило- града.

Я пеку блины, не смазывая сковородку ничем, и ни первый, ни последний не бывает «ко- мом», пекутся блины вдвое бы- стрее, а в квартире совершенно нет угара.

Мой рецепт такой: на один литр теплого молока кладется 2—3 яйца, 1 столовая ложка са- хара, полная чайная ложка со- ли. Затем половину молока от- ливаю в кастрюльку или миску и густо размешиваю с мукой, затем понемногу разбавляю ос- тальным молоком до жидкого состояния, как положено на блины. Когда все готово, влею- те 3 столовые ложки подсолне- чного масла и хорошо размешай- те, чтоб его не было видно на поверхности и оно соединилось с тестом. А теперь смело нали- вайте на сухую раскаленную сковородку и пеките.

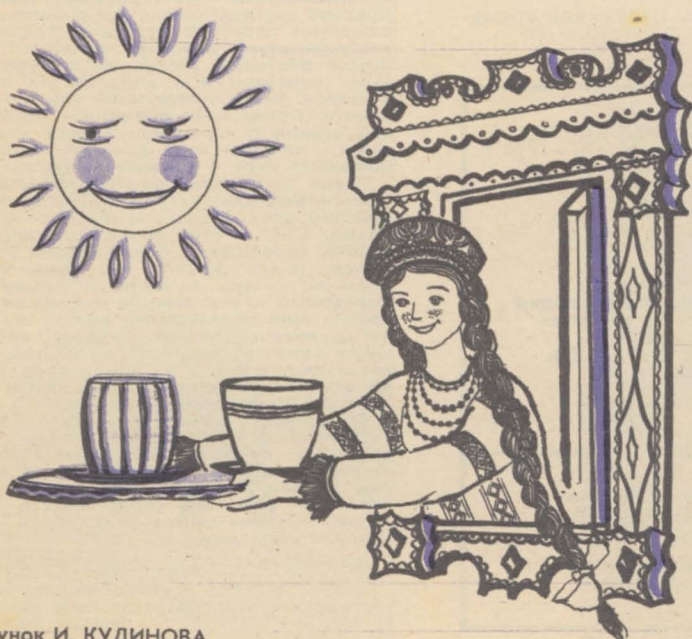

Рисунок И. КУДИНОВА.

Амазонская лилия

Мы охотно разводим комнатные цветы — герань, огонек, бегония, но, к сожалению, цветут они лишь в теплое время года. Между тем есть растения, роскошные цветки которых могут украсить наш дом и в зимнюю пору. К ним относятся, например, амазонская лилия, или эйхарис, луковичное растение родом из Южной Америки, с овальными листьями на длинных, до 40 см, черенках.

Цветет амазонская лилия дважды в году — ранней весной и в январе. Сначала

у основания черенков ее листьев выклевываются несколько нежных бутонов на коротких стеблях. Примерно через месяц стрелки достигают 25—35 см, на каждой из них распускаются до шести крупных — 8 см в поперечнике — белоснежных, дивной красоты цветков с тонким ароматом. Нет, не случайно цветок получил название эйхарис, в переводе с греческого языка — очень изящный.

И вот такое растение — редкость в коллекциях цветоводов — любителей. Поче-

му? Да потому, что зацветает лилия только через несколько лет, когда обзаведется луковичками-детками. Не у каждого хватает терпения дожидаться этого времени, а многие просто не знают, что надо подождать. Решив, что растение «не принялось», его отправляют в мусорный ящик.

Амазонская лилия неприхотлива, довольствуется самыми обычными условиями, не требует особого ухода. У меня она хорошо растет в почве из смеси равных частей дерновой и листовой земли с примесью небольшой доли глины и крупнозернистого речного песка. Как я заметил, растение не любит частых пересадок. За 18 лет я пересаживал лилию всего три раза в землю того же состава, без добавления каких-либо удобрений. Лучшее время для пересадок — март или август, когда растение находится в состоянии покоя. В тот же период можно отсадить и деток — лилия размножается луковичками, но после этого долго, года три-четыре, не будет цветков. Если же у вас нет необходимости завести новые цветы, пересаживайте лилию прямо с детками. Горшок должен быть неглубоким, но достаточно широким. Поливаю я свою лилию чуть подогретой водой из под крана, в период покоя — реже, чем обычно. И она радует меня бунетами роскошных цветков.

Ю. РЫЧИН,
кандидат биологических наук

ЕГИПЕТСКИЕ СОКРОВИЩА В МОСКВЕ

В залах Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина разместились выставка сокровищ из гробницы Тутанхамона, египетского фараона, жившего почти 3400 лет тому назад. Сокровища эти были найдены археологами в 1922 году, через семь лет после начала работы английской археологической экспедиции, поставившей целью отыскать в Долине царей, на левом берегу Нила, гробницу Тутанхамона. Уверенность руководителя экспедиции Говарда Картера и лорда Карнарвона, финансировавшего раскопки, в существовании этого захоронения основывалась на том, что здесь уже нашли кубок и другие предметы с царским именем.

Долгие семь лет метр за метром археологи исследовали территорию мрачной, уединенной долины, много раз надежда сменялась отчаянием, отчаяние надеждой, прежде чем Картер пробил отверстие в замурованной стене и заглянул в гробницу фараона.

Статуи, трон, ларцы, парадное оружие, вазы из светло-желтого, полупрозрачного алебастра, бусы, инкрустированные полудрагоценными камнями и цветной пастой, серьги, браслеты, кольца извлечли археологи из царской усыпальницы. Семь гробов из дерева и камня вскрыли они, прежде чем дошли до восьмого, отлитого из чистого золота, в котором лежала мумия Тутанхамона — хрупкого, болезненного юноши, владыки Египта. Золотая маска, донесшая до нас облик Тутанхамона, экспонирована в центральном зале музея.

В гробнице было найдено все, что требовалось фараону при его жизни: согласно религиозным представлениям древних египтян, человек продолжает жить и в потустороннем царстве. Вещи, обнаруженные в древних погребениях, помогают нам уточнить и восстанавливать подробности быта, обычая и вкусы людей самых отдаленных эпох.

Любопытно, что мебель из гробницы похожа на нашу, современную. Спинки стульев вогнуты, ножки табуретов крепятся к сиденью с помощью подвижных втулок и легко складываются.

Изображения, украшающие предметы погребального культа, рассказывают о личной жизни фараона Тутанхамона и его супруги, красавицы Анхесенамон. Ювелирные изделия — браслеты, кольца, подвеска с крылатым жуком, ожерелье в виде золотого воротника с фигурой коршуна — отличаются тонким сочетанием цветов, изысканностью орнамента, безукоризненным мастерством отделки. Красиво детское кресло Тутанхамона, украшенное слоновьей костью и золотом с изображением лежащих ланей и вьющихся растений. Небольшой табурет покрыт орнаментом в виде цветов лилии и лотоса, символизирующих объединение Египта. Привлекает внимание посетителя столик с игровой доской и фишками — условия этой древней игры напоминают игру в армянские нарды.

Среди экспонатов выделяется наос — вместилище для статуи бога, — соответствующий древнейшей египетской форме храма. Стенки его, покрытые листами золота, изображают сцены жизни Тутанхамона и его супруги, красавицы Анхесенамон, дочери знаменитой Нефертити. Неведомый нам художник мастерски изобразил живые жанровые сцены, пластичную динамику людей. Фараон ласкает юную супругу, подносит ей цветок, охотится вместе с ней на диких уток. Сценки эти полны лиризма, мягкости и точных реалистических деталей.

Сокровища гробницы Тутанхамона еще ни разу не были так далеко от родины. Их сопровождают представители Египетского музея в Каире доктор Ибрагим Навави и доктор Ахмед Салих. Выставка — еще одно свидетельство крепнущей дружбы между египетским и советским народами.

С. ХОДЖАШ,
зав. отделом Востока
Государственного музея
изобразительных искусств
имени Пушкина

Книжкина лечебница

● Если книга намочка, листы пропитались влагой, покрылись плесенью — вытрите их по возможности досуха, пересыпьте тальком, закройте и положите под тяжелый груз.

Когда листы просохнут, протрите их мягкой тряпкой и, ударяя по книге, стряхните тальк.

● Разорванные странички аккуратно подклейте прозрачным клеем или пластиром или полоской папиросной бумаги.

● Загнутые углы страниц переложите чуть влажными листами промокающей бумаги, затем уберите их, положите на кни-

гу что-нибудь тяжелое и дайте просохнуть.

● Чернильные пятна удаляют так: под запачканный лист подложите промокающую бумагу, пятно смочите 20-процентным раствором перекиси водорода, сверху — еще лист промокающей бумаги и дайте просохнуть под грузом.

● Следы от мух удаляют спиртом, жирные пятна — кашицей из смеси магнезии и бензина в равных количествах.

● Грязные пятна осторожно вытирайте мыльной, а потом сырой чистой тряпкой. Для предосторожности проложите между страницами промокающую бумагу.

На первой странице обложки: Ольга Башканкова, отделочница Московского домостроительного комбината № 2. Рисунок И. ПЧЕЛКО.

В приложении к этому номеру: выкройки детской одежды с вышивкой. Бабушкины кружева. «Книга — почтой».

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
[зам. главного редактора], А. Г. ХРИП-
КОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:

101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-44-80; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семьи и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-76; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 24/XII—1973 г.
А 00712. Подписано к печ. 17/I—1974 г.
Формат 60х92½.

Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.

Тираж 12 600 000 экз.

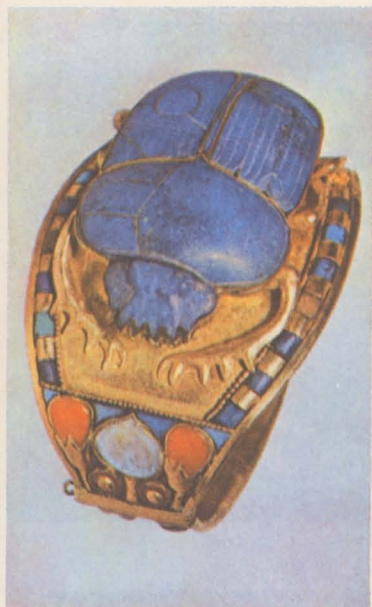
(1-й завод: 1—10 849 450 экз.).

Изд. № 254. Заказ № 1650.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА.

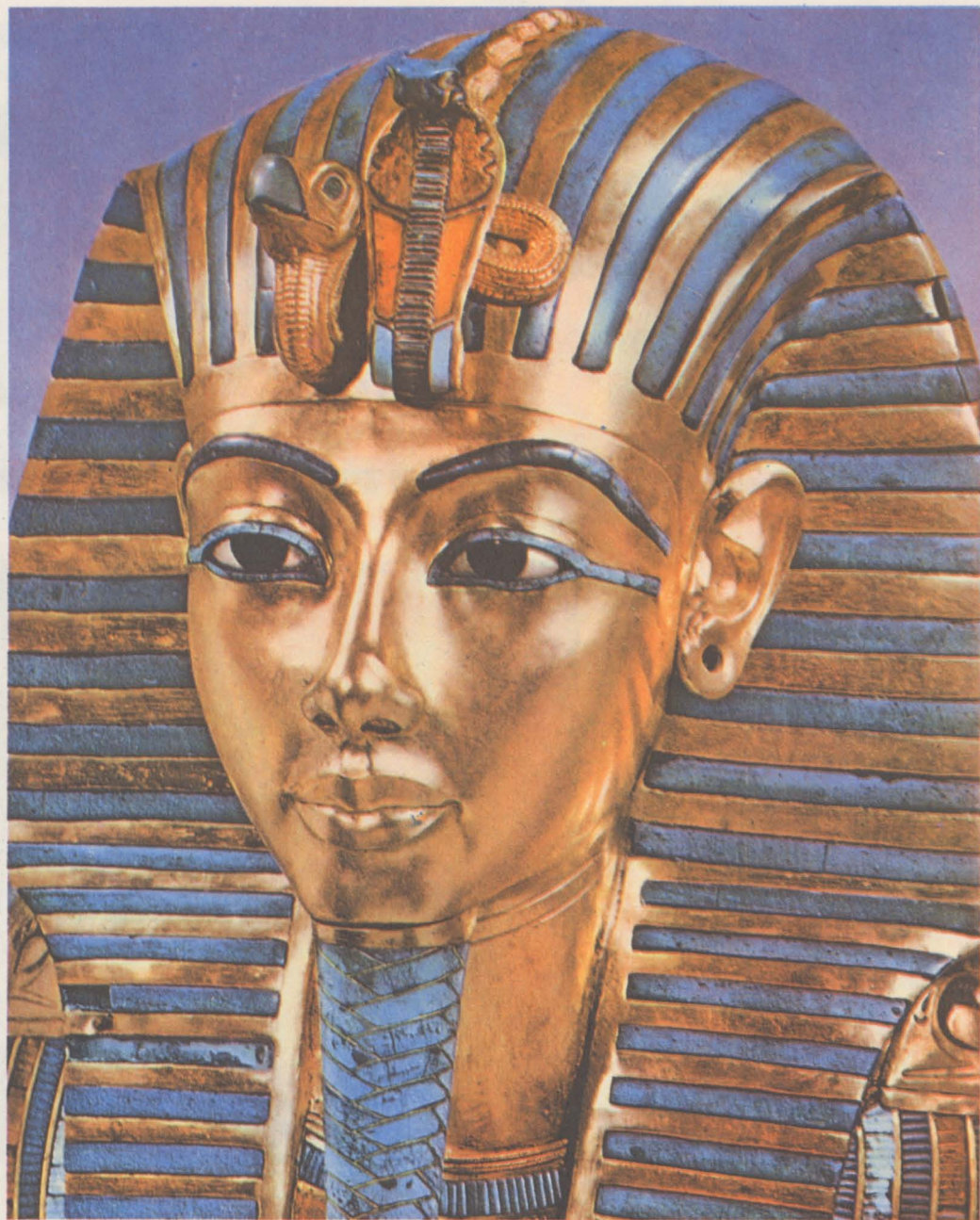

● Золотой детский браслет со скарабеем — священным жуком.

● Золотая маска Тутанхамона. Полосатый головной убор увенчан изображением коршуна и змеи — символом царской власти.

● Фараон, стоящий на пантере.

● Игральный столик.

САМЫЕ БЫСТРЫЕ

Во Всесоюзном конкурсе профессионального мастерства молодых телеграфистов, телефонистов и операторов почтовой связи участвовали восемь тысяч человек. А в Москву на финальную встречу приехали только победители зональных соревнований. Три дня шла борьба за право называться лучшим мастером своего дела. И когда были подведены окончательные итоги, в клубе Центрального телеграфа заместитель министра связи СССР Василий Николаевич Лебедев объявил имена победителей. Среди телеграфистов чемпионкой стала Людмила Еремиллина (г. Москва, Центральный телеграф). Лучшей телефонисткой междугородной сети была признана Татьяна Махина (г. Москва, Центральная междугородная телефонная станция). Среди операторов почтовой связи пер-

вое место заняла Любовь Зюзина (г. Пенза, почтамт). Все они были увенчаны алыми почетными лентами победителей конкурса. Каждой вручили призы и грамоты.

И. КОНСТАНТИНОВ.

На снимках: телеграмму принимает Людмила Еремиллина (вверху); чемпионки конкурса (слева направо) — Людмила Еремиллина, Татьяна Махина и Любовь Зюзина; победителей приветствуют учащиеся ПТУ — будущие связисты.

Фото автора.